

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 5 ЯНВАРЬ 1979

Во время встречи.

ДРУЖЕСТВЕННЫЙ В БОЛГА

Во время проводов на аэродроме.

16 января в Софии, в ЦК БКП состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Первым секретарем ЦК БКП, Председателем Государственного совета НРБ Т. Живковым.

Во встрече приняли участие член Политбюро, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, посол СССР в НРБ В. Н. Базовский; с болгарской стороны — член Политбюро, секретарь ЦК БКП Г. Филипов, член Политбюро, секретарь ЦК БКП О. Дойнов, секретарь ЦК БКП Д. Станишев.

Руководители КПСС и БКП подчеркнули важность единства содружества социалистических стран, мирового коммунистического и рабочего движения, солидарности с освободительным движением народов стран Азии, Африки и Латинской Америки.

17 января Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, находившиеся в Народной Республике Болгарии с кратким дружественным визитом по приглашению Первого секретаря ЦК БКП, Председателя Государственного совета НРБ Т. Живкова, отбыли на родину.

На аэродроме дорогих гостей сердечно, побратски провожали Т. Живков и другие партийные и государственные деятели НРБ.

В этот же день товарищи Л. И. Брежнев и К. У. Черненко возвратились на родину.

По пути следования из Софии в Москву товарищ Л. И. Брежнев сделал краткую остановку в Сочи.

ВИЗИТ РИЮ

19 января Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко возвратились в Москву.

На аэродроме товарища Л. И. Брежнева встречали товарищи Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, В. В. Кузнецов.

Фото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 5 (2690)

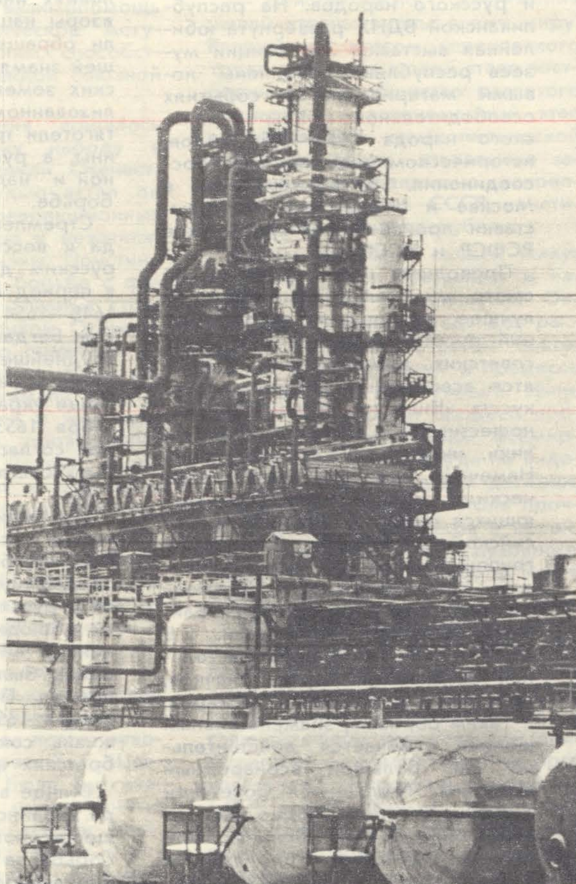
27 ЯНВАРЯ 1979

ПО СТУПЕНЯМ ПЯТИЛЕТКИ

В печати опубликовано сообщение ЦСУ СССР об итогах выполнения Государственного плана экономического и социального развития СССР в 1978 году. Трудящиеся Советского Союза, широко развернув всенародное социалистическое соревнование, добились в 1978 году новых успехов в выполнении исторических решений XXV съезда КПСС. Достигнут дальнейший рост экономического потенциала страны, материального и культурного уровня жизни народа.

За счет повышения производительности общественного труда в народном хозяйстве получена экономия труда 3,7 миллиона человек; национальный доход за год увеличился на 16 миллиардов рублей; продукция промышленности возросла по сравнению с 1977 годом на 27 миллиардов рублей, продукция сельского хозяйства в минувшем году составила 130 миллиардов рублей, что на 14 процентов больше среднегодового производства в девятой пятилетке.

Реальные доходы в расчете на душу населения возросли за год на 3 процента. Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих в народном хозяйстве составила 160 рублей против 155 рублей в 1977 году. Заработная плата с добавлением выплат и льгот из общественных фондов потребления увеличилась с 212 рублей до 219 рублей.

Один из участков новой установки ЭЛОУ-АВТ, принятой в эксплуатацию на нефтеперерабатывающем заводе в Комсомольске-на-Амуре. После выхода на проектную мощность она позволит предприятию вдвое увеличить выпуск нефтепродуктов. Несмотря на то, что объем производства удвоится, численность рабочих практически не увеличится, поскольку установка полностью автоматизирована.

Фото А. ГАЛУШКО (ТАСС)

К 325-ЛЕТИЮ
воссоединения
Украины с Россией

НАВЕКИ

В. В. ЩЕРБИЦКИЙ, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины

интервью «огонька»

— В январе нынешнего года отмечается 325-летие воссоединения Украины с Россией. Каковы основные события предстоящего празднования?

— Светлый и радостный праздник — 325-летие воссоединения Украины с Россией — пришел на украинскую землю, на широкие просторы Страны Советов. Праздник русского и украинского народов. Праздник всех советских людей.

«Чувство семьи единой...» Эти крылатые слова поэта стали сегодня своеобразной формулой нерушимой дружбы наций и народностей родины Октября. Юбилей вылился в могучую демонстрацию морально-политического единства трудящихся Украины, как и всего советского народа, их тесной сплоченности вокруг Коммунистической партии, ее ленинского Центрального Комитета, Политбюро ЦК во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Леонидом Ильичом Брежневым.

В связи со знаменательной датой в столице нашей Родины — Москве прошли Дни Украинской ССР. Седьмого февраля состоится торжественный концерт мастеров искусств и художественных коллективов Советской Украины.

В Киеве, в городах Хмельницком и Переяслав-Хмельницком состоятся торжественные собрания, посвященные юбилею. Пройдут научные сессии обществоведов Академии наук СССР и Академии наук УССР, институтов литературы имени А. М. Горького и имени Т. Г. Шевченко, а также научные сессии в Киевском университете имени Т. Г. Шевченко и Днепропетровском университете имени 300-летия воссоединения Украины с Россией.

Большой праздник состоится на границе трех братских республик — РСФСР, БССР и УССР. Это будет волнующая, дружеская встреча представителей трудящихся Брянской, Гомельской и Черниговской областей.

На промышленных предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах, научных и учебных заведениях проводятся лекции, доклады, беседы, тематические вечера, встречи с учеными, писателями, художниками. Проходят обмены делегациями трудящихся соревнующихся областей Украины и Российской Федерации.

Издательствами республики осуществляется большая программа выпуска литературы и произведений искусства, в которых освещается вечная дружба украинского и русского, всех народов нашей страны, раскрываются торжество ленинской национальной политики КПСС, достижения Украинской ССР в братской советской семье.

Гостелерадио УССР создало телевизионный фильм-оперу «Богдан Хмельницкий». Организованы циклы теле- и радиопередач о братской дружбе украинского и русского народов. На республиканской ВДНХ развернута юбилейная выставка. Экспозиции музеев республики пополнены новыми материалами о событиях освободительной войны украинского народа 1648—1654 годов, историческом значении акта Воссоединения. В марте — июне в Москве и Киеве откроются выставки произведений художников РСФСР и УССР.

Проводится республиканский смотр музыкальных театров на лучшее воплощение произведений русской классики и русских советских композиторов. Состоятся всесоюзный фестиваль искусств «Киевская весна-1979», кинофестивали в областях республики, читательские конференции. Намечено провести обмен творческими коллективами соревнующихся областей Украины и Российской Федерации. Творческие группы, коллективы художественной самодеятельности Украины выступят перед строителями Байкало-Амурской магистрали. В честь юбилея выпущены настольная медаль и серия значков, большой ассортимент сувениров.

Таким образом, знаменательный юбилей отмечается действительно как большой всенародный праздник. Трудящиеся Советской Украины в своем сердце берегут завет бессмертного Ленина: «При едином действии пролетариев великорусских и украинских свободная Украина **возможна**, без такого единства о ней не может быть и речи». Верность этому завету они подтверждают своими практическими делами, своим самоотверженным трудом во имя торжества идеалов коммунизма.

— Воссоединение Украины с Россией стало незабываемым событием в жизни украинского и русского народов. Какие предпосылки обусловили историческую необходимость этого акта? В чем состоит его значение для судеб двух братских народов?

— В. И. Ленин отмечал, что украинский и русский народы очень близки «и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории». Эта ленинская мысль является ключом к ответу на ваш вопрос, к пониманию величия и значения исторического решения Переяславской рады. В этом решении нашла свое логическое завершение экономическая, политическая и культурная общность России и Украины. Общеизвестно: три братских народа — русский, украинский и белорусский — происходят из единого корня — древнерусской народности, имеют общую колыбель — Киевскую Русь.

На долю этих народов уже на заре их истории выпали тяжелейшие испытания и невиданные лишения, вызванные опустошительными нашествиями иноземных завоевателей. И только благодаря совместному героическому сопротивлению народных масс земли русской, их несокрушимому единству и взаимопомощи все иностранные захватчики были изгнаны.

Необходимо отметить, что в условиях иноземного порабощения взоры наших предков всегда были обращены к Москве, поднявшей знамя объединения всех русских земель. К русскому централизованному государству всегда тяготели трудящиеся массы Украины, а русский народ был главной и надежной опорой в их борьбе.

Стремление украинского народа к воссоединению с народом русским достигло своего апогея в период освободительной войны 1648—1654 годов под руководством Богдана Хмельницкого. В это труднейшее, переломное время русский народ протянул руку помощи украинским братьям. 11 октября 1653 года Земский собор дал согласие на принятие Украины в состав Российского государства.

Как видим, историческое решение о воссоединении Украины с Россией было обусловлено всей предыдущей историей украинского и русского народов, выражало их обоюдное стремление к единению. «Чтоб есми во веки вси едино были» — так заявила векопомная Переяславская рада 18 января 1654 года, воплотившая в жизнь сокровенные чаяния двух братских народов.

В лице великого русского народа украинский народ нашел могущественного союзника и брата в борьбе за свое социальное и национальное освобождение. Украина была спасена от порабощения и закабаления иноземными захватчиками. Одновременно Российское государство упрочило свои позиции на мировой арене.

Воссоединение Украины с Россией знаменовало поворотный этап в исторической судьбе украинского народа. Этот исторический акт навсегда закрепил союз и дружбу двух братских народов, имел непреходящее значение для будущего всей нашей Отчизны.

— Торжественно отмечая знаменательные события, мы не только отдаем надлежащую дань нашей истории, но и подчеркиваем их значение для настоящего, для сегодняшнего дня. В чем вы видите ныне живое воплощение исторического решения Переяславской рады?

— «Едины вовеки» — эта клятва, данная на Переяславской раде, это священное чувство столетиями укреплялось и закалялось в горниле совместной борьбы против эксплуататоров.

Неразрывное единство и дружба трудящихся русской, украинской, всех наций и народностей страны наполнились новым содержанием в результате победы Великого Октября, когда впервые на деле, говоря ленинскими словами, осуществилось великое интернациональное братство народов.

Благодаря этому могучему братству украинский народ стал полновластным хозяином своей судьбы, объединил свои исконные земли в едином социалистическом государстве. Благодаря этому братству трудящиеся Украины не только разгромили националистическую контрреволюцию, отстояли свою свободу и независимость в тяжелейшие годы иностранной военной интервенции и гражданской войны, в кровавой борьбе с фашизмом, не только возродили из руин и пепла города и села, но и достигли вершин социального, экономического и культурного расцвета.

Подлинным торжеством интернационального братства, ленинской национальной политики КПСС стало образование новой исторической общности людей — советского народа. И нет для трудящихся Украины большего счастья, чем принадлежность к этой великой общности. Нет прекраснее и выше чувства, чем священное чувство общенациональной гордости советского человека.

От воссоединения Украины с Россией и установленного тогда братского союза русского и украинского народов до создания многонационального Советского государства — между этими историческими рубежами огромная дистанция и по времени и по глубине и размаху революционных преобразований.

В. И. Ленин учил нас видеть, анализировать любое явление в его развитии, «не забывать основной исторической связи». Оценивая историческое решение Переяславской рады, мы отчетливо видим эту основную и глубочайшую связь с далеким прошлым в дружбе народов СССР. Из седины веков в светлый нынешний день принесли русский и украинский народы самое дорогое, самое сокровенное — несокрушимое единство, нерасторжимый союз свой.

ВМЕСТЕ

Исторические корни дружбы народов — это и общие судьбы миллионов людей, и братская взаимопомощь, и совместная борьба за светлое будущее. Каковы, на ваш взгляд, наиболее яркие примеры такой дружбы?

— Книгой братьев назвал украинский поэт Андрей Малышко славную летопись дружбы советских народов. Сказано очень точно и емко. Каждая строка этой волнующей летописи пронизана благородным, всепобеждающим чувством единства, чувством патриотизма и интернационализма, ставшими важнейшими чертами советского образа жизни.

«Дружба дороже золота, крепче стали, сильнее бури, слаще меда»,— гласит народная мудрость. Нерушимая дружба советских людей, являющаяся моральным законом жизни нашего общества, строится на прочном фундаменте общественно-экономических преобразований и идейно-политических принципов. Выкованная в совместной классовой борьбе, закаленная в дни Октября, в огне гражданской и Великой Отечественной войн, в борьбе за построение социализма, она с честью выдержала испытание временем, еще более окрепла и расцвела. «Единство многонационального советского народа прочно, как алмаз,— отмечал Леонид Ильич Брежнев.— И как алмаз переливается многоцветьем граней, так и единство нашего народа сверкает многообразием составляющих его наций, каждая из которых живет богатой, полнокровной, свободной и счастливой жизнью».

Все народы нашей страны гордятся тем, что они боролись за свою свободу и счастье совместно с великим русским народом. Законно гордится этим и украинский народ. Вот уже 325 лет нас объединяет общая судьба, братская взаимопомощь. «Россия и Украина — одного корня калина», — говорится в украинской пословице.

Трудящиеся нашей республики в грозное революционное время вслед за русскими братьями по классу поднялись на штурм царских бастионов, на борьбу за социализм. «Кровь украинских и русских рабочих и крестьян, пролитая во имя рабочей революции на Украине, навсегда освятила братский союз между трудящимися массами Великороссии и Украины», — говорилось в телеграмме правительства Советской Украины, направленной Совнаркому.

Много ярких страниц, повествующих о героических событиях тех огненных лет, вписано в летопись дружбы. Приведу один пример. В годы гражданской войны неувядаемой славой покрыли себя бойцы и командиры Ленинского интернационального полка. Он был создан из восьмидесяти трех партизанских отрядов, действовавших на Брянщине, Черниговщине и Гомельщине. Ядро полка составляли сыны трех братских народов — русские, украинцы, белорусы. По единодушному решению полк был назван именем вождя революции. На всю жизнь запомнили представители полка встречу с Владимиром Ильичем Лениным. По его заданию интернациональный полк совершил победоносный рейд от Унечи до Терека, защищая завоевания Октября.

С тех пор прошло почти шесть десятилетий. Неузнаваемо преобразилась, помолодела древняя земля, откуда начинал свой боевой путь Ленинский полк. На границе Брянской, Черниговской и Гомельской областей сыны и внуки прославленных героев гражданской войны воздвигли величественный Монумент дружбы, олицетворяющий наше вечное братство.

Благодаря бескорыстной помощи русского и других народов нашей страны Украинская ССР, залечив раны гражданской войны, смогла развернуть широкое социалистическое строительство. В сооружении Днепрогэса, Харьковского тракторного завода, индустриальных гигантов Донбасса и Приднепровья принимали участие тысячи посланцев всех братских народов страны. В свою очередь, сыны и дочери Украины строили Турксиб, тракторные заводы в Челябинске и Сталинграде, метрополитен в Москве, город юности Комсомольск-на-Амуре. Такая братская взаимопомощь укрепляла экономическое могущество нашей Родины, способствовала расцвету каждой союзной республики.

Тяжелые испытания пришлось пережить советскому народу в грозные годы Великой Отечественной войны. Грудью встал он на защиту своих революционных завоеваний, свободы и независимости родной Отчизны. Поистине велик его подвиг в борьбе с фашизмом. Одной из славных страниц в истории Великой Отечественной войны стало сражение за Днепр. Воины более тридцати национальностей принимали участие в этой грандиозной и жестокой битве. За героизм, проявленный при форсировании Днепра, около двух тысяч солдат и офицеров удостоены звания Героя Советского Союза.

А разве можно забыть такой факт: 31 января 1944 года, в день освобождения города Канева от фашистских захватчиков, бойцы и командиры передового воинского подразделения поднялись на знаменитую Чернечью гору над Днепром и возложили венок к могиле выдающегося поэта, революционного демократа Т. Г. Шевченко. Среди них были русские, украинцы, казахи, мужественные сыны и дочери той «семьи великой, семьи вольной, новой», о которой когда-то мечтал Кобзарь.

Со словами огромной благодарности и признательности обратились киевляне к русскому народу в радостные дни освобождения от гитлеровцев столицы нашей республики. Они писали: «Всенародно подтверждаем: свобода и счастье Украины — в нерушимом союзе с русским народом и всеми советскими народами-братьями. Всенародно клянемся крепить этот священный и благотворный союз. И клятву свою завещаем нашим детям, нашим потомкам на веки веков». В этих строках выражены сокровенные мысли трудящихся всей Украины.

Безграничная преданность братству советских людей, стремление всемерно приумножать могущество Родины — такая интернационалистская позиция характеризует всю жизнь нашей республики, всю деятельность Компартии Украины — боевого отряда КПСС.

Украинский народ был и всегда будет верен дружбе с великим русским народом, со всеми советскими народами. В этой дружбе и единстве — надежная основа развития и процветания всех братских республик страны, залог укрепления могущества нашего единого союзного государства.

— Известно, что за послевоенные годы мирного труда советских людей в экономике, науке, культурном строительстве произошли изменения, величие которых не находит достойного сравнения ни с каким иным периодом человеческой истории. Не могли бы вы показать на примере Украины, как в связи с этим развивались межнациональные отношения в Советском государстве, как возрастали их масштабы?

— Действительно, достижения нашей страны видны всему миру. Важнейшим итогом героического труда советских людей стало построенное ими общество развитого социализма — закономерный этап в становлении коммунистической формации. Наши эпохальные завоевания законодательно закреплены Конституцией СССР, конституциями союзных республик.

Единой братской семьей живут в нашей стране все нации и народности. Еще до Великого Октября В. И. Ленин предвидел расцвет, сближение, а затем постепенное слияние наций в процессе строительства коммунизма. Ныне этот закономерный процесс проявляется все явственнее. Всемирная история еще никогда не видела во взаимоотношениях десятков наций и народностей столь прочного единства интересов и целей, воли и действия, такого духовного родства и взаимной заботы, как в Советском Союзе.

Для общества развитого социализма характерно дальнейшее усиление интернационализации всех сфер общественной жизни. Особенно зримо это проявляется в главной сфере человеческой деятельности — в материальном производстве. Народное хозяйство СССР стало единым экономическим организмом. Это позволяет наиболее рационально размещать производительные силы и планомерно разрабатывать природные ресурсы страны, совершенствовать общественное разделение труда. В достижениях любого экономического района СССР воплощен труд всех. Поистине: каждая республика работает на всю страну, вся страна работает на каждую республику.

Примеров братского сотрудничества и взаимопомощи не счесть. Вспомним героическую эпопею целины, о которой столь ярко и вдохновенно рассказал Леонид Ильич Брежнев в своей книге. В освоении целины участвовали представители более 60 наций и народностей. Единой семьей советские люди трудились и трудятся на строительстве энергетических гигантов Волги и Днепра, Енисея и Лены, Нурека и Риони. Плечом к плечу они прокладывают Байкало-Амурскую магистраль, осваивают нефтегазовые сокровища Сибири, преобразуют Нечерноземье. Интернациональны по своей сути все крупные стройки страны. Скажем, в сооружении первенца украинской атомной энергетики в Чернобыле принимали участие представители 23 национальностей. Или взять Ташкент: на помощь узбекской столице, разрушенной стихийным бедствием, пришла буквально вся страна.

В едином народнохозяйственном комплексе динамично развивается экономика Советской Украины. Наша республика производит около одной пятой промышленной и сельскохозяйственной продукции страны. Это накладывает на нас большую ответственность. И в то же время практически в каждом промышленном изделии, в каждом пуде украинского хлеба есть совокупность труда всех народов СССР.

Трудящиеся всех 25 областей Украины, многих городов и районов, тысячи трудовых коллективов соревнуются с тружениками Российской Федерации, Белоруссии, Молдавии, Грузии и других республик. Мы знакомимся с их достижениями, перенимаем и внедряем лучший опыт.

Последовательное осуществление ленинских принципов национальной политики ведет к дальнейшему расцвету и всестороннему сближению народов нашей многонациональной Родины, оно служит для многих народов земли вдохновляющим примером успешного решения одного из самых драматичных и сложных вопросов развития человеческого общества — национального вопроса.

— Какими результатами в хозяйственном и культурном строительстве встречает народ Украины 325-летие воссоединения?

— Окидывая мысленным взором нашу цветущую республику, с особой силой осознаешь, что все, чего достигли трудящиеся Украины, стало возможным благодаря неразрывному братству народов Советского Союза, их вечной и нерушимой дружбе.

Рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенция Украинской ССР вдохновенно и целеустремленно работают над воплощением в жизнь решений XXV съезда КПСС, достигая все новых и новых рубежей на пути коммунистического созидания. В прошлом году, например, на Украине произведено промышленной продукции в 3,5 раза больше, чем в 1940 году во всей стране.

Мы с удовлетворением отмечаем, что с начала пятилетки в республике реализовано сверх плана продукции более чем на три миллиарда рублей. Причем почти половину ее составляют товары народного потребления. Растет технический уровень производства. Производительность труда в на-

родном хозяйстве республики возросла с начала пятилетки более чем на 14 процентов, что равнозначно экономии труда 2,6 миллиона работников.

Минувший год отмечен замечательной победой тружеников сельского хозяйства: выращен рекордный урожай зерна — 50,6 миллиона тонн, или по тонне на каждого жителя республики. Государству продано 1 миллиард 82 миллиона пудов хлеба, а за три года пятилетки заготовлено более 3 миллиардов пудов. Таким образом, продажа государству миллиарда пудов в год на деле становится нормой для земледельцев Украины.

Стабильно, хорошими темпами развиваются все отрасли народного хозяйства. Электроэнергия и топливо, металл и машины, минеральные удобрения и товары народного потребления — не перечислить всего, что добывается и производится тружениками Украины. Одна из главных задач, которая стоит сейчас перед нами,— последовательно и неуклонно повышать эффективность и качество всей работы. Заботой об этом проникнуты, в частности, решения состоявшегося в декабре 1978 года Пленума ЦК Компартии Украины, обсудившего задачи республиканской партийной организации, вытекающие из решений ноябрьского (1978 г.) Пленума ЦК КПСС и программного выступления на нем Леонида Ильича Брежнева.

Испытанным ускорителем нашего движения вперед стало социалистическое соревнование. Оно ежедневно рождает новых и новых героев труда, пример которых показывает, каких высоких показателей можно добиться при умелом подходе к делу, активном использовании передового опыта.

С первых дней четвертого года пятилетки на Ворошиловградщине, например, начался месячник ударного труда, посвященный 325-летию воссоединения Украины с Россией. Инициаторами его проведения выступили горняки объединения «Краснодонуголь», в котором трудятся представители 43 национальностей. В соревнование за достойную встречу знаменательной даты включились металлурги, химики, машиностроители, работники сельского хозяйства области.

На Украине плодотворно трудится крупный отряд ученых, многие достижения и открытия которых получили мировое признание. Постоянное укрепление связей науки с производством — одно из важных направлений нашей работы.

Расцветает национальная по форме, социалистическая по содержанию, интернациональная по своему духу и характеру культура украинского народа. Нет, пожалуй, в Советском Союзе человека, который не был бы знаком с творчеством замечательных писателей, художников, композиторов, певцов, танцоров, с яркой самобытной культурой нашей республики.

Равная среди равных в великой семье республик-сестер, идет Советская Украина по пути, указанному Лениным, партией коммунистов, по ленинскому пути созидания светлого будущего.

Интервью взял корреспондент «Огонька» Станислав КАЛИНИЧЕВ.

Микола **БАЖАН**

ПРАВДЫ МОЕЙ СИЛА

Я есть народ...
П. Тычина

Я есть народ, и правды моей сила
Вливается в закон великий мой.
Я — Человек. Меня борьба взрастила,
В труде я вольный, в творчестве — живой.

Я есть Народ — великий, всемогущий.
Я — Человек. Я, гнет веков поправ,
Дорогу проторил во день грядущий,
В сознанье долга своего и прав.

Нелегкий путь, но я титаном гордым
Иду вперед, не возвращаясь вспять,—
Ни лжи, ни клевете, ни вражьим ордам
Мне в поступи моей не помешать.

Нам цель ясна — ее великим светом
Живут слова, что вписаны в Закон,
Они ведут нас к трудовым победам,
Они горят на пурпуре знамен.

О клич и слово партии народа!
В нем — жизни суть и сущность всех наук.
И, величая свой Закон свободы,
Вздымаем мы мильоны мирных рук.

Да, много нас, но мы дружны навеки,
Народ единый, стоязыкий мы,
Мы — люди и для счастья Человека
Все отдаем, что создано людьми.

Я есть Народ. Мой подвиг многоплодный —
Во имя настоящих прав людских.
Я — Человек, в развитии свободный,
Несу для всех права в правах своих.

Вчитайся, человек, в слова Закона
И вспомни, сколько тягот и невзгод,
Проклятий, унижения и стонов
За все былое претерпел наш род!

Был волком человек средь волчьей стаи
Иль зверем одиноким в царстве тьмы.
Век нелюдей — его я проклинаю,
К нему возврата не допустим мы.

Я — Человек. Я верный сын народа,
Что дружбою навек объединен.
Во имя мира, счастья и свободы
Страны Советов славим мы Закон.

Перевел с украинского Евгений КРИЖЕВИЧ.

По Советской стране идет избирательная кампания. На предвыборных собраниях называют имена самых достойных, самых передовых. А на окружных предвыборных совещаниях трудящихся кандидаты в депутаты Верховного Совета СССР получают единодушную поддержку.

Руководствуясь Законом о выборах, разработанным и принятым в соответствии с новой Конституцией СССР, избиратели требовательно, деловито и серьезно обсуждают качества выдвигаемых кандидатов. Народ называет имена достойных, известных. Многие из них связаны со своими избирателями тесными узами совместной работы. Трудятся на производстве бок о бок, встречаются, естественно, каждый день. Нынче эти встречи носят еще и особый характер: встречаются не просто товарищи по труду, а избиратели и их кандидаты в депутаты Верховного Совета СССР.

На публикуемых снимках запечатлены две такие встречи.

...В рабочем городе Челябинске кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР по Металлургическому избирательному округу № 332 выдвинут Илья Андреевич Акимов, Герой Социалистического Труда. Его хорошо знают в Челябинске. Уже двадцать лет он работает на здешнем металлургическом заводе. Пришел сюда зеленым парнишкой из ремесленного училища, а теперь — старший вальцовщик сортопрокатного цеха № 2 Акимов пользуется в коллективе большим авторитетом: он не только знатный производственник, но и член парткома завода.

А Галия Абузарова живет в Башкирской АССР и трудится в швейном объединении «Мир», где больше половины работников — молодежь. Галия и сама совсем молодая — в цех № 7 она пришла в 1970 году. Девушка старалась, совершенствовала свое мастерство и овладела всеми цеховыми операциями. Еще в июне прошлого года Галия выполнила задание трех лет десятой пятилетки. Высокую производительность труда швея сочетает с отличным качеством изделий. Своими знаниями, опытом, теперь уже богатым, член комсомольского бюро Галия Абузарова щедро делится с товарищами.

Труженики объединения «Мир» единодушно назвали передовую швею, комсомолку Галию Рифкатовну Абузарову кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР по Железнодорожному избирательному округу № 503.

Н. ВЛАСОВА

НАВСТРЕЧУ ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

ПОДДЕРЖАНЫ ЕДИНОДУШНО

БЕСЕДА В КРЕМЛЕ

18 января Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин принял в Кремле находившегося в Советском Союзе с официальным визитом министра иностранных дел Испании М. Ореха Агирре.

Состоявшаяся беседа, в ходе которой обсуждались вопросы советско-испанских отношений и международной жизни, проходила в деловой обстановке и отражала стремление обеих сторон к углублению взаимопонимания и взаимного сотрудничества. Было выражено удовлетворение благоприятным развитием советско-испанских связей после установления дипломатических отношений между Советским Союзом и Испанией в феврале 1977 года. Было отмечено обоюдное стремление к расширению советско-испанского сотрудничества в различных областях в интересах народов обеих стран, укрепления мира и безопасности в Европе.

Обмен мнениями по международным проблемам показал, что обе стороны придают первостепенное значение углублению разрядки международной напряженности, прекращению гонки вооружений и реальным мерам по разоружению.

Во время беседы.

Фото В. Соболева (ТАСС)

На Челябинском металлургическом заводе. Машинист крана Т. Хусаинова, вальцовщик Ю. Косолапов, Герой Социалистического Труда старший вальцовщик Н. Акимов и начальник проволочного стана «250» В. Окишор.

Фото Б. Клипиницера (ТАСС)

Башкирская АССР. Швейное объединение «Мир». Швея Т. Мельник, мастер З. Нуриахметова, швеи А. Хасанова, Г. Абузарова, Г. Алексеева, З. Валинурова.

Фото В. Вонога (ТАСС)

ШЕСТАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ ЗАКОНЧИЛАСЬ

ГОРОД ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ

Сколько в Москве проживает мужчин и женщин? Какова численность рабочих, инженеров, студентов, школьников?

На эти и многие другие вопросы дадут ответ карточки шестой Всесоюзной переписи населения, которые проверяют при мне Надежда и Вера Камочкины — двое из 1300 счетчиков, работающих в Красногвардейском районе столицы. И хотя сестры родились в один день и в один час, они совершенно не похожи друг на друга. Может быть, поэтому и на вопрос: «Чем привлекает вас нынешняя работа?» — отвечают поразному.

ВЕРА. Причастностью к большому всенародному делу, возможностью принести пользу и, конечно же, ответственностью, возложенной на каждого из нас.

НАДЕЖДА. Общением с людьми, узнаванием их интересов, привязанностей. В одной квартире, например, я увидела целую выставку. Думала, художник живет, а стала заполнять переписной лист, оказалось, рабочий человек, увлекающийся чеканкой.

Председатель комиссии содействия переписи населения Красногвардейского района, заместитель председателя райисполкома Анатолий Алексеевич Семенов с похвалой отзывается о счетчиках, инструкторах переписных участков.

— Люди понимают, — говорит А. Семенов, — что материалы переписи имеют не только важное значение при составлении планов дальнейшего экономического и социального развития нашего района, города, страны в целом, но и служат яркой иллюстрацией огромных успехов, достигнутых советским народом под руководством Коммунистической партии. В этом отношении Красногвардейский район столицы может служить убедительным примером. Судите сами, если в 1969 году, в канун предыдущей Всесоюзной переписи, в нашем районе проживало 170 тысяч человек, то сегодня около 440 тысяч. За это же время у нас построено более восьмидесяти тысяч благоустроенных квартир, десятки школ, библиотек, детских садов и магазинов. В районе появилось пять крупных универсамов. К услугам жителей около ста пятидесяти предприятий бытового обслуживания. Здравоохранение района пополнилось двенадцатью поликлиниками, вступил в строй крупнейший в Европе Онкологический научный центр. На вахту десятой пятилетки заступил ряд новых промышленных предприятий и научно-исследовательских институтов. И наши счетчики не хотят упустить ни одной детали, ни единого штриха, когда берут интервью у одного из самых крупных районов столицы.

Вместе с инспектором государственной статистики Л. Жучковой едем осматривать новостройки Красногвардейского района. Еще совсем недавно здесь были деревни Борисово и Братеево. Сейчас — кварталы домов. Не случайно городом в городе называют этот район. Л. Жучкова просит водителя остановиться возле ближайшего переписного отдела. Мне предлагается наугад вытащить десять заполненных переписных листов. Судя по адресам, в девяти случаях это жители благоустроенных квартир. В одной из них знакомлюсь с хозяином. Егор Иванович Шамов, степенный, гостеприимный человек, два года как перебрался в Красногвардейский район. Более тридцати лет работает маляром на автозаводе имени Лихачева. Делом своим дорожит и гордится.

— Что изменилось в моей жизни за десять лет? — вслух повторяя вопрос, задумчиво вопрошает Е. Шамов. И тут же оживленно отвечает: — Сыновья десятилетку окончили, в институт поступили. Диплом у одного уже в кармане, у другого — защита, что называется, на носу. Из двухкомнатной квартиры переехал в трехкомнатную...

В седьмом переписном отделе Л. Жучкова представляет мне симпатичного молодого человека, только что вернувшегося с участка.

— Один из наших лучших переписчиков, — говорит Людмила Александровна.

Знакомимся.

— Аспирант МИФИ Семен Буденный.— И, уловив на моем лице недоумение, поясняет: — Эта фамилия досталась мне в наследство от деда, Емельяна Михайловича, родного брата легендарного маршала. Когда я появился на свет, дед настоял, чтобы меня назвали в честь Семена Михайловича.

24 января шестая Всесоюзная перепись населения финишировала. Скоро мы узнаем ее результаты, которые будут использованы при разработке плана экономического и социального развития страны на будущее десятилетие.

В. САДОВСКИЙ
Фото автора

Счетчики техники-строители Надежда и Вера Камочкины.

БУРНЫЕ ДНИ ИРАНА

Павел ДЕМЧЕНКО

Вот уже целый год Иран охвачен волнениями. В последние недели они достигли особой остроты, приняв поистине общенациональный характер. В Тегеране, Тебризе, Мешхеде, Куме, других городах проходят массовые демонстрации и митинги под антимонархическими лозунгами, всеобщая забастовка парализовала работу промышленности и транспорта, остановилась добыча нефти, превышавшая в 1977 году 250 миллионов тонн.

Все это вынудило шаха покинуть страну. На вертолете шах вместе с семьей прибыл на аэродром, и только после того, как самолет поднялся в воздух, взяв курс на Египет, правительство сообщило о случившемся. Так, по мнению лидеров оппозиции, завершился первый этап антишахского движения в стране, затронувшего практически все слои общества. В чем истоки, корни этого движения?

До самого последнего времени многие на Западе считали, что подоплека волнений в Иране кроется в конфликте между влиятельными шиитскими группировками и правящей светской элитой. Поговаривали даже, что Вашингтон поначалу в какой-то степени подталкивал события, флиртовал с некоторыми деятелями оппозиции, рассчитывая таким образом оказывать давление на шаха, сделать его более послушным исполнителем американских замыслов в районе Персидского залива. Ему как бы намекали: не будешь слушаться, будешь настаивать на повышении цен на нефть, найдем тебе замену. Однако события довольно быстро вышли из-под контроля. Выплеснулось наружу то, что многие годы скрывалось от постороннего глаза за внешним лоском богатства и процветания правящей верхушки. Иранское «экономическое чудо», так разрекламированное на Западе и базировавшееся на огромных нефтяных доходах страны, показало теперь свою оборотную сторону: накопление богатства в руках одних слоев общества и обнищание других, заигрывание иранской аристократии с западными монополиями и оскорбленные национальные чувства широких масс вмешательством иностранцев, особенно американцев, во внутренние дела.

Газета «Техран джорнэл» писала, что инфляция в стране превысила 30 процентов в год. Арендная плата за жилье и коммунальные услуги съедают до половины семейного бюджета рабочих и служащих. Сотни тысяч крестьян ежегодно покидают деревни и бегут в города, пополняя трущобы бедноты. Вспышки недовольства народных масс жестоко подавлялись разветвленным карательным аппаратом и прежде всего политической полицией САВАК, через застенки которой прошли десятки тысяч людей.

Вынашивая амбициозные планы, шах тратил огромные средства на покупку за границей оружия, на содержание армии, которая стала важнейшей опорой режима. На эти цели уходила почти половина средств, получаемых в последние годы от продажи нефти,— десять миллиардов долларов в год, а порою и того больше. В обмен на вывоз основного национального богатства страны — нефти — туда текли пушки, танки, ракеты, снаряды, в то время как во многих районах Тегерана нет водопровода и канализации, а уровень жизни 54 процентов иранских семей находится ниже порога бедности.

С начала прошлого года одна волна забастовок сменяла другую. Однако скоро стало ясно, что на смену экономическим требованиям на первый план выдвигаются политические лозунги. Народные выступления, несмотря на отсутствие организованного оппозиционного движения, разрослись до общенациональных рамок, потрясая существующие в стране политические структуры. Больше того, события явно приняли антиамериканскую направленность. Шах лавировал, менял министров и высших чиновников, приказал выпустить часть заключенных, была создана комиссия по расследованию случаев казнокрадства и взяточничества, было обещано распустить САВАК, но лавину народного негодования не удалось остановить. Народ выступил против самой шахской власти. В борьбу, которая имеет отчасти религиозную окраску, включились рабочие и другие трудящиеся города и деревни, национальная буржуазия, интеллигенция, служители культа, молодежь, значительная часть госаппарата.

Забастовка продолжается (рабочие согласились возобновить добычу нефти лишь в том объеме, который необходим для удовлетворения внутренних потребностей), состоялись новые демонстрации. Только 19 января, то есть через три дня после отъезда шаха, в Тегеране вышли на улицу, по оценкам иностранных журналистов, не менее 4 миллионов человек. В резолюции, принятой демонстрантами, содержится требования о роспуске созданных шахом перед отъездом регентского совета и правительства, передачи власти «исламскому революционному совету», ликвидации монархии и проведении референдума для определения будущего Ирана. Демонстранты требуют изменения односторонней ориентации внешней политики на США, ликвидации американских военных баз, прекращения поставок нефти Израилю и ЮАР, поддержки справедливой борьбы арабских народов. В повестку дня поставлен вопрос об объединении оппозиционных сил, создании общенационального патриотического фронта, отсутствие которого явно снижает эффективность борьбы.

Соединенные Штаты не на шутку напуганы событиями в Иране. Они уже начали вывоз оттуда своего военного персонала, секретного оборудования и одновременно с этим с помощью политических и военных маневров спешат повлиять на события в свою пользу. Такое вмешательство опасно и оскорбительно для суверенного государства; то, что происходит в Иране, — это его внутреннее дело, и сами иранцы должны решать, куда страна пойдет дальше, какие в ней произойдут перемены.

Четыре миллиона иранцев вышли на улицы Тегерана.

ИРАН

ВЗРЫВ ГНЕВА

По свидетельству очевидцев, шах Ирана улетал как беглец, без пышных проводов, без почетного сопровождения. Аэродром, с которого поднялся его самолет, был забит войсками, все дороги в аэропорт были перекрыты.

Весть об отъезде шаха вызвала взрыв народного ликования на улицах Тегерана: люди пели, плясали, обнимались, все заглушал гул гудков и сирен. Жители города сбрасывали на землю статуи шаха, срывали его портреты.

История шахской династии Пех-

Сжигают портрет шаха.

леви ярко свидетельствует о тесных связях шахского двора сначала с англичанами, а затем с американцами. За время своего правления шах нажил огромнейшее состояние. По сообщению газеты «Нью-Йорк таймс», личное имущество шаха оценивается больше чем в один миллиард долларов. Банкиры говорят, что значительная часть тех 2—4 миллиардов долларов, которые были переведены за последние два года из Ирана в Соединенные Штаты, принадлежит семье шаха.

Обстановка в Иране накаляется с каждым днем. С отъездом шаха за границу внутриполитический кризис в Иране вступил в новую фазу. Судя по сообщениям из Ирана, экстремистски настроенная верхушка военных, а также спецслужбы, в том числе американские, практически готовы к перевороту и ждут лишь удобного повода, чтобы решительно подавить антишахское и антиамериканское движение в стране. Иранские газеты пишут о возможном розыгрыше старого сценария 1953 года, когда народное восстание против режима было подавлено военщиной под непосредственным руководством ЦРУ.

Демонстранты устраивают костры из автопокрышек на улицах Тегерана для того, чтобы преградить путь грузовикам правительственных войск.

Войска разгоняют сторонников оппозиции на улицах Мешхеда.

КАМПУЧИЯ

НОВАЯ ЭРА В ИСТОРИИ СТРАНЫ

Жизнь в Кампучии входит в нормальное русло. Страна стоит на пороге новых дней — дней обновления и строительства. Речь идет не только о возрождении разрушенного хозяйственного организма, но и о восстановлении основ цивилизации: ведь в стране долгое время не существовали ни школы, ни деньги, ни почтовая связь. Свергнутый режим Пол Пота — Иенг Сари, пытавшийся превратить Кампучию в экспериментальный заповедник маоизма за пределами Китая, не только ввергнул страну и ее народ в пучину невиданных страданий, но и возвратил их к первобытному примитивизму и отсталости.

Запрет на совместное проживание семей, запрет на свободное передвижение по стране, запрет на чтение иностранной литературы, запреты, запреты... и море крови. Палачи Пол Пота методически и последовательно уничтожали кампучийский народ поодиночке, семьями, целыми деревнями, не щадя ни больных, ни стариков, ни детей.

Люди гибли не только под пулями и прикладами солдат преступной клики. Власти организовали массовое насильственное переселение городских жителей в сельские районы по так называемым «дорогам смерти». Тысячи умерли по дороге — либо от ран, либо от голода.

Смыкаясь с международной реакцией, китайские лидеры подняли кампанию клеветы против Народной Республики Кампучии и Социалистической Республики Вьетнам. Они трубят о «вмешательстве» Советского Союза и Вьетнама во внутренние дела Кампучии, демонстрируя свою солидарность с кровавой кликой. Достойную отповедь клеветникам дали представители многих стран на состоявшейся недавно в Ханое сессии президиума Организации солидарности народов Азии и Африки. С большим вниманием была выслушана речь главы советской делегации, кандидата в члены ЦК КПСС, члена президиума Советского комитета солидарности стран Азии и Африки Р. И. Косолапова.

Делегаты сессии направили Генеральному секретарю ООН К. Вальдхайму телеграмму, в которой содержится призыв ко всем членам Совета Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН оказать полную поддержку Народно-революционному совету Кампучии.

Народ Кампучии, подчеркивается в телеграмме, поднялся на борьбу против диктаторского режима, который уничтожил миллионы граждан и лишил все общество прав человека. Режим пал в результате всеобщего народного восстания, и Народно-революционный совет, пользующийся полной поддержкой кампучийского народа, взял на себя управление внешними и внутренними делами страны.

Прогрессивная общественность всех стран приветствует образование Народной Республики Кампучии. И ни злобная клевета Пекина, ни жалкие потуги остатков режима Пол Пота не в силах остановить ход истории. Отныне Кампучия — подлинно свободная и миролюбивая страна, а кхмеры — хозяева своей страны.

На снимке: во время заседания сессии президиума Организации солидарности народов Азии и Африки.

ЧИЛИ

ЕЩЕ ОДНА ШИРМА ДЛЯ ПИНОЧЕТА

Подумать только, в Чили, где вершит власть главарь фашистской хунты Пиночет, скоро будут «свободные и независимые профсоюзы»! В «создании» оных поможет не кто иной, как «фонд имени Ганса Зайделя» (ФРГ), близко стоящий к ХСС. Благодаря хорошему контакту Штрауса и Пиночета у этого фонда, оказывается, есть «скорейшая возможность» в покрытой концлагерями стране, полной шпиков пиночетовской охранки, «создать что-то позитивное для рабочих», как заявил директор фонда г-н Зигфрид Ленгль. Пиночет затеял с помощью кредиторов организовать школу молодых профсоюзных активистов. Для чего? Видимо, чтобы эти были еще послушнее прежних. А что касается прежних, то с ними Пиночет разделался по типично фашистскому образу и подобию.

27 октября прошлого года, в пятницу, чилийцы из декрета узнали, что во вторник, 31-го, им надо срочно идти на «профсоюзные выборы». Каждый, кто до сего момента был профсоюзным активистом, от выборов был, конечно, отстранен. Вновь избранные («совершенно ничего не подозревающие новички») были утверждены лишь после того, как присягнули в верности фашистскому режиму. Даже католический викарный епископ Сантьяго Альвеар назвал это издевательское представление «выражением политики, которая никогда не согласится на свободное или критически настроенное объединение». А когда ОРИТ (Межамериканская региональная организация профсоюзов) призвала в ответ на этот фарс бойкотировать связи с Чили, пиночетовская клика назвала это решение «советским заговором» (!). И это несмотря на то, что в пользу бойкота высказалась даже антикоммунистическая проамериканская профорганизация АФЛ/СИО.

Вот и надеется Пиночет с помощью фонда Зайделя соорудить очередную ширму для темных дел, теперь уже в виде послушных себе юнцов-«профдеятелей», которые бы и вывеску профсоюзную имели и школу прошли, как усмирять рабочих в нужном фашизму духе.

Недавно в Москве проходило Всесоюзное совещание работников культуры. Теплые, сердечные слова приветствия Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева участникам совещания огласил на его открытии секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин. С докладом выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр культуры СССР П. Н. Демичев.

В развернувшихся прениях по докладу выступили заместитель Председателя Совета Министров РСФСР В. Кочемасов, секретарь ВЦСПС Л. Землянникова, председатель Госкино СССР Ф. Ермаш, главный редактор газеты «Советская культура» А. Романов, композитор А. Пахмутова и многие другие. От того, как поставлено культурное обслуживание тружеников деревни, какая забота проявляется об обогащении их духовной жизни, отмечалось во многих выступлениях, в немалой степени зависит решение ответственных задач, стоящих перед сельским хозяйством.

СЧАСТЬЯ НА СТОРОНЕ НЕ ИЩУТ...

Л. САФОНОВ

Окруженное пшеничными полями и дубовыми рощами, село Губарево раскинулось по холмистым и овражным местам в пяти километрах от Дона; славится оно на воронежской земле мастерами высокого урожая и песенниками. Тесное сопряжение производства и культуры — характерная примета современного села. Можно ли сейчас говорить о высокопроизводительном труде и не брать в расчет эстетику быта и человеческих отношений! Это показательно, пожалуй, для всего нашего черноземного края.

Певческие династии, если начать с пения на вечерках и посиделках, существуют здесь с незапамятных времен. А в наши годы, когда приезжал к воронежским колхозникам всесоюзный староста М. И. Калинин, на встречу с ним с песнями и плясками вышли чуть ли не все жители села. Вот с той поры остался в Губареве фольклорный ансамбль. Самой младшей певице — пятьдесят шесть лет, а старшей скоро исполнится восемьдесят; все они поют и играют с малых лет. И трудовые дела и события общественной и личной жизни не обходятся без песни, музыки, танца. Репертуар песенниц настолько обширен и разнообразен, что трудно назвать какую-то тему, чтобы она не нашла отражения в народном художественном творчестве. С неизменным успехом участвуют «бабушки» во всех смотрах самодеятельного искусства, играя в красочных костюмах свои песни. Да, именно играя,— в той особой исполнительской манере, которая присуща только народной песне и хороводу, вообще художественной жизни народа. Щедро используя жесты и мимику, причитания и говоры, меняя интонацию и тембр голоса, самодеятельные артисты разыгрывают целые действия песни: «Заболит головушка», «У ворот гусли вдарили», «Посеяла я коноплю», «Молодость», «Трудовая колхозная»... С ними они выступают перед односельчанами, выезжают в соседние села, в районный и областной центры, показываются и в телевизионных передачах. Участницы фольклорного ансамбля поют и играют ради удовольствия, поэтому светлым своим искусством они приносят такую же неподдельную радость и зрителям и слушателям.

...Мы говорили о «бабушках», теперь скажем о людях среднего поколения, до сорока пяти лет. Это главным образом представители сельской интеллигенции: учителя, специалисты, служащие, ну и, конечно, энергичный организатор и душа многих задумок Н. С. Болотов — директор сельского Дома культуры, а также его единомышленник С. И. Бессонов, человек самых разносторонних интересов и способностей. В его руках баян творит настоящие чудеса. Сергей Иванович Бессонов еще и сам сочиняет музыку: пьесы, песни, танцы, не говоря уж о «прикладной музыке», необходимой в повседневной его работе. Как-то он решил провести вечер старинного романса, и что же,— задумка эта оказалась интересной для всех! Помогла молодая учительница Наталья Евгеньевна Ковтунова, превосходная пианистка, и концерт с обстоятельным рассказом о возникновении и развитии романса вызвал большой интерес у губаревцев.

«Дни культуры» проводят тут с беседами на интересующие людей политические и нравственные темы, либо с концертами по заявкам, иногда с веселыми баснями и частушками о людях нерадивых... Агитбригаду с нетерпением ждут на фермах и токах, всюду она приносит свежую информацию и хорошее настроение, а известно, что с бодрым настроением и дело лучше спорится.

Здесь стала уже органичной связь школы с Домом культуры. Директор десятилетки Серафима Васильевна Помигуева не на словах, а на деле осуществляет формулу: «школа — Дом культуры — колхозная жизнь». Всячески поощряет она клубную деятельность молодежи, комплексно занимаясь идейно-патриотическим, нравственным и эстетическим воспитанием детей. Подготовленные старшеклассниками литературно-музыкальные композиции о героическом комсомоле, о Советской Армии, о больших советских праздниках стали настоящим культурным событием в жизни села.

Председатель колхоза Василий Давыдович Афанасьев и секретарь парткома Владимир Иванович Лесников отлично понимают, что проблему создания и закрепления трудовой смены на селе надо решать многосторонне, стремятся удовлетворить все сферы интересов подрастающего поколения. Колхоз не скупится на оплату труда хореографа В. М. Черноусова и других культпросветработников, потому что они нужны современной культурной жизни села, нужны человеческому единению. Когда оно есть, наши земляки не ищут счастья на стороне: им и дома хорошо!

Фольклорный ансамбль на полевом стане.

Фото К. Окосьяна.

Воронеж.

НАГРАДА СОЛДАТУ

Приятное известие пришло в Озерский район Московской области. Директору дома отдыха «Ока» Ивану Григорьевичу Майфету вручен орден Красной Звезды, которым он был награжден в годы Великой Отечественной войны.

...Несколько боевых машин застряли в топкой грязи. Дождь лил всю ночь, и дивизион оказался в сплошном болоте. Поступил приказ: если фашисты перейдут в контратаку, взорвать «катюши», чтобы они не достались врагу. Иван Григорьевич едва только успел выполнить задание, как увидел немецкие танки. Они шли друг за другом, след в след. Времени для раздумий не было. Майфет бросил бутылку с горючей жидкостью. Но она перелетела через первый танк, разбилась о второй, и там сразу же вспыхнуло яркое пламя. Иван Григорьевич упал на землю, приготовился бросить вторую бутылку и не успел, замешкался в траншее. Танк проехал прямо над ним, завалив землей и жидкой грязью. От резкой боли Иван Григорьевич потерял сознание. Пришел в себя не скоро. А когда очнулся, услышал спокойный голос:

— Лежи, дорогой, тебе нельзя вставать.

— Где я? — простонал Майфет.

— Мы в самолете, летим в Москву, в госпиталь.

...Потом еще немало боевых дорог пришлось пройти Ивану Григорьевичу со своим дивизионом от Подмосковья на запад. Бомбежки, обстрелы, бессонные ночи...

А после войны Иван Григорьевич приехал в Озеры, небольшой текстильный городок. Здесь он сначала руководил дорожным строительным управлением. А когда в сосновом бору, на левом берегу Оки, недалеко от села Тарбушева, началось строительство дома отдыха, эту стройку предложили вести Ивану Григорьевичу. Позже он стал директором «Оки». Скажу прямо, «Ока» — прекрасный дом отдыха. И лучшее свидетельство тому — многочисленные письма, которые присылают сюда бывшие отдыхающие.

Н. ХОЛИН,
ветеран Отечественной войны,
майор в отставке

Озеры,
Московская обл.

А. Хмельницкий. Род. 1924. НАВЕКИ ВМЕСТЕ.

А. Широков. Род. 1923. ЗА РОДИНУ.

домашние наши помощники

КАЧЕСТВО- ВОПРОС НОМЕР ОДИН

Н. Н. МИРОТВОРЦЕВ, заместитель Председателя Госплана СССР

Госплан СССР, рассмотрев опубликованные в журнале «Огонек» статьи «Большой торг» и «Домашние наши помощники», считает, что изложенные в них вопросы правильно характеризуют состояние производства бытовых машин и других товаров хозяйственного назначения.

Разнообразные товары культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода, сегодня активно работают на благо советского человека, создавая уют в доме, помогают ему в труде и отдыхе. Придавая первостепенное значение развитию производства этих товаров, ЦК КПСС и Совет Министров СССР за последние годы приняли ряд решений, которыми были установлены задания по увеличению выпуска важнейших потребительских товаров, в том числе изделий бытовой техники. Принятые меры обеспечили высокий темп развития производства многих товаров массового спроса, в том числе холодильников, рыночные фонды которых за 1971—1975 годы составили 25 миллионов 700 тысяч, в то время как за двадцать предыдущих лет их было продано 22 миллиона 500 тысяч, электропылесосов — соответственно 13 миллионов и 10,1 миллиона и т. д.

В результате произошли заметные количественные и качественные изменения в обеспеченности населения предметами длительного пользования.

В 1960 году на 100 семей приходилось 4 холодильника, 4 стиральные машины, 3 электропылесоса, 8 телевизоров и 46 радиоприемников и радиол. А в 1977 году соответственно: 73, 69, 22, 79, 83.

Рост реальных доходов трудящихся, насыщение рынка различными изделиями существенно влияют на характер спроса. Он стал более предметным, более динамичным. Необходимость переключения спроса с одних изделий на другие происходит гораздо быстрее, чем раньше. Отсюда задача — не только увеличивать объем выпуска товаров, но и всемерно расширять и обновлять ассортимент, осваивать новые товары и улучшать их качество. Однако эта работа промышленными министерствами и ведомствами осуществляется еще медленными темпами, в результате чего ряд изделий по качеству и ассортименту не соответствует спросу населения. Особенно наглядно неудовлетворительное обновление ассортимента видно, как справедливо подчеркнуто в опубликованных материалах, на изделиях бытовой техники.

Здесь необходимо преодолеть ряд серьезных недостатков. Производство многих изделий пока чрезмерно раздроблено, рассредоточено на сотнях заводов различных министерств и ведомств. Это затрудняет проведение единой технической политики, ухудшает технико-экономические показатели, снижает качество продукции.

Одной из самых острых проблем остается унификация изделий бытовой техники. Это вопрос не новый. Кое-что уже сделано. Однако полностью проблема далеко еще не решена. В стране выпускается большое количество различных моделей, мало чем отличающихся друг от друга. Такое «разнообразие» не способствует действительному обновлению ассортимента и повышению качества продукции, тому качеству, которое во многом зависит от специализации и концентрации производства.

Возглавить работу по унификации изделий, по специализации и концентрации производства призваны головные министерства. Однако большинство ведущих министерств пока еще слабо осуществляет свои функции по координации развития производства, проведению единой технической политики, расширению и улучшению ассортимента и т. д.

В связи с этим признано целесообразным издание специального правительственного нормативного документа, определяющего более четко задачи, права и обязанности ведущих министерств СССР. Проект такого документа Госпланом СССР подготовлен.

В целях увеличения производства, расширения ассортимента и повышения качества выпускаемых товаров массового спроса Госплан СССР совместно с заинтересованными министерствами, ведомствами и Советами Министров союзных республик проводит систематическую работу по совершенствованию планирования и экономического стимулирования их производства.

В Государственном плане экономического и социального развития СССР по министерствам, ведомствам СССР и Советам Министров союзных республик устанавливаются задания по освоению производства новых видов товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода, а также по объему производства этих товаров высшей категории качества.

В 1977 году была утверждена «Инструкция о временных ценах на новые товары народного потребления улучшенного качества», которой предусмотрены все необходимые условия, создающие у предприятий заинтересованность в обновлении и повышении качества изделий. Повышению качества товаров народного потребления будет способствовать также установленный порядок, согласно которому предприятиям предусмотрен определенный процент отчислений от прибыли в фонд материального поощрения за увеличение удельного веса товаров народного потребления высшей категории качества в общем объеме производства продукции и уменьшение фонда материального поощрения за каждый процент продукции, возвращенный предприятию на доработку и исправление.

Принятые за последнее время меры, безусловно, окажут известное положительное воздействие на улучшение работы предприятий и объединений, выпускающих многообразные товары народного потребления. Однако постоянно меняющаяся ситуация в области спроса и потребления населения предъявляет новые требования к совершенствованию организации и планирования производства товаров народного потребления, улучшению изучения спроса населения на них, к усилению работы по воспитанию эстетических вкусов.

•

Публикуя выступление Н. Н. Миротворцева, редакция подводит своего рода черту под «первым туром» обсуждения проблем, которое уже более года ведется на страницах «Огонька» под рубрикой «Домашние наши помощники».

В разговоре, начатом народными депутатами города Иванова, участвовали многие.

В нынешнем году редакция вернется к разговору о домашних наших помощниках, когда настанет пора проверить выполнение обещаний и планов, о которых информировали руководители промышленности (в частности, Министерства машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов и Министерства электротехнической промышленности) и торговли, Госплан, другие ведомства.

Пока же нередки еще факты, когда то или иное министерство ограничивается общими словами, не отвечает на конкретную критику, обходит острые углы, всю вину перекладывая на плечи поставщиков сырья и комплектующих изделий. За примерами ходить далеко не пришлось. Когда этот материал готовился к печати, в редакцию пришло письмо начальника всесоюзного промышленного объединения «Союзэлектробытмаш» Е. Н. Важнова. Письмо это извещает о том, что выпуск наиболее прогрессивной модели жидкостного пылесоса «отодвигается на неизвестный срок». Говоря о завершении «конструкторской разработки малогабаритной стиральной машины типа «Малютка» (а разве такой конструкции не существует?— **Ред.**), автор письма тут же сообщает, что ее серийное производство начнется... в 1982 году. Общими словами ограничился Е. Н. Важнов, когда отвечал на критику, содержащуюся в репортаже («Огонек» № 38, 1978) «Рассвет» едва заметен».

Завершает письмо заверение в том, что «планами предприятий и организаций ВПО «Союзэлектробытмаш» Минлегпищемаша на 1979 год предусмотрено дальнейшее расширение номенклатуры, увеличение объемов производства и улучшение качества электробытовых машин и приборов». Редакция проверит, как будут выполнены эти заверения.

•

27 ЯНВАРЯ — 35 ЛЕТ СО ДНЯ ПОЛНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА ОТ ВРАЖЕСКОЙ БЛОКАДЫ

Олег ШМЕЛЕВ

«Сначала мы блокируем Ленинград (герметически) и разрушаем город, если возможно, артиллерией и авиацией... Когда террор и голод сделают в городе свое дело, откроем отдельные ворота и выпустим безоружных людей... Остатки «гарнизона крепости» останутся там на зиму. Весной мы проникнем в город... вывезем все, что осталось живое, в глубь России или возьмем в плен, сровняем Ленинград с землей...» — это написано в оперативном отделе немецкого генерального штаба 21 сентября 1941 года. Документ назывался «О блокаде Ленинграда».

«Ну вот, мой милый сын, мы больше не увидимся. Час назад я получил задание, выполняя которое, живым не вернусь. Этого ты, мой малыш, не пугайся и не унывай. Гордись такой гордостью, с какой идет твой папа на смерть: не каждому доверено умереть за Родину... Славному городу Ленина — колыбели революции — грозит опасность. От выполнения моего задания зависит его дальнейшее благополучие. Ради этого великого благополучия буду выполнять задание до последнего вздоха, до последней капли крови»,— так писал своему сыну капитан Г. П. Масловский, коммунист, отправляясь выполнять задание. Он взорвал немецкий склад боеприпасов и сам погиб.

Сведенные вместе, как оголенные провода, несущие полярно противоположные заряды, эти два свидетельства далеких дней высекают в нашей памяти яркую искру.

Те, кто составлял документы, подобные цитированному выше, отлично знали калькуляцию войны. Они высчитали, что 42 дивизии группы армий «Север» и группы армий «Центр», наступавших летом 1941 года в общем направлении на Ленинград, то есть 725 тысяч идеально обученных солдат и офицеров, свыше 13 тысяч орудий и минометов и 1500 новых танков, значительно сильнее противостоявших им советских армий, растянутых по фронту и в глубину, имевших на вооружении танки и самолеты старых образцов. А с севера нависла немецкая армия «Норвегия» и две финские армии — это еще 21 дивизия и 3 бригады.

По всем законам войны на уничтожение, наступающие армии должны смять, раздавить обороняющихся, и никакая всевышняя сила, никакое чудо не могут изменить предначертанного.

Гитлеровцы придавали взятию Ленинграда такое же значение, как взятию Москвы. И настолько не сомневались в высчитанном на арифмометре успехе, что назначили уже банкет в ресторане гостиницы «Астория». Им очень нужно было взять Ленинград, чтобы затем повернуть развязавшиеся армии на Москву.

Все учла тупая самоуверенность выродков, которые не считали людьми русских и украинцев, белорусов и грузин, казахов и узбеков — никого по ту сторону границы, установленной творцами чудовищной расовой доктрины.

Но они не учли капитана Масловского и его товарищей — тех советских людей, кого блокада сделала ленинградцами.

В самом деле, как может мертвая бухгалтерия учесть в своем балансе высокое самосознание народа, его верность идее, его душевные качества? Какими цифрами это выразить, в какую графу занести?

Советские войска сорвали график моторизованным и бронированным армиям еще на дальних подступах к Ленинграду, а под его стенами, укрепившись в окопах, вырытых руками стариков и женщин Ленинграда, остановили наступление.

Ничего не объяснил гитлеровцам пример Невской Дубровки, где на простреливаемом вдоль и поперек пятачке бойцы держались вопреки всяким правилам, или пример древнего русского града Орешка — Шлиссельбургской крепости, стоявшей у врага поперек горла до самого прорыва блокады в январе 1943 года.

Банкет не получился. Тогда вступил в действие документ гитлеровского генштаба от 21 сентября 1941 года.

Блокаду не удалось сделать полностью герметической: ладожская Дорога жизни, эта тонкая и легко уязвимая артерия, все-таки пульсировала. Но террор и голод были жестокими.

Террор — это 391 артиллерийский налет в 1942 году. А в 1943-м — 2486 артналетов, 68 тысяч снарядов.

Они стреляли, как на полигоне. Били на выбор. Варьировали огонь по желанию — то несколькими батареями по одному объекту, то вразброс по всему городу с аккуратной методичностью, с выверенной до секунды паузой. Четко работали, с большим знанием дела.

Особенно артиллеристы любили стрелять по жилым массивам. Без всяких чрезвычайных усилий, просто чтобы не потерять квалификацию, они каждый день упражнялись в своем искусстве. Потому что Гитлер учил: обстреливать нужно «не столько оборонительные сооружения, сколько жилые кварталы». Таким образом они выводили из строя тех, кто делал для сидящих в окопах солдат оружие на заводах, не поддавшихся ни голоду, ни террору.

Но и тут гитлеровцы не все сосчитали. Не был доступен их пониманию город, в котором жили и дышали мужчины и женщины — отцы и матери детей, подобных тому пятнадцатилетнему мальчишке, что работал бригадиром и однажды в докладной так выразил недовольство своей строптивой подчиненной: «Она плохо работала, потому что принесла с собой куклу и играла... Когда я сделал ей замечание, то она после обеда принесла, кроме куклы, еще и куклину кровать. Прошу принять меры».

Какими же снарядами убьешь, каким голодом задушишь эту не по правилам живучую жизнь?!

Ленинград выстоял.

А потом начался обратный счет и обратный путь.

Весь антигитлеровский, антифашистский мир, с искренним сочувствием и болью следивший за героической борьбой Ленинграда, ждал этого дня. Страна и армия делали все, чтобы приблизить его. И, наконец, Ставка Верховного Главнокомандования определила дату и час.

Ленинградский и Волховский фронты изготовили к бою 375 тысяч пехотинцев, 1200 танков и самоходных орудий, 14 300 орудий и минометов. Одновременно начинал наступление 2-й Прибалтийский фронт.

В тылу у немцев дерзко действовали партизаны — целая армия в 35 тысяч человек.

В январе 1944 года баланс штыков, стволов, брони и крыльев был уже не в пользу гитлеровцев. Но чтобы правильно оценить наступательную мощь советских войск, нужно знать, какие чувства владели душами людей, выстоявших блокаду, надо помнить, что видели глаза солдат там, за спиной, на улицах голодного города.

Невский проспект. 1943 год.

14 января двинулась вперед с Ораниенбаумского плацдарма 2-я ударная армия. 15 января — после длившейся час сорок минут артподготовки, во время которой по блиндированному, минированному, глубоко эшелонированному Северному валу блокады армейская артиллерия и комендоры Балтийского флота выпустили 220 тысяч снарядов — ударила 42-я армия. Страшнее любого огня были порыв и бесстрашие наступавших.

Ничто не могло остановить этот порыв.

Вся боль Ленинграда, выдержавшего 900-дневную блокаду, вся ненависть к врагу, накопившаяся в сердцах воинов, вырвалась в неудержимой ярости атак. Фашистское командование считало свой Северный вал неприступным и называло его стальным кольцом. Советский солдат прорвал, разрубил и уничтожил его. Рядовые и офицеры, пехотинцы и танкисты, матросы и летчики, артиллеристы и саперы — бойцы каждого рода войск и на каждом участке сражались с одинаковой отвагой и умением. Героизм был поистине массовым.

ПОБЕДИВШИЙ

Под Красным селом. Январь 1944 года.

Там, где для успеха в бою требовалось пожертвовать жизнью, солдаты шли на смерть, не дрогнув. Где было бессильно оружие, там побеждала высочайшая сила духа, та сила, которая вела младшего лейтенанта коммуниста А. И. Волкова, закрывшего своим телом амбразуру вражеского дзота, комсомольца И. Н. Куликова, старшего сержанта И. К. Скуридина, рядового А. Ф. Типанова, совершивших такой же подвиг.

Даже необстрелянные юноши, ни разу прежде не бывавшие на передовой, уже через день становились в наступлении умелыми воинами, не ведавшими страха. Каждого солдата звала вперед его собственная совесть. Всех вела единая воля, сплотившая страну,— воля партии. А если кто-нибудь в трудную минуту испытывал слабость, рядом обязательно оказывался более сильный духом.

Никогда не забыть одного случая, свидетелем которого был автор этих строк. Это было 17 или 18 января. Наш полк атаковал Воронью гору. Гора господствовала над всей окружающей местностью, поэтому немцы держали ее крепко. Кроме того, именно на ней стояли тяжелые орудия, причинявшие Ленинграду наибольший урон. Тут они оборудовали и главные наблюдательные пункты, снабженные мощной оптикой. Понятно, что так просто они ее отдавать не собирались. Вся гора была утыкана огневыми точками — дот на доте.

Атака на нашем узком участке велась батальоном. Сначала мы накопились в едва ощутимой телом складке, вернее, в морщинке на длинном подбородке этой горы, ждали команды. Накануне ночью у нас были большие потери ранеными и убитыми, и утром, еще в темноте, к нам прямо в цепь привели пополнение — совсем молоденьких ребят, кажется, двадцать пятого года рождения. В нашем взводе большинство было с двадцать четвертого, а в армии, да еще на войне, год разницы — все равно что на гражданке целых десять лет. Командиры стрелковых отделений, сержанты, все, кто постарше, отнеслись к вновь прибывшим покровительственно.

Вот, наконец, командир роты, лежавший с нами в цепи, встал и хрипло крикнул: «Вперед!» — все уже сильно охрипли на морозе. Командиры взводов повторили: «Вперед!» — и мы начали передвигаться короткими перебежками.

Гора вся засверкала и загремела. Немцы били из крупнокалиберных пулеметов, у них пули диаметром в две копейки, можно считать, не пулемет, а пушка. Такая если в грудь попадает — лопатки настежь.

Метров шестьдесят — семьдесят мы все-таки одолели. Залегли в кустарнике.

Мы немного перемешались на бегу, правый фланг нашей роты, где было мое отделение, чуть заехал в левый фланг соседней роты.

Рядом со мной, метрах в пяти, лежал какой-то солдат. Судя по винтовке, на стволе которой была заметна свежая ржавчина, он пришел с утренним пополнением,— им оружие выдавали на ходу, патроны насыпали прямо в шапку или в карманы, а винтовки были не в лучшем виде, скорей всего из подобранных на поле боя. Солдат этот зарылся в снег лицом, ничего не видит, и плечи у него вздрагивают — похоже, будто рыдает. Но когда дыхание сильно перехватит, то в первую минуту после остановки тоже так бывает, вроде судороги. Кто в день по десять раз в атаки бегал, тому это знакомо...

Бок о бок с этим солдатом другой лежит. Когда он на секунду приподнялся на локтях, я увидел, что это солдат немолодой, лет тридцати, наверно. По нашим, девятнадцатилетним понятиям, глубокий старик. Лицо его почему-то показалось плутоватым. Усики лихие, даже с подкруткой, моряцкие такие усики. На шее автомат, ППШ — значит из старых, не из пополнения. Потом он опять ткнул голову в снег. Тут же послышалось короткое всхлипывание. Молодой солдат поднял голову — оказалось, всхлипнул совсем не он, как можно было подумать, на его лице была потерянность, страх, но он не плакал.

Он нерешительно тронул своего соседа за плечо и сказал мрачно: «Ты чего?» В ответ послышалось глухо, как из подушки: «Пропали, браток, пропали». Солдат совсем растерялся, стал оглядываться, посмотрел и в мою сторону. Потом еще раз дотронулся рукой в трехпалой рукавице до соседа: «Что ты, говорю?!» Усатый на момент показал свои усы, снова ткнулся лицом в снег и запричитал: «Влипли, ни за понюх... Гиблое дело». Солдат ему говорит уже со злостью: «Не канючь. Без тебя тошно». А тот свое: «Хорошо, кто не боится... Пропадем ведь... Ни за што, ни про што...»

Молоденький окончательно разозлился: «Да замолчи ты, нюня проклятая!» Какая-то непонятная история у них между собой разыгрывалась. Будто один другого заводил... Место и время для этого, прямо скажем, самые неподходящие...

В цепи встал в полный рост командир нашей роты, взмахнул пистолетом. Справа командир соседней роты тоже встал.

Вдруг солдат с винтовкой вскочил, ткнул усатого прикладом пониже спины. И как заорет: «А ну вставай! Вперед! Вставай, говорю!» Усатый поднялся. «Давай рядом держись!» — приказал солдат и побежал, забирая правее, за своим комроты. А усатый следом...

В тот раз мы продвинулись порядочно.

Когда Воронью гору взяли, нас направили на Лугу. Наш полк шел вдоль железной дороги. Ночью идем побатальонно колонной по одному лесом или болотом — головные месят снег по колено, задние шагают по утоптанной тропе,— обойдем немцев, а под утро в атаку.

При такой тактике, понятно, не то что артиллеристы, но и кухни наши сильно отставали. Даже иной раз пэтээровцы носили свои длинные ружья зря: патроны на лошадях или на машинах никто по лесу или болоту не доставит, а много их на себе не унесешь.

Того усатого с автоматом и солдата с винтовкой я после Вороньей горы долго не встречал, потому что две роты, хотя бы и одного батальона, не всегда на одном пятачке толпятся. В бою — не на казарменном плацу, где бывают строевые смотры.

Увидел я их уже далеко от Ленинграда, если не изменяет память, на станции Сусанино. Дело было так. Кухни, которых мы перед тем не видели и не обоняли целых двое суток, наконец-то нас нагнали. Получили мы и по сто граммов спирта (двухдневную норму), и махорку, и горячий кулеш из котла, в который были заложены и пшенный концентрат, и сало, и тушенка, и сушеная картошка,— до отвала. Тут собрались все три роты нашего батальона. Поев и почистив котелки снегом, мы с другом закурили и решили пройтись. Настроение у всех было благодушное.

Заметили в одном углу кружок, солдаты там смеялись. Подошли. Молодой парень в шапке набекрень доскazывал байку: «А я ему говорю: а ну вставай! За мной вперед марш!» И опять общий хохот. Я пригляделся — тот самый солдат, что лежал рядом в кустах под Вороньей горой. И рассказывал, значит, про случай с усатым. Но узнать его было теперь трудно — очень бравый у него вид.

Двое из слушавших, солдаты постарше, поглядывали на рассказчика с ехидцей. Потом один из них спрашивает: «А усы у него вот так, говоришь?» — и крутанул темными пальцами у губы. «Ага»,— отвечает. «Силен ты, война»,—уже равнодушно отвернувшись, лениво сказал спрашивающий. «А что?» — не понял солдат. «А то, что этот усач у нас парторгом уже полгода, а в дивизии с сорок первого. Может, все-таки не ты его, а он тебя в атаку водил? Как понимаешь?» Парень рот открыл, но ответить не успел. Из толпы в круг вошел тот усатый. Улыбнулся, тоже немного с ехидцей, и говорит парню: «Ну как, война, держаться с тобой рядом или не надо?» Тот даже покраснел. «Пожалуй, больше не надо»,— говорит. Усатый похлопал его по плечу: «Ты молодец»...

Я подумал, что, наверное, парторг приметил этого солдата из пополнения с первого же часа, не упускал его в бою из виду, понял его трудную минуту и, притворившись слабым, пробудил в нем мужество. Так иногда из необстрелянных юнцов воспитывались в бою настоящие воины...

27 января Ленинград салютом отметил полное освобождение от блокады. Солдаты не видели и не слышали салюта, они в тот вечер даже не могли знать о нем. Они шли с боями дальше.

Зато они могли получить такое письмо: «Дорогой боец, немцы уже не обстреливают Ленинград. Вы их прогнали далеко... Мы очень благодарны вам за то, что можно свободно гулять по городу, ходить в школу, в кино, играть на улицах, кататься на санках. От имени ребят второго класса 16-й школы Володарского района — спасибо вам».

Ради того, чтобы снова могли смеяться дети, чтобы дым пожарищ не затмевал солнца, чтобы никогда больше камни священного нашего города не обагрялись кровью,— ради жизни умирали солдаты на снежных полях в январе 1944 года и становились бессмертными, как бессмертен подвиг Ленинграда в памяти народной, в памяти всего человечества.

ЛЕНИНГРАД

ВЕРА В ДРУЖБУ

Блокадная юность в осажденном Ленинграде — немало посвящено ей поэтических строк, хороших и разных. И все же Петру Градову удалось найти свои слова, свой угол зрения в отображении тех драматических страниц Великой Отечественной войны. Не случайно заголовок одного из стихотворений об осажденном Ленинграде дал название всему сборнику: именно та пора властно определила нравственные воззрения поэта.

Блокада виновата не только в том, что «в тридцать четыре инфаркт у меня», нет, она заложила в поэте высокие моральные основы отношения к людям — «коркой последней всегда поделюсь». Читателя убеждают строки:

Верю в дружбу людскую.
Любая беда
перед нею — ничто
и любая преграда.
Эта вера во мне
с той поры
навсегда.
Виновата она —
блокада.

Зарубежные поездки поэта отражены во многих стихотворениях, пронизанных горячими интернационалистскими чувствами. Тепло и проникновенно пишет он о людях народной Кореи и Монголии. Под небом Франции встретил поэт веселого паренька Анри, собирающего подписи под листком Стокгольмского воззвания, мальчугана, начинающего понимать: если коммунисты за мир, значит, они «правильные люди».

Характерными деталями радуют стихи Градова о советских дипломатах. Действительно, к тому, «что мир сегодня в мире, и ты причастен, дипломат».

Есть в книге и глубокие стихи о любви, о пережитой личной трагедии, о ранней смерти любимой женщины. Как и в гражданственной лирике, поэт избегает в них формальных изысков. Такое стремление, правда, приводит его иногда к прозаизмам.

Но читатель судит о книге Петра Градова прежде всего по ее высокой искренности, он ощущает глубокую верность поэта раз и навсегда избранным нравственным позициям. Эти позиции отражены в книге истинными поэтическими средствами.

С. ЕЛЕНИН

Петр Градов. Не забуду. М., «Советский писатель», 1978 г., 80 стр.

ПОВОРОТЫ

Виталий ЗАСЕЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

Читатели «Огонька» уже познакомились с серией очерков с трассы Москва — Владивосток (см. «Огонек» № 42 за 1977 год, №№ 5, 18, 21 за 1978 год). Сегодня мы публикуем заключительный репортаж нашего специального корреспондента, проехавшего за рулем московской малолитражки более 10 тысяч километров. Это рассказ о тех испытаниях, которые выпали на долю трудолюбивых «Москвичей».

Так или иначе, а до Кемерова мы добрались без приключений. «Повороты и локти дорог», как сказал поэт, ждали нас на пути в Красноярск и дальше, до самого Владивостока.

Пока под колесами асфальт — самое время представить читателям членов экипажа. За рулем красного «Москвича» едет ветеран АЗЛК Юрий Ширяев. Много я повидал на своем веку водителей-механиков, умельцев на все руки. Но если бы пришлось выбирать одного, не раздумывая, предпочел бы Ю. Ширяева. Говорить о том, что Ю. Ширяев знает машину, значит ничего не сказать. Одним разводным ключом он, кажется, может не только разобрать и собрать автомобиль, но и устранить любую неполадку, на расстоянии определить, что неисправно в работающем двигателе, какой клапан следует отрегулировать, какую свечу заменить.

Забегая вперед, расскажу об одном ЧП. На подходе к Иркутску в машину Ширяева врезался шофер-ротозей. Багажник красного «Москвича», как говорится, ушел в себя. Его крышка не закрывалась ни при каких усилиях, а задний бампер напоминал букву С. Учитывая, что до ближайшей станции технического обслуживания оставалось не менее ста километров, Ю. Ширяев принял решение ремонтироваться прямо в поле. И через два часа все было в порядке. Даже придирчивое ГАИ при въезде в Иркутск не заметило следов кузовных работ. А если к этому прибавить, что у «главного механика», как прозвали мы Юрия Федоровича, не бывает плохого настроения и отлично развито чувство юмора, то станет понятно, почему он считается незаменимым в многотрудных условиях дальних автоэкспедиций.

Сменщик Ю. Ширяева — Сергей Герасимов — уже знаком читателям «Огонька» по автоэкспедиции 1976 года, когда он в составе «сборной» АЗЛК и «Огонька» пересек Каракумы и Памир. Хорошее чувство дороги, отменная работоспособность, умение прийти на помощь в нужную минуту — это и есть Сергей Герасимов.

Четвертый член экспедиции, выполнявший обязанности штурмана,— Анатолий Ломахов. Электрик по профессии, фотограф по призванию, турист и путешественник по натуре, он проехал на «Москвичах» не одну тысячу километров, прокладывая маршрут экспедиции 1976 года. Есть у Анатолия мечта — научиться водить машину и пересечь на ней страну вдоль Северного Ледовитого океана.

...Асфальт кончился. Теперь колеса «Москвичей» разглаживают Великий Сибирский тракт в том виде, в каком застал его Антон Павлович Чехов, когда добирался на перекладных к Тихому океану. Верно, кое-где попадаются ровные участки дороги. Но в целом она под силу разве что «голубым молниям» (так прозвали мы ЗИЛы, которые на бешеной скорости то и дело проносятся мимо).

Я всегда немножко завидую водителям ЗИЛов. Мужественный, лихой народ. Мчат себе по любой дороге, не сбавляя газа, уверенно вписываются в закрытые повороты. Они никогда не отказывают в помощи: поделятся бензином, дернут, если застрял, а то и отбуксируют до ближайшей станции технического обслуживания. Попадаются и среди них лихоимцы. И нарушители самого святого закона дороги, которые употребляют иное «горючее» до рейса, во время него и после. Но в целом к водителям ЗИЛов я неравнодушен. Хотя так случилось, что один из ЗИЛов чуть было не погубил нас.

...Дорога на Красноярск рискованна и однообразна. Самая большая опасность — гигантские лесовозы. Едва успел опустить стекло дверцы, едва глотнул свежего воздуха, а навстречу мчит лесовоз. Снова поднимаешь стекло и с минуту едешь в сплошной «облачности», когда собственного радиатора не видно. Едешь и не знаешь, что ждет тебя за поворотом, какой лихач вывернет на бешеной скорости и смахнет тебя прицепом, разгуливающим во всю ширь дороги. Смахнет и не почувствует.

— Здесь нечего делать вашим малолитражкам,— говорит возле бензоколонки водитель самосвала.

— Но у нас на спидометрах по шесть тысяч километров и ни единой поломки,— возражаем мы.

— Если доберетесь до Иркутска своим ходом, считайте себя счастливчиками,— заключает наш собеседник и, захлопнув дверцу кабины, уходит на запад.

Чем дальше отдаляемся мы от столицы, тем большее изумление вызывают наши московские номера у местных жителей. В Челябинске, Омске, Новосибирске, Кемерове нас попросту не замечали. А уже в Красноярске целыми улицами сбегались посмотреть на машины, которые своим ходом добрались до Енисея. И тут нельзя не вспомнить, что чешские и польские каскадеры, демонстрирующие на наших стадионах аттракцион «авто-родео», для самых рискованных трюков используют «Москвичи».

...Прокол заднего колеса у желтого «Москвича». Через километр та же участь постигает красный автомобиль. Юрий Федорович шутит: «Если так дело пойдет и дальше, то к вечеру мы останемся без резиновых сапог. Уйдут на заплатки».

Через пять километров снова меняем колеса. Сначала на красной машине, потом на желтой.

Позади остались Мариинск, Боготол, Ачинск... Многое можно было бы рассказать о каждом из них. Но жесткий график экспедиции подгоняет нас. Еще несколько часов езды, и на горизонте вырастает Красноярск. Знакомый мост через Енисей, величественная Караульная гора.

— Добро пожаловать! — разглядывая номера машин, говорит высокий скуластый паренек, вызвавшийся показать нам автостоянку. Знакомимся. Женя Семенкин, ученик местного ПТУ.

— Семенкин, Семенкин... Не твой ли это отец носит звание лучшего автомобильного обувщика в крае? — спрашиваю паренька.

По глазам видно, что Женьке очень хочется быть причастным к знаменитостям. Но он пересиливает возникшее желание и признается:

И локти дорог

— Мой батя трудится на железной дороге. А тот, что с шинного, наш однофамилец. Его здесь все знают.

— О нем и в Москве наслышаны,— подливаю я масла в огонь.

Речь идет о сборщике Красноярского шинного завода Е. Семенкине, который за два года четыре месяца и шестнадцать дней выполнил план десятой пятилетки, «обув» в высококачественные шины более пятисот могучих самосвалов БелАЗ-540.

Но Женька и не думает отступать.

— Зато старший Семенкин, дед мой, был одним из первых в крае революционеров. И на баррикадах дрался и на войну ходил.

С гордостью рассказывает об этом юный красноярец, будущий рабочий человек сибирского края.

...Четыреста километров нелегкой дороги. Спина не разгибается, ноет, руки с трудом удерживают баранку. Ноги сделались ватными. И вдруг райский зеленый уголок, плакучие ивы у самой воды, полноводная, величавая красавица Бирюса.

Возле парома — доверху груженные лесовозы. Лицо одного из водителей мне кажется знакомым. Да и сам он, словно пытаясь вспомнить, где мы встречались, дольше обычного задерживает свой взгляд. Однако ни он, ни я не можем похвастаться памятью. И только когда начинаем выяснять подробности жизни — припоминаем, где сводила нас судьба. Иван Реука — один из лучших водителей на строительстве новой железнодорожной магистрали в Таджикистане. Причастен к первому поезду из Явана в Курган-Тюбе, потом собрался и двинул всем семейством на БАМ. Освоил новенький трехсотсильный «Магирус», сменную норму научился перевыполнять в полтора раза, к пятидесятиградусным морозам привык так же легко, как когда-то к сорокаградусной таджикистанской жаре.

— Жизнь — не те дни, что прошли, а те, что запомнились,— говорит Реука.— Половину жизни я могу восстановить в памяти по месяцам. Для этого мне достаточно развернуть любого масштаба географическую карту. Ну, а оставшуюся должен прожить еще интересней. (Интересней, по Реуке, значит там, где ты всего нужнее.)

...Контрасты неотступно следуют за нами на всем пути. В Нижнеудинске, в небольшой рабочей столовой, всего за тридцать копеек едим отменные, по-домашнему приготовленные пельмени. Уют, чистота, вежливое обслуживание. Но тут же, в Нижнеудинске, на бензоколонке принимаем «холодный душ»: в резервуарах нет ни капли высокооктанового бензина. В унылую очередь выстроились «Жигули», новенькая «Волга» превратилась в полторы тонны неподвижного груза. Предвидя эти сюрпризы, Юрий Федорович еще в Москве «поколдовал» над двигателем, и мы можем заправляться не только девяностой третьим, но и обычным бензином. Причем, что удивительно, на нем машина работает нисколько не хуже. К изумлению водителей машин, стоящих в очереди, подъезжаем к колонке, от которой только что отвалил грузовик, и, заправившись под самую крышку, берем курс на Иркутск. А впереди снова контрасты. Пыльная дорога резко обрывается перед мостом, и — даже не верится глазам — под колеса ложится широкая, ровная лента. Устав от тряски, соскучившись по быстрой езде, даем двигателям вволю насладиться своей мощью. Со скоростью 140 километров в час мчим на восток, не подозревая, какие испытания ждут нас впереди. ...Ночью шел дождь, и весь мир кажется безбрежным океаном. Ни звезд, ни встречных машин, ни единого огонька в домах, проплывающих за окном. В такие минуты чудится, что опасность подстерегает тебя на каждом шагу. А утром выглядывает солнце, умытые леса расточают блаженные ароматы хвои, и гомон непотревоженных птиц наполняет мир земного бытия.

И вот неожиданно в этот земной рай визгом тормозов врывается опасность и тревога. В ветровом стекле, по ходу нашего движения, петляя, мчит напролом запыленный, обшарпанный грузовик. Редкие встречные машины в панике сворачивают с трассы и глушат моторы. Спасаясь от лихача, неудачно вывернул на обочину и перевернулся встречный «Запорожец». В кювет съехали и зеленые «Жигули». Кончился участок асфальтированной дороги, под колесами гравий. Но рвущийся навстречу беде ЗИЛ и не думает гасить скорость. Сидящий справа Анатолий Ломахов тянется за милицейским жезлом, который нам выдали во Всесоюзной государственной автоинспекции со всеми правами внештатных автоинспекторов.

Под колесами снова асфальт, а через километр опять гравий... И закрытые повороты один за другим. На какой-то миг нам удается нагнать ЗИЛ. Включая и выключая фары, прошу водителя остановиться. Но где там! Вместо этого он еще сильнее нажимает на газ и выезжает на встречную полосу движения, давая тем самым понять, что ни останавливаться, ни пропускать никого вперед не собирается. Мы идем по пятам в надежде, что лихач образумится. Некстати начинает мигать сигнальная лампочка резерва топлива. Скоро у нас кончится горючее, и ЗИЛ с пьяным водителем за рулем уйдет навстречу неминуемой катастрофе. Вот и сейчас, едва разминувшись с ним, пролетел переполненный пассажирами рейсовый автобус. Широко раскрытые, безумные от страха зрачки водителя еще долго стоят перед глазами.

Надо что-то предпринимать. На пути через пять километров большой населенный пункт, играющие на улице дети. Не переставая сигналить, вновь приближаемся к удирающему ЗИЛу. Только бы поравняться с ним, чтобы водитель увидел милицейский жезл! Это всегда действует отрезвляюще. Неожиданно ЗИЛ резко забирает вправо, освобождая левую часть дороги. Стрелка спидометра коснулась цифры 100, когда наши кабины оказались рядом. Анатолий опускает стекло дверцы, по грудь высовывается из кабины, жезлом требуя от водителя остановиться. Мне не видно лица шофера, но реакцию его я улавливаю мгновенно. Ржавый клык бампера грузовика устремляется на переднюю дверцу «Москвича». Сейчас он играючи проткнет ее, поддenет на манер разъярившегося быка и отшвырнет в трехметровый кювет.

Тормозить в этой ситуации нельзя. Остается единственный выход — прибавить обороты и, ускользнув от тарана, преградить ЗИЛу дорогу перед населенным пунктом.

Все более узким становится просвет слева, все ближе ржавый клык бампера. Правые колеса «Москвича» еще касаются дороги, а левые уже повисли над кюветом. Единственная надежда выжить — как можно сильнее вдавиться в кресло, не выпуская баранки из рук.

...Вековой лес девятибалльной волной лизнул небо, потом поднялся выше неба и, опрокинувшись, вновь заслонил его.

...Лицо обдувает ласковый ветерок. Справа от меня кто-то барахтается и ворчит. Это Анатолий. Слава богу, жив! И у меня, кажется, руки-ноги на месте. Вот только горизонт и солнце куда-то запропастились. В отверстие, где обычно бывает лобовое стекло, заглядывают неприхотливые лесные цветы. Откуда они здесь?! Наконец, соображаю — машина лежит на крыше, колесами вверх. Лобовое стекло в виде миллиона хрусталиков рассыпано по траве.

С трудом выбираемся наружу и в горячке (откуда только силы взялись!) возвращаем машину в первоначальное положение. И хотя часть крыши вмята, выбиты оба стекла и плохо закрываются дверцы — двигатель заводится с пол-оборота. Значит, «Москвич» на ходу. Едва ли другая малолитражка, побывав в таком переплете, сохранила бы свои ходовые качества. Чего-чего, а крепости «Москвичу» не занимать.

Быстро меняем скат и своим ходом добираемся до Лучегорска. Отсюда до Владивостока рукой подать.

Утром инспектор ГАИ лейтенант Петруша, выслушав наш рассказ, с изумлением смотрит на «Москвич».

— Теперь, можно смело сказать, машина прошла настоящие испытания,— говорит он.— Ну, а вы родились в рубашках. Из таких аварий живыми редко выходят. По крайней мере я еще не встречал, хотя в ГАИ работаю не первый год.

Потом выясняются подробности наших злоключений. Оказывается, патрульный вертолет, наблюдавший «схватку» «Москвича» с ЗИЛом, передал наземным службам о происшедшем, и пьяный водитель был обезврежен. А через день на Владивостокской станции технического обслуживания благодаря золотым рукам бригады кузовщиков, возглавляемой Виктором Клинком, наш «Москвич» обрел свою первозданность...

Итак, путешествие через всю страну окончено. Но путь «Москвича» продолжается. Теперь уже обратный путь. Коснувшись колесами тихоокеанской волны, он круто развернулся на запад, чтобы своим ходом возвратиться в столицу, на родной автозавод, носящий имя Ленинского комсомола.

Москва — Владивосток.

Юрий Ширяев вручает памятный вымпел АЗЛК бригадиру первопроходцев БАМа В. Текучану из Тайшета.

Гулливеры и лилипуты сибирских дорог.

ДОЧЬ ВСЕХ НАРОДОВ

Шестидесятилетие творческой деятельности отмечает Тамара Ханум (Тамара Артемовна Петросян). Яркая жизнь актрисы — это не только триумфальное шествие по сценам многих стран, путь, усыпанный цветами, расцвеченный огнями рампы и озвученный громом аплодисментов. Ее жизнь — это прежде всего неустанный труд.

Алексей Толстой сказал ей: «Вы совершили подвиг, повели за собой армию раскрепощенных женщин Узбекистана и вывели за пределы Родины советское искусство». Тамару Ханум по праву можно назвать родоначальницей танцевального сценического искусства Узбекистана. Вспомним, что лишь в 1919 году в Ташкенте был создан первый узбекский театр, но все роли в нем исполняли мужчины. Одной из первых женщин на узбекской сцене была Тамара Ханум. По меткому определению А. В. Луначарского, она стала «восточной ласточкой», принесшей весну в искусство Советского Востока.

Уроженка Ферганской долины, Тамара Ханум бережно и тщательно выискивала жемчужины народного танцевального искусства. Каждый ее танец — это импровизация на народную тему. Сохраняя национальную форму танца, она насыщала его новым содержанием, темпом, свободой, раскованностью движений. Эти нововведения не случайны. Чтобы понять их смысл и значение, стоит вернуться в те далекие дни, когда тринадцатилетняя девочка впервые робко ступила на первую в своей жизни сцену — платформу бронепоезда на станции Горчаково, что в Ферганской долине. Тот боевой 1919 год можно считать началом ее творческой биографии, началом встреч с новыми людьми, позвавшими ее в большое искусство. Это были узбекский остросլов, любимец народных празднеств Юсуп-кизик Шакирджанов, революционер, поэт, драматург и музыкант, режиссер и руководитель агитбригады Хамза Хакимзаде Ниязи, самобытный талант, блестящий певец Мухитдин Кари-Якубов, прославившийся своим искусством бубнист Уста Алим Камилов... Именно эти люди ввели ее в настоящее искусство, привили ей сценические навыки, научили чувствовать глубину и прелесть народного искусства. Первые шаги актрисы были нелегкими. Ведь согласно традициям, женщина не имела никакого права на участие в общественной жизни. На национальных празднествах выступали танцоры-мужчины, по мере необходимости переодевавшиеся в женский наряд. И потому выход на сцену с песенно-танцевальным номером, к тому же с открытым лицом, перед массовым зрителем считался грехом, осуждался.

Многогранна деятельность Тамары Ханум. За 60 лет она была этнографом, режиссером, балетмейстером, художником по костюмам. Работа ее над песнями и плясками схожа с деятельностью ученого-исследователя. Тамара Ханум — одна из организаторов первой этнографической группы, впоследствии выросшей в музыкальный драматический театр. На базе этого театра при ее активном содействии были созданы Узбекский театр музыкальной драмы и комедии и Узбекский театр оперы и балета.

В годы Великой Отечественной войны Тамара Ханум была в едином строю с воинами Красной Армии. Все сборы от концертов она и ее товарищи передавали в фонд обороны страны. С честью носит актриса звание народной артистки СССР. Но есть у нее и еще одно звание, которым она гордится не меньше,— это звание капитана Советской Армии.

Сегодня Тамара Ханум, как и в прежние дни, полна сил, энергии, планов. Она видный общественный деятель республики, неоднократно избиралась депутатом Верховного Совета УзССР, является председателем Совета ветеранов искусства.

Все творчество Тамары Ханум, вся ее жизнь отданы народу, и потому по праву в этот знаменательный для актрисы год, 60-й год ее творческой деятельности, мы повторяем восторженные слова ее зрителя: «Вы дочь всех народов, песни которых поете!»

С. САЛИМОВА

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ О. Н. ШЕСТИНСКОГО

Я ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ СВОЮ ЗЕМЛЮ

В редакции «Огонька» с поэтом О. Н. ШЕСТИНСКИМ беседовал критик и литературовед Олег МИХАЙЛОВ

— Олег Николаевич, вы недавно возвратились с БАМа, вы много и часто ездите по стране. Как помогает это вам — художнику, поэту, и какие впечатления вы привезли на этот раз?

— Писательский труд, наверное, самый индивидуалистический, и чтобы создать что-то стоящее, следует уединиться в четырех стенах комнаты, нужно полное сосредоточие ума, нужно уйти в суть своих раздумий. Но для того, чтобы на белом листе бумаги появилось произведение, которое в какой-то мере необходимо людям, писатель должен знать жизнь и деяния народа, постоянно ощущать биение пульса на руке страны. И те поездки, которые случаются в моей жизни, дают мне огромную возможность осознать свою работу как частицу труда народа.

Да, я только что вернулся с БАМа. Был на Тынде и могу сказать, что среди путешествий последнего времени самое яркое впечатление в смысле осознания сути человеческого труда, глубины человеческой личности, основ человеческого мужества было в те дни, которые я провел на этой великой стройке. Почему я имею право так сказать? Представьте себе необозримую тайгу, сопки, замерзшие болота, тридцать пять — сорок пять градусов мороза, легкие вагончики, стоящие на насыпи. И вот люди в таких условиях вершат ежедневно свой труд: они тянут рельсы, строят станции. И поверьте, это не повседневная работа, а каждодневное, осознанное свершение. Мужественные люди живут на БАМе мужественной жизнью. За очень краткое время там выкристаллизовываются в человеческих душах главные жизненные ценности — духовные. Мы там встречались с молодыми поэтами, молодыми художниками — это были прекрасные встречи.

— Но, конечно, художник, поэт путешествует всегда не только географически, творчество — это путешествие души. В том числе в глубь собственной биографии, памяти. У вас оправданно много стихов о блокадном детстве и отрочестве, о незабываемых днях, пережитых в осажденном героическом Ленинграде: «Детство», «Мы с тобой уже не дружим», «Ленинградская лирика», и особо хочу отметить поэму «Лестница». Вы пишете от имени мальчиков блокадного закала — и тех, кто выжил, и тех, кто погиб, и тех, кто утонул на дне Ладоги. Как воздействовали на вас те огневые переживания и что они вам дали как человеку и поэту?

— Да, собственная биография очень важна для литератора. Особенно это справедливо по отношению к поэту, представителю самого эмоционального жанра искусства. И если бы я оглядел свое прошедшее, я мог бы сказать, что неизгладимое влияние на всю мою жизнь, все мое творчество оказал ряд обстоятельств. И то, что мальчиком 12 лет, когда началась война, я оказался в Ленинграде и все 900 дней блокады провел в осажденном городе. Мы мужали необыкновенно быстро, нашей путеводной звездой была любовь к Родине, нас закаляла ненависть к фашизму. В 12—13 лет я привык к смерти, как к чему-то обыденному. И я видел высочайшие проявления человеческого духа и видел подлость и низость в таком ярком выражении, какие в мирной жизни в благополучных условиях просто не могут существовать. Естественно, что этот мир, продолжавшийся в моей жизни около 900 дней, создавал мой характер.

— В ваших книгах возникает образ России: новой и древней, мужественной и женственно прекрасной. Так, для меня символом России выглядит простая русская женщина Вера Шерстобоева, поэму или, как вы обозначили, «житие» которой я прочел в двенадцатом номере журнала «Москва». Вместе с тем у вас немало стихов об Армении, с которой вы связаны кровными узами, а кроме того, о далеких и ближних странах: Испании, Индии, Греции, Чили и особенно о братской Болгарии. Как соотносится для вас национальное, патриотическое и интернациональное, всемирное, отзывающееся на боль и радости других народов?

— Жизнь моя сложилась так, что мне целый ряд краев нашей земли особенно близок. Это, например, Армения, потому что во мне есть капли армянской крови. Это и Болгария — тоже близкая и родственная земля, потому что я по образованию славист: окончил Ленинградский университет, учился в Софийском университете и в Болгарии очень много бывал. Эта страна раскрылась мне не во внешней ее красоте, она часть моей духовной жизни. Я привел эти два примера к тому, что у каждого человека есть края земли, которые ему по тем или другим обстоятельствам ближе и понятнее. И бесконечно я люблю свою землю, с огромным чувством радости, с огромным чувством счастья сознаю себя русским, сыном России. Не может быть русского поэта, который в своем творчестве не попытался бы создать образ Родины, который бы не стремился в своем творчестве выразить национальные черты русского народа. С этим, видимо, связано мое обращение к эпической форме поэзии. Я имею в виду поэмы «Одиссея Михаила Петрова», «Житие Веры Шерстобоевой», еще целый ряд поэм...

— Олег Николаевич! Поздравляя вас с юбилеем и желая вам новых прекрасных стихов и книг, я хочу спросить вас: как вы считаете, пятьдесят лет — для поэта много или мало?

— Я думаю, это замечательный возраст. Потому что пришел опыт, потому что многое знаешь, потому что определились надежные друзья, сформировались те принципы, от которых не отступишь. Вот с этих точек зрения пятьдесят,— по-моему, лучший возраст жизни.

Фото А. Козьмина

К. СЕРГЕЕВ

СУДЬБА АГРОНОМА

Двадцать лет назад все они получили одинаковые дипломы, перед каждым открывались, если смотреть с высоты прожитых лет, равные возможности. И вот, впервые за двадцать лет собравшись в стенах родной академии, они как бы заново узнавали друг друга. Подчеркнутая простота в обращении, готовность великодушным смехом встретить не самую удачную остроту — за всем стоял пытливый интерес: «Кем стали?» Или: «Какие мы?»

Были среди собравшихся и практики, производственники, и ученые, и партийные, и советские работники. Но наибольшее оживление в зале вызвало сообщение о том, что среди выпускников Тимирязевки 1953 года есть... председатель колхоза!

Раздались аплодисменты! Все завертелись, отыскивая глазами единственного председателя — Василия Антоновича Бондаренко. Он встал и под перекрестными взглядами однокашников скромно опустил очи долу.

Уже много позже, после той памятной встречи 1973 года Василий Антонович нет-нет да и возвращался в мыслях к тем аплодисментам. Было в них что-то ему не совсем понятное. Казалось бы, кому и руководить колхозом, как не выпускнику Тимирязевки? Почему же из выпуска только он остался в этой должности?

Конечно, на председателей не учат. А если и выбирают, то это вовсе не значит, что председатель состоялся. Председателями становятся. И его бывшие сокурсники лучше, чем любая другая аудитория, понимали это. Понимали и приветствовали аплодисментами.

...Среди самых радостных событий детства он запомнил не случаи, когда отцу удавалось приехать с поля на обед. Колхозному бригадиру по штату полагалась одноконная повозочка. И пока отец, раздевшись по пояс, умывался у колодца, Василь мигом распрягал лошадь, плюхался животом на еще влажную ее спину, и они неслись купаться на речку. «Они» — потому что лошадь и мальчишка поровну делили редкое удовольствие.

А потом была война. Была разруха, страшное и голодное время. В сорок четвертом Василий Бондаренко поступил в Новоаннинский сельхозтехникум — это возле станции Филоново, севернее Волгограда.

Я проезжал через ту станцию ранней весной спустя ровно год после окончания Сталинградской битвы. Вдоль путей на многие километры тянулась свалка разбитой, искореженной военной техники. Поезд шел и шел себе, а вдоль полотна громоздились, зияли рваными боками остовы самолетов, автомашин, танков, артиллерийских установок... Их было так много, что глаза не доставали берегов этого мертвого моря. Сколько же надо было отдать человеческих жизней, крови и сил, чтобы вышибить дух из этих десятков тысяч летавших, ползавших, изрыгавших смерть машин! Кажется, после такой работы победивший должен отлеживаться несколько лет, пока заживут раны, придут новые силы. Но победителей ждала трудная работа: и за себя и за погибших.

Вот в какое время Василий Бондаренко стал участковым агрономом: один на два приволжских колхоза. Ему было только девятнадцать лет, а его уже величали Василием Антоновичем. И ездил он на такой же «штатной» лошадке, как некогда его отец. Через год понял: любви к земле у него намного больше, чем знаний о ней. Отослал документы в Москву, в главный сельскохозяйственный вуз страны. Встретившийся однажды в поле почтальон вручил серенький конверт с уведомлением: «Вы зачислены на 1-й курс...».

Рассказывая о человеке, иногда вспоминаешь факт, который никак не вписывается в общий тон повествования. Начинаешь размышлять над ним и видишь, что в пример другим его не приведешь, да и твоего героя он не очень украсит. И все же не сказать о нем — значит упустить нечто довольно существенное... За пять лет учебы в Москве Василий Антонович только один раз побывал в Большом театре. Что давали в тот вечер — не помнит. Помнит только, что перед глазами у него маячила огромная люстра. Зато до сих пор сохранились в его памяти товарные дворы московских вокзалов и Северный порт в Химках, где он разгружал бревна, арбузы, уголь, щебенку... Однокурсники щадили его, в критическую минуту всегда появлялось рядом более сильное плечо. В самом Василии в те годы было три пуда весу.

В знаменитый на Одесщине колхоз имени Буденного он впервые попал в 1951 году — попал на практику. Председателем здесь был М. А. Посмитный. Макар Анисимович еще в 1924 году. организовал этот колхоз — один из первых в стране. Был его бессменным председателем почти полвека, всю оставшуюся жизнь — до 1973 года. Дважды Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, известный человек, Посмитный не отличался легким характером. В колхозе ничего не делалось без его ведома, и не только по линии хозяйственной. Даже в делах семейных его слово было решающим. К нему шли за советом. С ним согласовывали, увязывали, так что мнение головы колхоза имело силу приказа.

Студент из Тимирязевки приезжал на практику дважды: после третьего и после четвертого курсов. Поступив в распоряжение главного агронома, практикант от зари до зари пропадал в полях, а по вечерам рылся в документах, изучал финансовые отчеты, одолевая незнакомый ему украинский язык, по логике догадываясь, что «джерела прибутку» — это источники доходов, «кошты» — средства. С председателем колхоза лично встречался всего два или три раза и не был уверен, запомнил ли его Макар Анисимович.

Но не таков был Посмитный, чтобы позволить человеку, побывавшему хоть раз в его колхозе, остаться незамеченным. Василий Антонович окончил учение, получил диплом, направление на работу — на Восток. Собрал чемодан, купил билет... Но в последний день его разыскали и показали письмо М. А. Посмитного на бланке депутата Верховного Совета СССР и с указанием всех титулов после подписи. В письме уважаемый председатель просил направить выпускника ТСХА Бондаренко В. А. на работу в колхоз имени Буденного, Березовского района, Одесской области, где данный молодой специалист крайне необходим...

Так Бондаренко, уроженец Приволжья, стал старшим агрономом в украинском колхозе имени Буденного, который уже в те времена в просторечье называли колхозом Посмитного. Работать под началом Макара Анисимовича было трудно. Он требовал от подчиненных такой же полнейшей отдачи, на которую был способен сам. Он не признавал никаких иных интересов, кроме интересов дела. Не случайно через этот колхоз в послевоенные годы прошло, не задерживаясь надолго, столько специалистов, что ими можно было бы укомплектовать хозяйства нескольких районов! А приживались те, которые не боялись ни нагрузок, ни перегрузок.

Василий Антонович с первых дней стал своим человеком в хозяйстве. Он вскоре женился (с Людмилой Ивановной познакомился, еще будучи практикантом) и повел себя так, будто собирается прожить в колхозе до глубокой старости. Это черта врожденная, черта характера людей, для которых отношение к делу — главное мерило нравственности.

Когда мы с ним разговаривали, Василий Антонович вспомнил эпизод давно прошедших дней. Рядовой эпизод, каких вспоминалось немало.

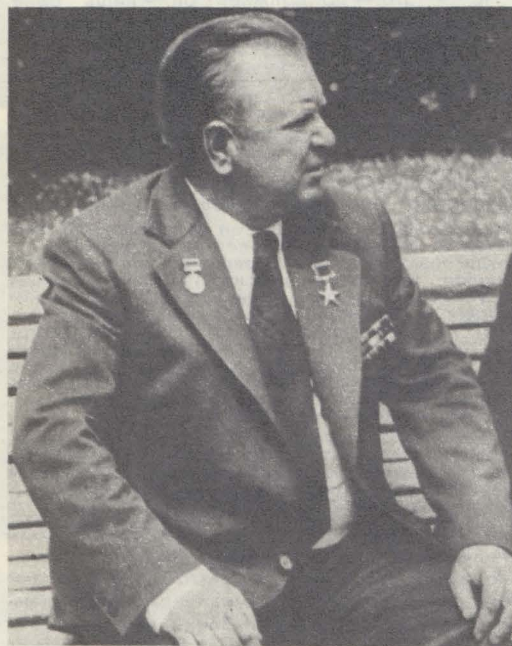
— Мы прорывали свеклу, а в первой бригаде подсаживали помидоры. Это было... Сейчас скажу точно.

Он открыл шкаф, где лежали стопки блокнотов, связанных штук по двадцать. Отыскал нужный ему, раскрыл и сказал:

— Вот точно — двадцать второго мая шестьдесят пятого года...

Оказывается, в блокнотах у него записи за двадцать пять лет. С первого дня работы по сегодня. В них кратко, на полстранички-страничку, Бондаренко записывал и записывает, что делалось в полях: когда и что посеяно, где вспахано, куда и какие удобрения внесены... И так каждый день, не исключая и воскресений. В конце каждой декады — сколько выпало осадков, сумма температур. То же — за каждый месяц, за год...

— Мне иначе нельзя,— говорит он.— Я могу теперь сказать, как тот или иной сорт пшени-

цы или свеклы ведет себя в зависимости от сроков посева, погодных условий, предшественников. По своим записям каждую работу в поле могу оценить в центнерах готового урожая.

Мне показалось, что этот деловой, уравновешенный, расчетливый человек четверть века выполнял работу целого научного коллектива.

— А теперь,— говорит он,— после смерти Макара Анисимовича, мне тем более надо продолжать записи. Сведения, которые не только для блокнота, я так или иначе каждый вечер держу в руках.

Каждый вечер между шестью и семью часами во всех домах колхозников, на фермах и в бригадах включены репродукторы. Все знают, что сейчас послышится характерный щелчок (подключится колхозный радиоузел), и председатель скажет глуховатым баритоном:

— Добрый вечер, товарищи! Сегодня первая бригада...

Коротко сообщив, что сделано в хозяйстве за день, он тут же отдаст наряд на завтра, что делать шоферам, трактористам, строителям, какая бригада и в каком составе выходит в поле, на огород, в сад...

— Потом уже бригадиры детализируют задание, но в главных чертах и на фоне забот всего колхоза каждый получает свое задание от меня. Если я в отпуске или в командировке, выступает заместитель...

В колхозе семь тысяч гектаров земли. И каждый клочок он помнит.

— Назовут поле, а я знаю, что в нем тридцать три и восемь десятых гектара, что имеет оно южный склон. Могу рассказать, в какие сроки там лучше вести работы, как его удобрять, что сеяли в прошлом году, какие урожаи оно давало... А когда знаешь землю, то не чувствуешь робости перед нею. Не бояться земли, понимать ее — ни с чем не сравнимое чувство! Вроде бы ты разговариваешь с полем: и выслушать можешь и посоветоваться...

Важной вехой в его жизни был мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС, когда была поставлена серьезнейшая задача дальнейшего развития сельскохозяйственного производства с использованием достижений науки, техники, больших (по тому времени, конечно) капиталовложений. Резко возросла роль агронома, инженера, ветврача, одним словом, роль специалиста. Из советчика он становился постепенно одним из руководящих лиц.

Макар Анисимович Посмитный тонко чувствовал новое. Он тут же рекомендовал избрать секретарем колхозной парторганизации агронома Бондаренко, которому в пятьдесят девятом сам дал рекомендацию для вступления в партию. А в шестьдесят седьмом предложил Василию Антоновичу пост заместителя председателя.

Нелегко было совмещать две должности. Макар Анисимович последние годы часто болел, так что в течение многих недель и месяцев партийному секретарю приходилось еще исполнять и председательские обязанности. Но, даже будучи прикованным к постели, председатель оставлял за собой последнее слово по многим вопросам. Они хорошо работали вместе! Но это не значит, что Василию Антоновичу приходилось легко. Слишком разные были характеры. Посмитный — напористый, не терпящий возражений и не знающий преград ни в чем. А Бондаренко — человек уравновешенный. Но и достаточно упрямый в достижении поставленной цели. Свое мнение, тысячу раз выверенное и наукой и личным опытом, он высказывает так, как будто оно только что пришло ему в голову. И вообще свои обширные познания, тонкое понимание человеческой психологии Бондаренко не прочь прикрыть этакой крестьянской простоватостью.

Они отлично дополняли друг друга — Посмитный и Бондаренко. Весной 1973 года Макар Анисимович — за день до смерти — первым в районе получил партийный билет нового образца. И вот его не стало. Ушел из жизни человек, который сорок девять лет бессменно возглавлял хозяйство. Колхозники избрали председателем Бондаренко.

Велик был соблазн сбиться на копирование методов работы знаменитого предшественника. Но Василий Антонович понимал, что второго Посмитного все равно не получится. Да от него этого и не ждали. Его задачей было достойно вести дела колхоза. А ведь подражатели, как говорят, не продолжатели. Надо было найти свой стиль. Надо было поднимать хозяйство на новую ступень!..

Но все его наметки, связанные с новой организацией производства и крупным строительством, упирались в небольшие масштабы хозяйства. Скажем, самое современное оборудование мастерских могло окупить себя только в том случае, если обслуживать машин в два-три раза больше, чем их имел тогда колхоз. Небольшие размеры хозяйства так или иначе сдерживали многие перспективные начинания и снижали их эффективность. Вот с какими мыслями Василий Антонович пошел в райком партии. Его поняли, поддержали. И уже в январе 1974 года колхоз укрупнили, присоединив к нему одно из отстающих хозяйств. Потом, в декабре, укрупнили еще раз. А через год — еще раз...

И вот уже владения колхоза, которому было присвоено имя Макара Посмитного, раскинулись на территории семи сел. Не три тысячи гектаров пашни, а вдвое больше.

Сказать «укрупнили» — просто. На деле все куда сложнее. Надо, чтобы колхозники той и другой артели проголосовали за объединение. Но не каждый, даже если он победнее, спешит объединиться с соседом. Можно и за общим столом чувствовать себя бедным родственником. Не лучше ли хоть и за скудным, но за своим столом оставаться хозяином? Так получилось с небольшим колхозом в селе Кринички. На общем собрании жители его отказались объединиться с колхозом имени Посмитного. Бондаренко на том собрании не был: счел неэтичным. Пока что там свой колхоз, свой председатель, а после объединения председателем изберут того, у кого дела лучше...

Через некоторое время снова созвали собрание в Криничках. Василию Антоновичу передали, что соседи просят его выступить. Хотелось им услышать, что скажет он. Бондаренко ничего не стал обещать. Выступил спокойно и мрачновато.

— Ничего, — сказал, — не обещаю. Только стыдно на вашей-то земле получать такой мизер. Если объединимся, обещаю трудную работу. Такую, чтобы не только руки, но и рукава болели. Дисциплину обещаю.

И собравшиеся дружно проголосовали за присоединение. Василий Антонович давно убедился, что суровую откровенность люди воспринимают лучше, нежели приветливое пустозвонство.

Ныне в колхозе имени Посмитного больше двухсот тракторов, автомобилей и комбайнов. Свой консервный завод. Свой мелькомбинат, где мелют зерно, делают крупы, сбивают из семян масло. Это выгодно и экономно: все отходы идут скоту, а жмыхи — великолепное молокогонное средство. Есть и свой хлебозавод. («Мы его рассматриваем как элемент культуры села»,— заметил Василий Антонович.) Есть своя строительная база.

О работе стройбригады можно судить, побывав на центральной усадьбе — в селе Расцвет. Оно построено в голой степи. А сейчас здесь многоэтажные дома, сады, клуб, центральный парк с мемориальным комплексом, где рядом с памятником погибшим в боях за Родину — первый колхозный трактор на постаменте и бронзовый бюст Макара Посмитного.

Строятся здесь новый механизированный ток, машинный двор, достраиваются два коровника с доильным залом на четыреста коров.

Но главный показатель хозяйства — это эффективность использования земли. Она здесь по-царски богата, но суха и капризна: ни речки, ни ручейка — полив не организуешь. Даже овощи приходится выращивать на богаре. Для питья и нужд производства воду берут из артезианских скважин, их на территории колхоза двадцать семь, и все закольцованы, потому что летом то в одной, то в другой вода кончается, и тогда по трубам идет песок.

Когда еще оставались участки нераспаханной степи, то на них ни деревца не росло, а в конце июня трава становилась рыжей, сгорала под солнцем. И вот на этой трудной земле в прошлом году получили по 454 центнера свеклы с гектара, больше сорока центнеров пшеницы. За минувшую пятилетку прибавка урожайности зерновых составила восемь центнеров на каждом гектаре.

В нынешнем колхозе имени Посмитного четыре с половиной тысячи голов крупного рогатого скота. И семь тысяч свиней — только за один год поголовье их увеличилось на две с половиной тысячи.

...В определениях нашего века самое, пожалуй, расхожее слово — рост. Растет население планеты. Растут добыча топлива, выпуск товаров, растут цены и безработица в капиталистических странах. Неизменной остается лишь величина Земли, которая кормит и одевает людей, а величина сельскохозяйственных угодий уменьшается и уменьшается.

— Увеличить силу гектара — ради этого стоит жить! — говорит Василий Антонович.

Он считает, что земля, которую обрабатывает настоящий хозяин, не истощается, а тучнеет. Земля как тарелка: если в нее положишь, то и возьмешь. Но класть каждый год надо больше, чем брать. Только тогда можно твердо рассчитывать, сколько получишь зерна, сахару, молока, яиц, мяса.

Важнейшей вехой в его жизни стал июльский (1978 г.) Пленум ЦК КПСС. Он читал доклад Леонида Ильича Брежнева и еще раз убеждался: курс колхозом взят правильный, как партия учит.

Эффективность гектара... Эффективность затрат... Государственный подход к решению насущных задач...

— Можно доход иметь большой, а государству пользы приносить немного. Можно и в колхозе, который победнее, выдать на трудодень побольше, нежели у богатого соседа. Тут важно, в чем ты видишь задачу, — говорит Василий Антонович.

Общее собрание решает, какую часть дохода выделить для раздачи на трудодни, а какую пустить на новое строительство, покупку техники. Многие склонны как можно большую часть дохода разобрать по карманам. В колхозе имени Посмитного используют доходы на то, чтобы побольше построить, вложить в поля.

— Заработок у наших колхозников достаточно высок, — рассуждает вслух Бондаренко.— А кроме того, каждая семья к своему столу почти все берет с приусадебного участка. Или покупает по себестоимости в колхозе. Да еще получает три — пять центнеров сахара в год да заготавливает ведер сто вина. Сейчас простого достатка колхознику, скромно говоря, недостаточно. Ему нужен городской комфорт в доме. Комфорт в селе — хорошие дороги, магазины, стадион, Дворец культуры.

Но и это,— продолжает он,— лишь одна сторона дела. Другая и, пожалуй, более важная, чтобы колхозник не только культурно отдыхал, но и работал культурно! Для этого недостаточно установить посменную работу, как в городе, или навести чистоту на фермах. Важно, чтобы за смену он успевал сделать столько, сколько успевает сегодня за световой день. К этому ведут более совершенная организация труда и новая технология.

...По колхозному радио он выступает каждый вечер. А в сельской школе — два раза в год: когда раздается первый звонок и на последней линейке. Сначала он рассказывает школьникам об успехах колхоза: в прошедшем сентябре, например, в сложнейшей жатве-78 получено на круг по сорок два центнера пшеницы с гектара! Почти по столько же — проса. А план трех лет пятилетки выполнен досрочно. Государству в 1978 году продано больше семи тысяч тонн хлеба — на тысячу с лишним тонн больше, чем предусматривало задание.

Тем, кто завтра придет на поля и фермы, он увлеченно говорит, каким станет труд колхозника. В хозяйстве уже сейчас работают сорок семь специалистов, восемь колхозных стипендиатов занимаются в вузах.

Здесь привыкли успехи хозяйства измерять хлебом. Но хлеб — это не только те тонны, что проданы государству, это еще и тысячи тонн зерна, скормленного на фермах и проданного государству в виде молока, яиц, мяса...

Поэтому, когда я спросил у Василия Антоновича о заветной цели, он ответил:

— Есть мечта, давнишняя! Она — и моя лично и нашего коллектива. Причем теперь мы подошли вплотную к тому, чтобы ее осуществить... А мечта эта — собрать по сорок восемь центнеров с гектара. На всей площади посева! На круг...

— А почему именно сорок восемь? — спросил я. — Почему не больше или меньше?

— Когда достигнем, то захотим и большего. Но пока... Таков расчет. При такой урожайности колхоз впервые получит миллион пудов! Первый миллион. Это лучший памятник Макару Анисимовичу...

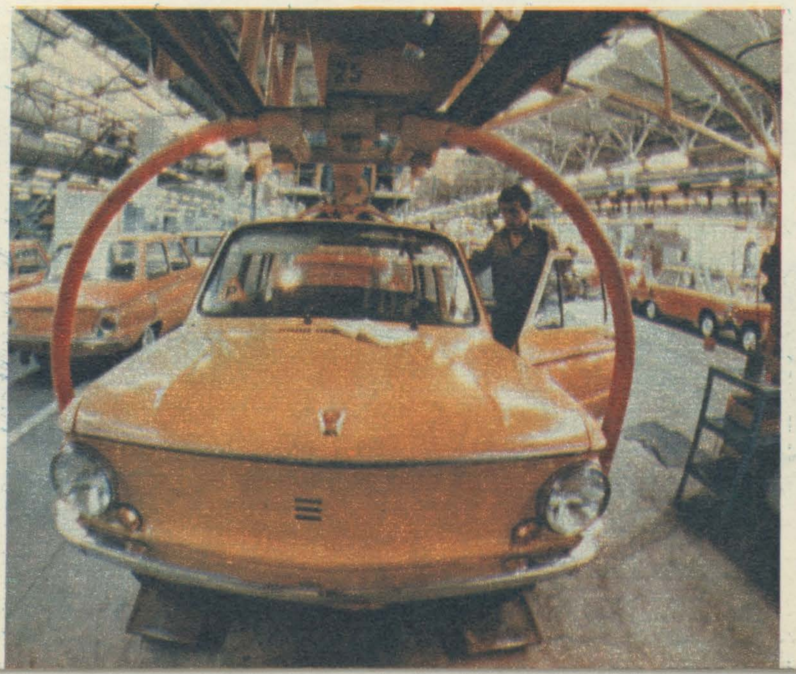
У могилы Т. Г. Шевченко. Поет народный кобзарь Алексей Чуприна ● Киев. Памятник Богдану Хмельницкому ● Площадь имени Дзержинского. НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Запорожье. Днепрогэс ● Ветеран завода «Арсенал», ветеран Великой Отечественной войны Виталий Васильевич Ефимов ● Закарпатская область, животноводы полонины Шумески. ● Запорожский автозавод «Коммунар» ● Лучшая бригада бурильщиков криворожской шахты «Трудовская». Слева направо: Леонид Сокрут, Михаил Мазурик, Александр Шепель (стоит), бригадир Владимир Довгаль, Дмитрий Нижник ● Одесский порт ● Пульт управления Чернобыльской атомной электростанции.

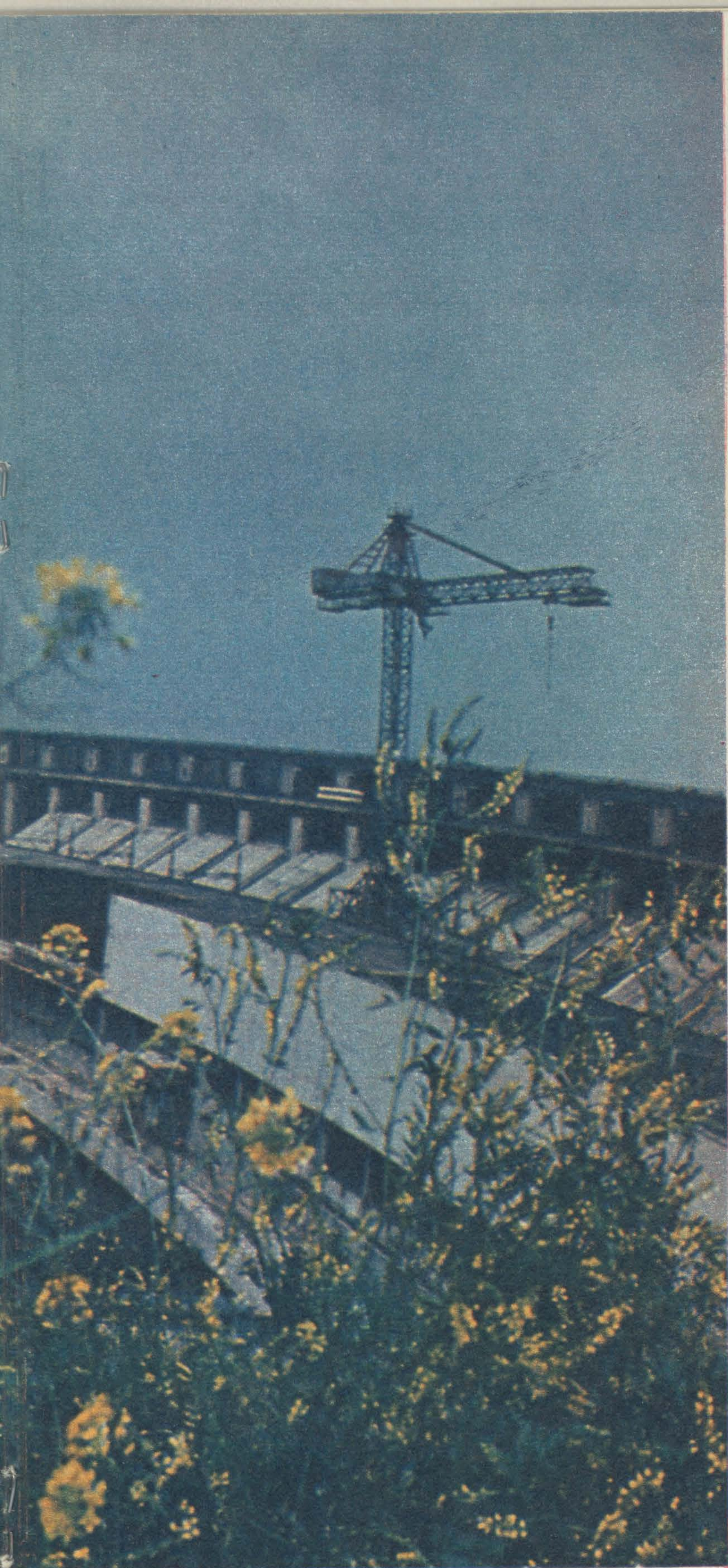
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

ПОД СОЛНЕЧНЫМ КРЫЛОМ

Платон ВОРОНЬКО

ДУМА О ЧЕРВОННЫХ КАЗАКАХ

Тучу тянет обоз, тащит, как волокушу,
А из тучи — дожди, и зарницы, и гром.
И Павловский — и в черта, и в бога, и в душу,
Чтоб не слышали женщины, гнет шепотком.
Парашютные тенты текут над возами,
Там, где раненые... Эх, сюда бы перкаль!
Мокрый сахар кашицей плывет под мешками.
И Павловский мешки — под цветистую шаль.
Он хотел привезти ее дочке в подарок —
И в котомке тот радужный шелк все берег.
Сам себя утешал: — Сахар вон пропадает...
Лучше пару подошв привезу для сапог.
Ой скупой же куркуль — наш хозяин Павловский,
Ох, и щедрый же он — да на то, что свое...
Все в возах-кладовых, даже чистая посконь —
Вдруг не хватит бинтов — и льняное тряпье.
Сам заварит катран с цветом липы в кувшине,
И туда ж — первача, чтобы легче пилось...
Долго туча идет, подплывая к Волыни.
Люди, кони, возы — все промокло насквозь.
И разделит Ковпак с ним свою плащ-палатку,
И тепло потечет — от души и к душе.
И Павловский начнет: — Вспомяни, Сидор-батька,
Было нам помокрее тогда, в Сиваше.
Наша сотня казацкая — с правого фланга.
А по самую шею — гнилая вода.
Мы соленым клинком — по барону... А Врангель
И его беляки, словно псы, кто куда.
С Перекопа опять в ледяную грязищу...
Ох, и злющая осень была, не забудь,—
Хоть и юг, ну а ветер, как проклятый, свищет.
А простуд — никаких.
И Червонной коммуны поля у Днепра,
И «Вставай, поднимайся...», и алые стяги.
Обсушились — и в путь.
...И червонных казаков лихие атаки,
И блистание сабель, и громом — ура!
— А теперь вот не так...—
Сидор хитро смеется:
— Что ж ты хочешь, казак, кровь была молода.
Ты опять за свое...—
Сердца тихо коснется,
Чтоб не видел Ковпак, а то будет беда.
Крикнет: — Живо на воз! Экий ты непутевый!
Сколько суток не спишь —
И рукою — за кнут.
Два седых казака порою суровой
Юность светлую под руки вместе ведут.

Виктор КОЧЕВСКИЙ

ВОСЕМНАДЦАТОЙ АРМИИ

Из-за огненных верст
За туманами-далями,
Из-за скал черноморских,
Где вздымался пожар,
Поднимается в памяти
Легендарная армия,
И душа ее верная —
Боевой комиссар.
Поседели мы с ним —
Словно пена над волнами,
И виски нам обсыпала
Моря соль и зола;
Но днепровская радуга
С ведрами полными
Нам недаром дорогу
В грозу перешла.
Гром боев из глубин
Нашей памяти — всплесками,
И летят наши думы,
Словно птиц патрули,
На те сопки цементные
Возле бухты Цемесской,
На геройские брустверы
Малой земли.
Сколько нами испытано,
Сколько жизнью отмерено!
Ветер славных походов
Нам сердца пронизал.
И ведущий в шеренге
Коммунистов обстрелянных —
Воли, мира и счастья
Боевой комиссар.
Мы шагаем за ним
В пятилетках ударных,
Крепко-накрепко спаяны
Огневым рубежом.
Мы, бойцы-ветераны
Восемнадцатой армии,
Со своим комиссаром
Зорко мир стережем.

Борис ОЛЕЙНИК

ОСАННА ЛЬДУ

О ненавистный лед!
Ты — антипод огня,
Ты грозный знак конца всего живого.
Когда-то полземли сковал ты,
Как броня,
Как умиранья саркофаг свинцовый.
...От жажды в муках корчилась Нева.
Из города сосала кровь блокада.
Единственная
В сердце Ленинграда
Была артерия — дорога льда — жива.
Так славен будь навек,
Из рода в род,
Закаменей в неколебимой тверди,
Ты, ладожский,
Единый в свете, добрый лед,
Принесший жизнь
Сквозь пламя
Назло смерти!

Микола НАГНИБЕДА

БЕРЕЗЫ

Стройны, по-юному красивы,
Пройдя дорогами земли,
Когда-то из лесов России
В наш край березки забрели.
Иль Рось очаровала странниц,
Или влюбились на Десне,
Да только здесь они остались,
О чем-то шепчутся во сне...
Им хорошо у нас на диво
Стоять с далекой старины.
И, словно девушки, стыдливо
Все в стайки сходятся они —
В долинах, на юру высоком,
А то в чащобах вековых —
Как бы боясь, чтоб ненароком
Врасплох не захватили их.
Заметил я, однако, — ныне
Березки стали посмелей:
С Полесья, вдоль по Украине,
Дошли вплотную до степей.
И, небом Таврии согреты,
Под солнечным ее крылом,
Белеют в ясные рассветы
И отливают серебром.
Что ж вы замешкались, скажите,
Иль степь не в силах перейти?
Шагайте, милые, спешите,
Пусть вам счастливится в пути...

Петр ПЕРЕБЕЙНОС

МОЯ РЕЛИКВИЯ

Я примеряю
предка шелом —
изрубленный мечом,
остроконечный,—
и слышу:
звезды над моим челом
о сталь звенят,
летя в седую вечность.
Я примеряю
дедов шелом —
буденовку
с вершиною
суконной —
и вижу:
со звездою над челом
в атаку мчит
сквозь пламя
красный конник.
Я примеряю
шлем отца зеленый —
стальную каску
с огненной отметиной,—
и весь горю:
кровавая звезда
на стынущей груди отца
начертана.
Я примеряю
красный свой шелом —
округлый, как земля,
надежный, вечный...
Взмывает в небо
звездная ракета —
похожа
на шершавый шлем былой
и на буденовку
остроконечную.

Перевел с украинского
Евгений КРИЖЕВИЧ

Олесь ЛУПИЙ

ЕСЛИ ОСТАНОВЛЮ ЧЕЛОВЕКА

Если остановлю человека
И расскажу про рассветы,
А тот никогда не видел,
Как солнце над пашней встает,
Как отряхивает ветер
Капли-дождинки с веток
Бисером изумрудным,—
Он меня не поймет.
Если остановлю человека
И расскажу про беды,
Долгую боль обиды,
Горечь нелегких слез...
А человеку весело,
Он опьянен победой.
Он погрустит для вида —
Плакать бы не пришлось.
Если остановлю человека
И расскажу про счастье
Радостного безбрежья,
Что половодье весной...
Ждал человек совета,
Дружеского участья,
Был он грустней, чем прежде,—
Но улыбнулся с тобой.
Если остановлю человека,
Должен вглядеться в душу,
Радость понять и горе,
Тяжесть чужих забот...
Так до скончанья века —
Песнями слезы сушат,
В волнах людского моря
Песня всегда живет.

Перевел с украинского
Леонид ХАНБЕКОВ

Запорожская область. Надежда Катренко. «Вот наш украинский каравай» ● Писатели Украины (слева направо): Юрий Збанацкий, Михаил Стельмах, Виталий Коротич, Василий Козаченко, Павло Загребельный, Олесь Гончар, Микола Зарудный, Платон Воронько ● Танец «Запорожские казаки» исполняет ансамбль имени Павла Вирского ● Артистки ансамбля имени Павла Вирского ● Киевский академический театр имени Т. Г. Шевченко ● Крым. Ялтинский заповедник.

Джеймс ОЛДРИДЖ

Прощай,

РОМАН

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Глава 1

Летом 1955 года мы с женой и двумя детьми жили в местечке Сен Жан на мысе Ферра в старой, полуразвалившейся вилле, носившей название «Ле Эскапад» — «Убежище». Над нами на склоне горы находилась вилла Сомерсета Моэма «Мореск», вознесшаяся над ярко-голубым заливом Вилльфранш,— взору великого писателя открывалась истинная Ривьера, вплоть до находящейся на западе Антибы.

Нашим другим соседом был один из Ротшильдов, вилла которого являла собой некое подобие просторного мраморного музея изящных искусств XIX века. У подножия этой нашей общей горы пристроился сам Сен Жан, тогда еще совсем деревушка. С одной стороны залива находилась огромная «Вилла Синжей», а с другой — богатый старый отель «Бристоль».

Все это послужило великолепной декорацией для не совсем обычной драмы, разыгранной при нашем участии здесь, на наших верандах, в садах и на этих террасах в том самом году. Драма, впрочем, уже не совсем подходящее теперь слово. Это было скорее столкновение двух противоположностей. Иначе и нельзя назвать то, что произошло в результате тщательно подготовленной встречи между бывшим советником Рузвельта по китайским проблемам, жизнь которого была исковеркана и разбита в пух и прах приговором Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, и его бывшим другом, который фактически выдал и изобличил его перед комиссией и в конечном итоге изуродовал ему жизнь.

Сама идея свести опять этих двух людей лицом к лицу была настолько абсурдной и вместе с тем захватывающей, что мной овладело двойственное чувство: что-то в этом и отталкивало и одновременно притягивало. Ведь в 1955 году прошедшие события были еще слишком живы в памяти.

Человек, обвиненный в «антиамериканизме», все еще рассматривался как преступник. А представителям моего поколения можно не напоминать о тех диких временах и о том, что ожидало людей, имена которых оказались в досье Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, в особенности таких двух, как Филипп Ловелл (жертва) и Лестер Террада (его обвинитель). Это было не самое нашумевшее дело подобного рода. Его нельзя сравнить с процессом Хисса — Чеймберса. Но оно всегда рассматривалось как случай особый из-за их тесных, дружеских отношений в прошлом, сменившихся открытой взаимной ненавистью и в итоге завершившихся триумфом справедливости, прошедшей сквозь горнило трагедии.

Я был всего лишь консультантом по подготовке их встречи на мысе Ферра, а не инициатором. Человеком, который действительно все устроил, была Дора Делорме. Она также жила над нами, на покрытых соснами склонах, где находились владения Моэма и Ротшильда. Дора когда-то работала в Париже агентом крупнейшего универсального магазина в Сан-Франциско и позднее вышла замуж за одного из партнеров фирмы. Она унаследовала его состояние, что дало ей возможность в свои почти шестьдесят лет удовлетворять тягу к обществу видных политических деятелей, что могут себе позволить богатые американки.

В молодости Дора была красавицей — американская Венера, но по рождению она была француженкой, и в ее крови сохранилось инстинктивное влечение французского крестьянина к своей земле, из-за чего она вернулась во Францию доживать век в своем владении, не заботясь о деньгах. Она была полной, снисходительной, высокомерной, привлекательной, умной, вспыльчивой и немножко коварной. Она появилась у нас в тот жаркий июльский день 1955 года потому, что Пип Ловелл (жертва) гостил у нас. Верховный федеральный суд не приговорил Пипа к тюремному заключению. Однако сенатская комиссия высказалась за поддержку обвинения в антиамериканской подрывной деятельности, и таким образом он был подвергнут остракизму, внесен в черный список, лишен паспорта и фактически обречен на ссылку. Дела его были настолько плохи, что к 1952 году он тайком покинул Соединенные Штаты и перебрался во Францию. С тех пор он полулегально жил в Париже, как и десятки таких же американцев, занесенных в черные списки, чьи паспорта были аннулированы, а сами они лишены возможности зарабатывать себе на жизнь.

— Твой друг Ловелл здесь? — спросила Дора, подкатив к нашему дому в своем «пежо» и ожидая, когда мы подойдем к ней.

— Нет. Он в Ницце с Моникой,— ответил я.

— Хорошо. Тогда я выйду.

Она поднатужилась, извлекла свое тело из машины и по дорожке направилась к садовому креслу под зонтиком. Она плюхнулась в него, как слон в грязную лужу. Мы поняли: что-то очень серьезное заставило ее явиться к нам.

— Принеси мне, пожалуйста, стаканчик чего-нибудь, Айлин,— обратилась она с улыбкой к моей жене.

Она всегда пыталась пробить в ней стену ирландской подозрительности, но это ей никак не удавалось. Когда Айлин ушла на кухню, Дора сказала:

— Ты не можешь себе представить, с какой просьбой я к тебе приехала, Кит.

— Если это касается твоего очередного пикника,— сказал я,— то об этом и речи быть не может.

Дора рассмеялась. Она была большой любительницей этих «кошмарных» калифорнийских пикников преимущественно в труднодоступных местах, где ее фигура каким-то образом теряла свою слоноподобность.

— Это никакого отношения к пикнику не имеет,— заявила она.

— Значит, имеет отношение к Пипу Ловеллу,— сказал я,— а об этом тоже не может быть речи.

— Ну, хорошо...— продолжала она, намереваясь прощупать почву дальше.

— Оставь его в покое, Дора,— сказал я ей.— Он еще слишком уязвим, чтобы связываться с людьми, которых ты развлекаешь у себя там наверху.

— Каких это людей ты имеешь в виду?— спросила она с невинным видом.

— А вот таких, которые, возвратившись домой в Америку, с чувством затаенного страха и вместе с тем с удовольствием донесли бы потихоньку, что они видели пресловутого Филиппа Ловелла.

— В моем доме? — возмутилась она.— Ты подумай, какой бы был скандал! Меня внесли бы в черный список.

— Тебе плевать на любой скандал, ты прекрасно это знаешь.

И я был прав. Дора обладала особого рода смелостью и потому не боялась принимать в своем доме людей, подобных Пипу Ловеллу, над которым все еще витала тень прошедшего скандала. Большинство его друзей уже давно как бы растворились в гнетущей атмосфере страха, захлестнувшего Америку, хотя, впрочем, и не все от него отреклись. Но Дора нисколько не боялась пригласить его к себе в дом.

— Имеется очень важная причина...— произнесла она загадочно.

Причина для чего?

— О, я хочу, чтобы Ловелл пришел ко мне на обед.

Айлин подошла со стаканом гранатового сока, который Дора выпила залпом. Но этот настороженный ирландский взгляд Айлин заставил Дору еще немного потрепетать.

— Я никогда не встречала Ловелла,— сказала она.— Хотя Лестера Терраду знаю многие годы.

— Этого мерзавца! — не сдержался я.

— Не будь глупым,— ответила она.— С таким же успехом ты можешь назвать мерзавцами Банко, или Меркуцио, или любого из этих роковых шекспировских убийц.

У Доры было весьма своеобразное представление о целом ряде шекспировских героев, далеко отстоявшее от истины.

— Для Террады все это в такой же степени явилось трагедией, как и для Ловелла,— произнесла она.

— Это звучит довольно глупо,— возразил я.— Террада — осведомитель, который погубил Пипа, за что и был провозглашен героем. Какой-то из штатов установил даже в его честь «день Террады».

— Ну, все это неважно,— с досадой сказала Дора.— Дело в том, что Террада приедет на несколько дней из Парижа ко мне в гости, и он просил меня пригласить Ловелла, чтобы они могли снова встретиться. Ну, подожди,— остановила она меня, когда я хотел ее перебить.— Он действительно приезжает сюда ради встречи с Ловеллом. Он узнал, что Ловелл живет у тебя, и спросил, не могу ли я пригласить его сюда и затем устроить встречу.

— Ты с ума сошла! — сказала Айлин.

— Ты так думаешь, милочка? — произнесла Дора примирительно.

— С какой целью сводить их опять? — сказал я.

— Никакой цели нет,— ответила она.— Просто Террада спросил меня, могу ли я это устроить. И вот это-то я и пытаюсь сделать с вашей помощью. Вот и все.

— Нет! — сказал я твердо.

— Но почему?

— Потому, что это отвратительная затея, и она никому ничего хорошего не принесет.

— Откуда ты знаешь? Может быть, твой друг Ловелл сам захочет с ним встретиться?

— Сомневаюсь. Ловелл, пожалуй, может невзначай всадить в него пулю.

— Откуда ты знаешь, что он хочет, если ты не считаешь нужным спросить его?

Но тут вмешалась Айлин:

— Может быть, она права, Кит. Может быть, Пип был бы рад небольшому возмездию.

Но я еще колебался. Айлин могла думать категориями мести: она была бойцом, и подчас свирепым, и она на все смотрела с точки зрения противоборства сил, в то время как Пип был воплощением цивилизованности.

— Ловелл— взрослый человек,—настаивала Дора.— Дайте ему самому решить.

Я думал об этом и о самом Пипе, которого знал с 1941 года. Но Дора продолжала давить на меня, будто хотела расширить ту брешь, которую ей удалось пробить в моей обороне.

— Конечно, все будет сделано с соблюдением необходимой предосторожности. Террада сам не хочет, чтобы об этом кто-нибудь знал.

— Могу себе представить,—проворчал я.

Террада был теперь человек респектабельный, почитаемый и известный. И даже сам факт, что он мог сидеть за одним столом и разговаривать с «предателем», которого он сам изобличил, в те годы принес бы немало неприятностей. Если, конечно, за этим не скрывалась ловушка. Но это я отмел. Слишком уж все делалось открыто.

— Террада говорил, что вы хорошо были знакомы в сорок первом в Нью-Йорке,— сказала Дора, явно ожидая большей уступчивости.

— Я знал их обоих. Тогда они были очень близкими друзьями.

— Так предоставьте им возможность снова сойтись,— сказала Дора.

Теперь я уже склонен был согласиться.

— Хорошо. Я поставлю Пипа в известность, но не больше.

Дора встала. Дело сделано, нет нужды рассиживаться. Когда она взгромоздилась опять на сиденье своего «пежо», амортизаторы, провалившись, всхлипнули.

— Террада прибудет в воскресенье с женой и сыном.

— С женой и сыном? — пробормотал я ошеломленно.— Разве ты не знаешь, что жена Террады была когда-то женой Пипа? И что их сын — это на самом деле сын Пипа?

— Я знала о жене, но не о сыне,— сказала она, и внезапно безудержный приступ

не та Америка

смеха потряс ее толстую белую шею.— До чего же мы, смертные, глупы,— изрекла она и тут же рванула машину с места на полный газ, пока я не передумал.

Глядя ей вслед сквозь оседающую пыль, Айлин сказала:

— Мне кажется, будь я на месте Пипа, я отравила бы их обоих.

Я поцеловал свою воинственную жену. У меня были сомнения относительно всей затеи, и я решил еще раз как следует подумать, прежде чем говорить Пипу. Мне надо было подумать о самом Пипе, о Джуди, его бывшей жене, его сыне и о тех десяти годах жизни, в течение которых Пип носил на себе печать изгнанника и «предателя». И как бы я ни прикидывал, я был убежден, что едва ли было честно сводить Терраду с Пипом. Пип был все еще изгнанник и барахтался где-то на дне, в то время как вокруг Террады сиял ореол героя и он находился в зените успеха. С другой стороны, может ли эта встреча кончиться так уж плохо? Мне надо было хорошенько вспомнить все, касающееся этих двух людей, которых я узнал в те зимние месяцы 1941 года в Нью-Йорке. Я довольно бездарно проводил это время в журналах «Тайм» и «Лайф» вместе с Филиппом Ловеллом и Лестером Террадой — моими коллегами по работе, с которыми я тогда дружил.

Глава 2

Для журналов «Тайм» и «Лайф» я начал работать в 1941 году. Это произошло благодаря тому, что мне довелось побывать на фронтах и в Финляндии, и в Норвегии, и в Греции и участвовать в военных действиях в Западной африканской пустыне. Они предложили мне должность военного корреспондента при условии, что три-четыре месяца я буду стажироваться в редакции «Тайм» в Нью-Йорке. Работу я начал в отделе, занимающемся освещением хода мировой войны. Редакторами там были Чарльз Вертенбакер и Джон Хэрси. Мне выделили стол в углу комнаты, пол которой был застлан толстым ковром, а стены увешаны чучелами птиц.

Кабинет этот раньше принадлежал Джону Стюарту Мартину, бывшему однорукому редактору «Тайма», который к тому времени уже не работал, но его пернатые призраки продолжали занимать и после него свое место на этих серых стенах.

Кроме меня, в комнате было еще двое — Тедди Уайт и Сэм Солт, парень из Оклахомы, принадлежавший к той породе американских газетчиков, которых потом вспоминаешь всю жизнь с огромной симпатией и чувством сожаления, что не довелось их знать подольше и получше. По соседству с нами был кабинет Верта, а немного дальше по коридору, но с другой стороны, находилась справочная, где работали одни девушки. Затем шел кабинет Хэрси и, наконец, комната, где работали Пип Ловелл и Лестер Террада.

Этот уголок двадцать девятого этажа был славным местечком в ту зиму и весну, потому что там было много талантливых людей, собиралась хорошая компания и велись приятные беседы. Хэрси был молод и умен и, конечно, заслуживал для себя несравненно лучшего места. Таким же был Тедди Уайт. А уж о Вертенбакере и говорить нечего — это был принц, которому мы с радостью служили. Именно Верт позволял нам некоторые вольности, был к нам снисходителен и поощрял проявление наших талантов, сколь бы малыми они ни были. Возможно, даже сам Люс, правивший в «Тайме» и «Лайфе», высоко ценил Вертенбакера, и возможно, что этот уголок на двадцать девятом этаже был воистину высоким творением самого Люса.

Тедди тогда писал книгу о Чан Кай-ши (он только что вернулся из Китая). Я трудился над романом о войне в Греции, а Сэм, как всегда, оставался, к счастью, Сэмом. Он любил читать комиксы, похихикивал, щекотал свой большой нос и на завтрак употреблял хранимое в нижнем ящике стола виски «Бурбон» и пакет молока, принесенный рассыльным. Когда избыток нашего молодого энтузиазма, сдобренного долей честолюбия, становился обременительным для Сэма, он, потягиваясь, говорил:

— Ну, ребятки, надо что-то сделать, чтобы подкрепить ваш моральный дух.

И Сэм предлагал, вернее, заставлял нас совершать поездки на остров Стейтон, полюбоваться на статую Свободы «при наиболее благоприятных обстоятельствах». Для Сэма эти «обстоятельства» включали холодный, гнетущий, пасмурный день, когда мы, кутаясь в пальто, с мокрыми от дождя лицами всматривались в лежащие впереди туман и мглу и, столпившись в передней части пустого парома, тянули эликсир жизни из бутылки «Бурбона», предусмотрительно прихваченной Сэмом. Сэм прекрасно знал, что делал, и эти сентиментальные походы не имели никакого отношения к статуе Свободы, на которую он сам никогда не обращал внимания.

Конечно, мы не были закоренелыми пьяницами. Но Сэму казалось, что для меня будет полезно ознакомиться с некоторыми аспектами американской действительности в «наиболее благоприятных условиях». В конечном счете хищение нами рабочего времени, принадлежавшего «Тайму», переполнило чью-то чашу терпения, и кто-то, сидящий наверху, решил разбить нашу компанию. С мнением Верта не посчитались, и меня перевели в другое место. Вполне очевидно, что меня посчитали главным зачинщиком. Я был перелетной птицей, чужеземцем, зачарованным Нью-Йорком и влюбленным в него, и у меня не было никакого желания писать о войне, сидя на двадцать девятом этаже.

Итак, меня переселили дальше по коридору, в комнату, где работали Ловелл и Террада, где не было Сэма, чтобы не поощрять меня в моих собственных попытках «американизировать» себя.

По сути дела, в моем переселении было мало смысла, потому что Ловелл и Террада всегда бегали где-то по своим делам. Джон Хэрси частенько захаживал поболтать в наш старый уголок с Тедди, Сэмом и со мной, и сам Верт любил заглянуть и обменяться новостями. Здесь же, в этой комнате, Ловелл и Террада держались особняком. Что-то их бесконечно связывало. Естественно, речь шла не о каких-то материальных факторах, но о чем-то другом, что полностью поглощало их обоих и что сделало их неразлучными. Сэм сказал, когда меня перевели:

— Ты там в весьма интересном американском окружении, Кит. Так что будь осторожен.

Даже с первого взгляда было ясно, что Террада по характеру сильнее своего друга. Это был крупный, плотного сложения мужчина с крепкими ногами, пышной шапкой волос и широким лбом.

У него был живой ум, он был эрудирован, упрям, и в нем было что-то от библейского пророка — во всяком случае, так я воспринял его на слух. Он был из числа тех пророков, в которых чувствуется сила, а не из распираемых сомнениями. Он говорил всегда так, будто подчеркивал, что именно к этим его пророчествам следует прислушиваться. Но по каким-то необъяснимым причинам я всегда воспринимал его как человека лишь одного своего поколения, как будто ничего нет перед ним впереди и ничего не останется после него. Его отец был стеклодув из Богемии, а мать — истощенная полька из Тильзита, и он придумал себе имя на основе какого-то другого, первоначально считавшегося чешским. Но, казалось, он с таким усердием вдыхал сам воздух Америки, как если бы вся остальная часть нации дышала с ним в унисон.

Пип, напротив, производил впечатление легковесного и рафинированного аристократа из Новой Англии. Он был всегда бодрым и веселым, несколько, пожалуй, даже излишне, будто стыдился чего-то или скрывал какую-то свою ущербность. Но вместе с тем чувствовалось, что он и его аристократическое имя как бы потускнели от бурного вторжения процесса «американизации» в жизнь страны.

— Ты прав, ты прав, ты прав,— говорил он Терраде, когда заходил спор по вопросам, касающимся ранней истории США. Когда речь заходила об Америке, Пип отпасовывал эти вопросы к Терраде с таким видом, будто иначе и быть не может. Будто он лично не претендует уже на свое право говорить от имени Америки. Лишь спустя некоторое время я понял, что в действительности имел в виду Пип, и оценил то, что он пытался сделать. Но как только я дошел до этого, мое уважение к нему значительно возросло и моя любовь к той Америке, которую он сам олицетворял, получила прочную опору.

В сущности, что мне удалось для себя открыть — и достаточно быстро,— это то, что Пип относился к совершенно другой категории людей, нежели Террада. Эти двое, в сущности, больше спорили между собой, а не обсуждали, не разговаривали. Они скорее были людьми, находящимися не на одной стороне, а на противоположных позициях. Они были привязаны друг к другу, но их что-то разделяло.

Но что?

Я по наивности думал сначала, что это была одна из старших референток, Джуди Джемисон, которая иногда появлялась в нашем коридоре и, прислонившись к двери, останавливалась поболтать с нами. В действительности она обращалась к двум другим, а не ко мне. А точнее, только к одному из них. Но к кому? Джуди Джемисон была не то чтобы хорошенькая девушка, и она имела обыкновение как-то странно, отрывисто смеяться. Но она была достаточно хорошо воспитана, хорошо одета, опрятна, подтянута, с изящной прической темных волос, легкой улыбкой самоуверенных губ, красивыми зубами и кожей. Джуди выглядела, как балтиморская красотка, которая скорее сама создала свой образ, а не была рождена с ним. Это было время жемчужных ожерелий, свитеров из ангорской шерсти и юбок разумной длины, и это все шло Джуди наилучшим образом.

Иногда она играла карандашом меж зубов, слегка приоткрыв рот, это как-то завораживало. Она знала, что в своем наступлении на всех нас ей не следовало полагаться лишь на свою фигуру и чисто физические достоинства. У нее был целый арсенал различных средств и приемов, и она достигала желаемого эффекта.

Однажды Джуди пристроилась в дверном проеме и произнесла:

— Вы придете ко мне на обед в четверг?

Я взглянул на нее, но не ответил. Она не имела меня в виду. Другие двое также не отвечали.

— Я имею в виду тебя, Кит,— сказала она решительно.

— Меня?

— Ради бога, не повторяй вопросы,— сказала она.— Конечно, я говорю о тебе.

Я был польщен и тут же сказал, что приду.

— В восемь часов,— сказала она и дала мне маленькую карточку с адресом ее квартиры в Гринвич-Виллидж.

Вот и все. Я не смотрел на двух других, зная, что на самом деле Джуди хотела пригласить одного из них, а не меня. И я смеялся, гадая про себя, каким образом она намерена использовать меня в качестве орудия для того, чтобы заполучить своего избранника, ибо это была, как я полагаю, единственная причина, почему она меня пригласила.

— Великолепно, Кит,— сказал Пип, обращаясь ко мне со смешинкой в глазах.

— Этот проклятый англичанин приходит сюда и уводит нашу девушку прямо из-под нашего носа,— громко произнес Террада, пытаясь копировать мое английское произношение.

Джуди в своей опрятной квартирке с цветной служанкой (она имела свои средства, и это происходило в 1941 году) была совсем непохожа на ту Джуди, которую мы привыкли видеть в наших коридорах. Она чувствовала себя слегка неловко и держалась с некоторой долей высокомерия. И тут я поразился, как она походила на Пипа. Она даже внешне была похожа на него.

Она так же смущенно посмеивалась, у нее были такие же насмешливые глаза.

Она выглядела более интеллигентной, чем Пип, но надень на нее мужской серый фланелевый костюм — и она вполне сошла бы за брата Пипа, только более опрятного. На первый взгляд они были как бы созданы друг для друга, если не считать, что Джуди была сделана из железа, в то время как Пип напоминал больше бронзу.

— Для чего ты пригласила меня на ужин? — спросил я, когда нам подали устрицы.

— Потому, что эта парочка порой действует мне на нервы,— произнесла она с видом маленькой собачки, рычащей над костью.— О чем это они говорят все время?

Я раньше как-то не задавал себе этого вопроса, но когда я подумал, меня вдруг осенило.

— Об Америке,— ответил я.

Она недоуменно посмотрела на меня, но потом рассмеялась.

— А ведь ты прав.

— По сути дела, это только что дошло до меня самого,— сказал я.

— Значит, у них любовные делишки со всей нацией,— произнесла она с сарказмом.— Не удивительно, что они больше никого не замечают.

Собственно, этим и закончился наш уютный, изящный (с салфетками) ужин. Но всю дорогу от нее к старому отелю «Мюррей Хилл», где я тогда жил, я гадал, кого из двух Джуди в действительности возжелала. Я был уверен, что им был Пип, и совсем не был уверен, что Пипу она нужна. В этих маленьких комнатках на двадцать девятом этаже велось много разговоров на сексуальные темы и в особенности о наших девицах из справочного отдела, но ни один из них к теме брака не имел отношения. После того ужина с Джуди я начал наблюдать за Пипом и Террадой более внимательно, и стало ясно, что эти беседы, которые вела Джуди, остановившись в дверях, представляли для обоих чрезвычайно большой интерес, ибо они никогда не упоминали ее, когда речь заходила о телесных и иных достоинствах других девиц. Через неделю на ужин был приглашен Террада, а несколькими днями позже — Пип. Таким образом, я олицетворял формальный повод для встреч и послужил своеобразной и респектабельной ступенькой для честолюбивых девичьих планов Джуди. Но весь этот странный ритуал меня смешил. Джуди была девушка, соблюдающая условности и с твердыми правилами, и, мне кажется, это как раз и привлекало к ней обоих мужчин.

Но у меня было подозрение, что не она являлась причиной их разногласий. Какое-то время я, правда, думал так потому, что я тогда мало знал саму Америку. До меня сразу не дошли своеобразные нюансы расхождений между Пипом и Террадой потому, что я недостаточно был знаком с американской социальной философией, американской историей, американской идеологией. Только после того, как я стал свидетелем особенно длительных споров между ними по поводу книги Паррингтона «Основные течения американской мысли», я стал нащупывать истинную причину их разногласий. Но мне еще пришлось много расспрашивать Пипа, прежде чем я в конце концов нашел ключ к их отношениям, как, впрочем, и к самому Пипу.

Несмотря на свое строгое воспитание в пуританском духе и либеральных традициях, присущих колониальной демократии XVIII века (он был потомком Джеймса Ловелла), Пип не питал никакой привязанности к своему наследию. Исторической подкладкой к идеологии американского интеллектуала начала сороковых годов служили демократические порядки, которые существовали в приграничных районах во времена Джексона и Джефферсона. Но Пип, который имел больше прав, чем другие сограждане, не считал это своим традиционным личным наследием, полностью все это отвергал. Я не имею в виду, что он избрал марксизм или какую-либо другую всеобъемлющую идеологию. Он знал мало или практически ничего не знал о марксизме и даже не интересовался этим. Пип думал чисто по-американски, и он очень просто изложил мне свои взгляды, когда однажды мы сидели за обедом (Террады не было, он уехал в Вашингтон) в ресторане в Рокфеллеровском центре, откуда был виден каток с мчащимися по нему во всех направлениях конькобежцами.

— Америка,— сказал он,— постоянно пытается воссоздать свой образ времен освоения Запада и других необжитых районов, населенных отважными, самостоятельными и честными первопроходцами-фермерами, когда широкие просторы и девственная природа вселяли в людей чувство стремления к истинной свободе. Но сейчас все это звучит глупо, потому что Америка — это в действительности нация, состоящая из урбанизированных крестьян-иммигрантов из Европы, и наша практическая философия должна из этого и исходить.

Я с ним не согласился. Ведь не все иммигранты в стране были выходцами из европейского крестьянства.

— После тысяча восемьсот семидесятого года,— сказал он,— вся иммиграция,— а это составляет теперь основную массу нашего населения — непосредственно шла из крестьянской среды в Европе. Современная Америка была создана и заселена безземельными крестьянами и европейской городской беднотой.

— Ну, и что дальше?

— Понимаешь, Кит, они пришли сюда со своим крестьянским образом мышления. По каким вещам они изголодались? Они хотели, например, материальных приобретений, и это определяет саму их сущность. Так же как и их неотесанность. Как и их грубая естественность, проявляющаяся во всем. Так же, как их смекалка, их здоровье, как вспыльчивость и стойкость. То же самое относится к их вспышкам насилия, их суевериям, их чувствительности, как и к тому, что они представляют собой прочный материал, и к их религиозному консерватизму и почти зверской решимости в защите своих собственных интересов. И именно с этого начинается современная Америка. Это и есть то настоящее сырье, с которым мы имеем дело. И это отнюдь не прямодушные поселенцы с кремневыми ружьями, фермами, где они получали все, что нужно, и бесконечными горизонтами, открывающимися с соседних гор. Подобного рода чепуха в наши дни — это опасный обман, миф, и его нельзя преподносить в таком виде крестьянину. Большой вред был бы и для него и для самого образа тех, других, ранних поселенцев.

На мой упрек, что он слишком суров, что подлинная Конституция времен первых переселенцев и Билль о правах не потеряли своего значения, он ответил, раздраженно пожав плечами:

— Конечно, они важны, я их не вычеркиваю. Но в лучшем случае они являются юридически охранным свидетельством. Сам Джефферсон говорил: «Ни одно общество не может создать ни вечную конституцию, ни даже вечный закон». Конституция была лишь наброском в общих чертах для предоставляемых нам в то время гарантий. Так же как и поправки к ней. Так это и предполагалось. В остальном разработку социальной философии Соединенных Штатов следует начать заново с учетом мировоззрения наших сельских и городских иммигрантов. Начинайте с этого и стройте ее на этом.

— Но, безусловно, старая философия — это лучшее, что у вас есть.

Мы опрокинули еще по одной порции мартини, и Пип вновь произнес:

— Как ты можешь так говорить? Что может быть общего, например, у швабского крестьянина, ставшего рабочим у пудлинговой печи в Питтсбурге, со всеми традициями времен Джефферсона и Джексона? Ничего. Какое право имеет украинский мужик, или польский еврей, или ирландский фермер, или шотландский издольщик считать, что Натаниел Хоторн является его духовным и культурным прародителем? Абсолютно никакого. Это смешно. Здесь нет совершенно никакой связи.

— Не думаешь ли ты, что у тебя во всем этом проглядывает что-то от патрициев? — сказал я.— Не отрицаешь ли ты за иммигрантами права на то наследие, с которым тебе повезло родиться?

— Нет, нет, нет,— сердито воскликнул он, в то время как проезжавшая мимо девушка забрызгала мокрым льдом из-под коньков наше окно.— Лично мне не нужны эти чертовы права первородства или какие-то традиции. Я от всего этого отказался. Фактически я пытаюсь объяснить первому поколению наших урбанизированных крестьян, что это их страна, что наша истинная философия должна определяться ими и тем, что они принесли с собой, а не тем, что осталось от меня. Их дурачат.

Я не мог отделаться от завладевшего мной чувства сарказма и сказал:

— Ты имеешь в виду, что они должны начинать все, руководствуясь своей жаждой к стяжательству, своим убожеством и плебейской грубостью?

— Знаешь, Кит, кончай,— ответил он.— Я не имею в виду, что они должны этим руководствоваться. Наоборот, они должны избавиться от всего этого. Я просто хочу, чтобы они поняли, как обстоят дела. Что они принесли с собой. А тогда они могут все изменить, если захотят, и что бы они ни сделали — все к лучшему. Вот и все.

— Таким образом, ты хочешь полностью избавиться от традиций?

— Более или менее.

— Ты хочешь, чтобы ваши урбанизированные крестьяне переделали себя на другой лад?

— Да.

— На какой же?

— О боже, я не знаю этого, Кит. Никто не знает. Отсюда мы и должны начинать. Но это может быть сделано только на американский манер, потому что нет никаких других критериев для оценки нашей ситуации.

— Ты знаешь, ведь ты же отрекаешься от ценнейших вещей.

— Конечно же,— покорно сказал он.— Но ведь я отступаюсь от того, что уже потеряно и ушло навсегда. Я хочу, чтобы эта нация разделалась со своими отмирающими мифами и перестроилась бы, исходя из наличия этого замечательного материала, который бурлит от избытка грубой энергии и почти животных страстей. Я не совсем подхожу для этого персонально, но я буду жить с радостью, когда дело будет сделано, и считать себя частью всего, и находиться там, где все. Вот и все, Кит. Ничего особенного, ведь правда?

Ничего особенного.

Я знал, что все далеко не так просто. Особенность заключалась в том, что это переворачивало представление американцев о самих себе. Я тогда понял, о чем в действительности шли все эти споры с Террадой и что их на самом деле разделяло. Они были буквально на противоположных полюсах. Пип, аристократ «со стажем» еще до 1840 года, земельный собственник — фригольдер, был готов связать свою судьбу с разношерстной массой у подножия статуи Свободы, в то время как иммигрант Террада взял на себя роль страстного пророка, проповедника ценностей земельной аристократии 1776 года и великих американских традиций. Так что почти все, что они говорили друг другу об американской этике, или морали, или культуре, определялось совершенно различным подходом к самой Америке.

Безнадежная ситуация, может быть, даже опасная в этой все время изобретающей себя стране, где подобные споры являлись корневой системой такого экстраординарного явления, которое они называли «американизмом». Не удивительно, что Джуди ревновала к Америке, не удивительно, что у нее были трудности, мешавшие решить, кого же она хотела; ибо она столь же глубоко запуталась в вопросе, что считать американским, как и они сами.

Перевод с английского Т. ОРЛОВОЙ.

Продолжение следует.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. П. БАЖОВА

УРАЛЬС

Евгений ПЕРМЯК

Фото Дм. Бальтерманца

Всемирно известная и стократно переведенная на многие языки книга уральских сказов «Малахитовая шкатулка» — блистательный венец всей жизни кровного сына рабочего класса Павла Петровича Бажова.

Жизнь Бажова станет когда-то кем-то написанной не умилительной акварельной повестью, а волнующим документальным романом, главы которого вместят семьдесят лет, прожитые Бажовым, его счастливую и горестную, драматическую судьбу с феерическим апофеозом всеобщего признания.

Время и биографы значительно сейчас сгладили, даже, пожалуй, украсительно отретушировали пройденное Бажовым. Право же, розовая и голубая краски не самые предпочтительные цвета для палитры биографии Бажова от ее истоков до поворотного дня его шестидесятилетия, когда книга «Малахитовая шкатулка» благодатным зеленым цветом, цветом весны, цветом уральского леса, живительно улыбнулась всему читающему миру. Однако же...

Однако же до этой улыбки были и слезы, были и жестокие испытания нуждой, гнетом российского самодержавия, братоубийственными ужасами гражданской войны, кривотолками тех, кто мнил себя единственно непогрешимым вершителем литературных судеб, и тех, кто толковал сказы Бажова как сомнительную реставрацию безвозвратно минувшего.

Пусть в «именины», да еще столетние, не принято заниматься ворошением того, что, казалось бы, желательнее оставить в безмолвии Леты. И все же...

И все же, как мы знаем, без корней и прямостойкого ствола не бывает величественной кроны и драгоценных плодов.

Корни Бажова глубоко уходят в неперечислимо богатые подземными дарами, какие только есть на планете, уральские недра.

Мальчик Паша Бажов принадлежал к той части уральского населения, трудовым рукам которого обязано все, чем славен этот двухтысячекилометровый шов Европы и Азии, слитых по воле далеких катаклизмов в единый евроазиатский материк.

Коротким и выразительным словом, как и Русь, назвался Урал, ставший монолитным краем при всей его былой и нынешней административной делимости.

Счастливым сыном этого сказочно-волшебного края почувствовал себя Паша Бажов с первой услышанной им бабушкиной сказки.

Совсем неволшебной была жизнь волшебников, творящих чудеса, в том числе рабочего-пудлинговщика Петра Бажова, видимо, не очень. случайно получившего вторую, уличную фамилию — Колдунков. Между тем при всей комплиментарности такого прозвища Петр Васильевич и Августа Степановна Бажовы-Колдунковы жили, «протягивая ножки по скудности одежки», которая, впрочем, была характерна и для всех рабочих Урала, получавших вдвое и втрое меньшую заработную плату, нежели такие же не щедро оплачиваемые рабочие других губерний Российской империи конца прошлого века.

Паша рос в родительской холе и в их же, как я уже заметил, материальной недостаточности.

Не от больших прибытков они единственного «богоданного» Пашеньку, со сверхотличием

П. П. Бажов с В. А. Бажевой и матерью А. С. Бажовой. 1911 год.

П. П. Бажов (в центре) в редакции «Крестьянской газеты». 1924 год.

П. П. Бажов. 1899 год.

КИЙ КУДЕСНИК

закончившего земскую школу, были вынуждены отдать в почти даровое екатеринбургское духовное училище.

По этой же причине малообеспеченности четырнадцатилетнему подростку Паше Бажову пришлось научно утверждаться в своем атеизме, порожденном духовным училищем, в пермской духовной семинарии.

Кому как, а для Бажова она была истинной, пусть негативной, но находкой в смысле прогляда в литературное будущее.

В самом деле, грешно хулить учебное заведение, которое, не ведая того, в данном конкретном случае ввело рабочего паренька в познание корневых истоков романской ветви индоевропейской семьи языков, что сказалось на словесном шарме фразеологии «Малахитовой шкатулки».

Мифы, говоря без излишнего низкопоклонства, античный фольклор древних греков и латинян, также не были «седьмой водой на киселе» в сказовой эстетике высоко эрудированного ритора и словолюба Бажова.

Конечно, не запрещено литературоведам и филологам значительно меньшей образованности, чем Бажов, пытаться ограничивать его лишь местным, уральским фольклором. Однако же напомним: Бажов-эрудит, Бажов-словесник запросто «общался» с олимпийскими богами, разговаривая с ними на родном им языке.

Заглядывал он и в подземное царство бога Аида. Может быть, именно там и попробовать литературоведам поискать древние подсказки к таким персонажам, недовольным своими прекрасными творениями, каким был Данила-мастер из сказа «Каменный цветок», каким был его преемник из сказа «Живинка в деле» — углежог Тимоха, речь которого о поисках лучшего, наиболее производительного труда, не знающего предела совершенствованию, не прозвучала бы диссонансом и ныне.

Бажов, пока, как и корень жизни — женьшень, познан только лишь в некоторых его животворных подспудных свойствах.

Учась в Перми у древности, юноша Бажов не упустил и отечественное литературное богатство, начиная с Александра Сергеевича Пушкина до Антона Павловича Чехова и Толстого.

Не где-то, а в Перми состоялись и тайные встречи с трудами Энгельса, Маркса.

Что же касается Канта, Конта, Милля, Бокля... вплоть до философии Гегеля, то с ними Бажова знакомила та же семинария, с тем чтобы противостоять им будущему пастырю. И Бажов противостоял, только в другом аспекте. В марксистском.

Противостоял не только идейно-теоретически, но и практически, участвуя в закамских рабочих маевках прошлого века, распространяя там нелегальные листовки.

Короче говоря, предпартийная биография Павла Петровича, начавшись в Перми, продолжилась в деревне Шайдуриха, тоже бывшей Пермской губернии.

Именно в Шайдурихе, где Бажов впервые вступил в открытые разногласия с власть предержащими на почве преподавания закона божия.

А затем путь его пройдет через первое революционное тюремное крещение в годы первой русской революции и счастливое знакомство с Яковом Михайловичем Свердловым.

Автор еще не начатого романа о Бажове не преминет написать серию глав о городе Камышлове, где большевики — рабочие железнодорожного депо умело провели импозантного каштановобородого учителя Бажова в члены Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в разнопартийное и разбродное буржуазно-демократическое лето 1917 года.

А затем романист развернет батальные сцены под Пермью — с превосходящими белогвардейскими силами, которые в том 1918 году, одурманенные сивухой и сиюминутным успехом колчаковской монархической своры, окружили полк 29-й красногвардейской уральской дивизии и полонили партийного руководителя ее штаба коммуниста Бажова.

Живо представляю, как счастливо заскользит вдохновенное перо биографа, когда оно будет описывать хитроумно организованный побег Павла Петровича из колчаковской тюрьмы...

Каким героизмом будут дышать главы, в которых некий учитель Кирибаев пробирается через кровавые колчаковские тылы в далекую томскую тайгу, и как взволнованно-счастлив будет читающий роман, когда в таежной деревне Бергуль в организаторе партизанского соединения опознает главного героя романа.

А каким неожиданным будет превращение Кирибаева-Бажова в маленького, щупленького страхового агентика с искусно трансформированной фамилией — был, по старой транскрипции, Бажев, стал БаХЕев. В ней всего лишь одна буква «Ж», переделанная в «ХЕ», дает новое, неузнаваемое фамилеобразование.

Страховой агент Бахеев, появившись в пьяный разгул карателей в Усть-Каменогорске, окажется удачливым чекистом-разведчиком, побывавшим даже в покоях его преосвященства архиепископа, так легко выболтавшего дислокацию и численность редеющих белогвардейских частей.

Где-то здесь может закончиться вторая часть романа и со следующей страницы начаться новая — описанием возвращения жестоко больного Бахеева-Бажова на родной Урал, в Екатеринбург, еще не переименованный в Свердловск. Здесь Бажов не стал после недугов засиживаться дома, а начал работать.

То ли не знали в Екатеринбурге, какими геройскими подвигами славен Бажов, через какие испытания победоносно прошел он... То ли по каким-то иным причинам дали работу — создателю и редактору нескольких газет — без учета его большого организаторского и пропагандистского опыта. Поручили ведать письмами в новорожденной «Крестьянской газете». А Бажов...

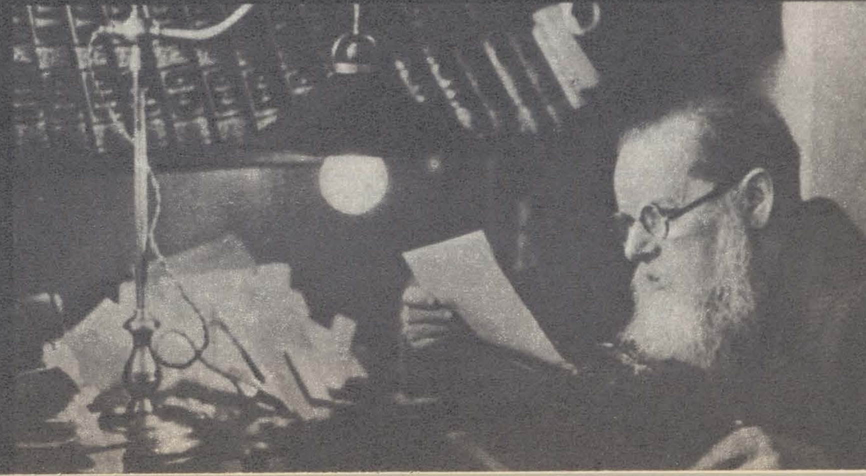
Бажов и Серафкмович. 1941 год.
Фото И. Тюфякова

С маршалом Жуковым. 1950 год.
Фото И. Тюфякова

С бойцами партизанского отряда «Красные орлы». 1918 год.

Так рождались сказы. 1946 год. Фото И. Тюфякова

А Бажов, еще не остывший от большемасштабных дел, не заикнулся даже, кем он был и что делал.

— Коли надо, так надо...

И вскоре показал себя на незаметной должности заметным деятелем, организатором деревенской бедноты, защитником середняка от пагубного влияния поднявшего голову кулачества. Бажовские статьи исчислялись сотнями.

Драгоценный камень в любой оправе светел!

Но уже тогда, и только ли тогда, проступило то главное, что вошло в золотой фонд литературы,— сказы. Они проступили в публицистической первой книге Павла Петровича «Уральские были». Следом одна за другой выходят книги: «За советскую правду», «К расчету!», «Пять ступеней коллективизации». Активно работая в газетно-журнальной публицистике, Бажов в часы отдохновения, которые чаще приходились на ночь, трудится над сказами. С их публикацией дело шло не так хорошо, как хотелось бы и как иногда преподносилось любящими Павла Петровича биографами, смягчающими литературную обстановку тех лет. Обстановку исканий и отклонений: от воинствующих «ничевоков» до левацких «пролеткультовцев».

Раздавались голоса: а не реставрирует ли Бажов в архаической стилистике профольклорную старину, которую предпочтительнее забыть?

Сочувствующие Павлу Петровичу и полюбившие его сказы нашли компромиссную методу публикации сказов инициально: «Записал П. Б.».

Так и подписывал вынужденно свои сказы Павел Бажов: «Записал П. Б.». Потом, несколько осмелев, стал подписывать оригинальные сказы якобы как фольклорные, девичьей фамилией своей матери — Осинцев, а то и фамилией дедушки Слышко с Думной горы — Хмелинин, а иногда семейной прозвищной фамилией «Егорша Колдунков», а потом и открыто: П. Бажов.

Как говорят завзятые полемисты, Платон мой друг, но истина дороже. Истина в данном случае состояла в том, что не была понята в полной мере глубинная оригинальность сказов, стилизуемых под фольклор в лексическом регистре говора Среднего Урала. Даже такой опытный литератор, как Демьян Бедный, приняв бажовские сказы за доподлинные фольклорные записи, переложил их на стихи, превратив в поэтические аналоги, под теми же сказовыми названиями, что принесло немало неприятного их доподлинному автору Бажову и самому Демьяну Бедному, оказавшемуся виноватым без вины и ставшему жертвой отчасти сговорчивости того же Бажова, согласившегося подписывать свои творения: «Записал П. Б.».

Возвращаясь в хронологическое русло заметок, будет справедливым сказать, что Бажов не оказался пророком в любимом им Свердловске. Но в биографии всякого доподлинного таланта бывают случайные и всегда закономерные «происшествия» событийного порядка. Таким, говоря в кавычках, «происшествием» было появление в книжном свердловском издательстве директора-выдвиженца Федора Григорьевича Копытова. Он, еще не искушенным вкусовой предубежденностью глазом прочитав все четырнадцать сказов, предложил Павлу Петровичу собрать их книжкой, придумать попривлекательнее, а следовательно, книжно-покупательнее заглавие и...

И вскоре в канун шестидесятилетия Бажова вышел четырнадцатисказовый сборник скромным тиражом в двадцать тысяч — «Малахитовая шкатулка»... Тут...

Тут мне, пишущему это «либретто» для романиста будущих лет, кажется уместным порекомендовать закончить предпоследнюю часть и перейти к шумному «извержению вулкана»...

Ровно через три месяца после шестидесятилетия Бажова он был с почетом принят в Союз писателей СССР. И вскоре «Малахитовая шкатулка» была отправлена в Нью-Йорк на международную выставку. А Бажов был избран главой свердловской писательской организации.

Теперь уже никто не сомневался, что «пророки» могут быть и в родном городе.

Спектакль «Малахитовая шкатулка» в театре. Массовое переиздание «Шкатулки». За ним другое, третье и... десятое! Отзвук первым переводом за рубежом на Британских островах. Государственная премия. Рецензии в центральной печати. Там же публикация новых сказов. Задумываемая экранизация. Спустя некоторое время — высокое награждение орденом Ленина. Избрание депутатом Верховного Совета СССР.

О книге «Малахитовая шкатулка», вышедшей и выходящей миллионными тиражами, разобранной литературоведами по всем статьям и несчетно отрецензированной, едва ли следует рассказывать, повторяя общеизвестные, многоголосые, разноязыкие единодушные признания.

«Малахитовая шкатулка» прочно стала на полки фундаментальных государственных, общественных и личных библиотек в большинстве стран мира. Ее выходу в свет исполняется в этом году 27 января ровно день в день 40 лет. В этот же субботний день 27 января 1979 года календари, печать, радио, телевидение и много-много миллионов благодарных читателей Павла Петровича Бажова торжественно отметят 100-летие со дня его рождения...

Как быстро течет время, и как стремительно живущий с нами и среди нас мастер, мудрец, сказочник становится все крупнее, значимее, весомее и бессмертнее...

Слава Уралу! Слава Перми, деревне Шайдурихе, городу Камышлову, селу Бергуль, слава Усть-Каменогорску и Екатеринбургу-Свердловску, выпестовавшим и закалившим в горестях и радостях отважного борца за социализм, партийного, государственного и общественного деятеля, классика рабочего сказа, дорогого и незабвенного Павла-свет-Петровича Бажова!

В ДОМЕ БАЖОВА

В Свердловске, в полукружье новостроек, на углу улиц Большакова и Чапаева, стоит на высоком фундаменте деревянный, потемневший от времени, огороженный глухим — по-уральски — забором дом-музей Павла Петровича Бажова. Откроешь дверь и сразу попадешь в сухое тепло бревенчатого жилья. Так же было, наверное, и тогда, при Павле Петровиче, когда обогревали жилище жарко потрескивавшие дровами печи.

Дом начал строить П. Бажов в 1911 году — он в тот год как раз женился. На свое учительское жалованье стройку не осилить, пришлось взять кредит. Купил новый сосновый сруб, сам распланировал на четыре светлые квадратные комнаты, да еще прихожую посредине выкроил. И кухню чуть сбоку приладил. Получилось уютно. Правда, сначала недолго здесь прожили — до 1914 года (прокормиться в Екатеринбурге было трудновато). Перевез Павел Петрович своих в Камышлов, к родственникам жены, а самого закрутило-завертело в вихре революций, гражданской войны. Вернулся сюда с семьей только в 1923 году, тут до конца дней своих — до 1950 года — прожил. Вдова писателя и верный его друг Валентина Александровна сохранила все так, как было. Ничего с места не стронула. А в 1969 году здесь был открыт музей.

В доме просто, незамысловато, добротно. Старинный сундук в столовой еще Августа Степановна, мать Павла Петровича, из дома в Сысерти, где родился писатель, привезла — на нем запозднившегося гостя ночевать оставляли. Оттуда же две конторки (им более ста лет) — высокая, что в прихожей, и низкая, под черной клеенкой, в кабинете, за ней и написана «Малахитовая шкатулка». Вот этой ручкой. Сам Бажов и мастерил ее — из двух кусочков камышового стебля, перетянув в двух местах черной ниткой.

Часть мебели вывезли из Камышлова, а кое-что в подарок было получено, как тот большой парадный письменный стол к юбилею в 1949 году от уральских рабочих. Но за ним недолго пришлось поработать. Клал под локоть подушку-думку, кем-то из домашних крестом вышитую. Часто пользовался увеличительным стеклом — к старости плохо видеть стал. Вон как ручка его стерлась! Очков целый набор был. Любил старую настольную лампу под зеленым абажуром. Смотрю и думаю: не очень-то внешняя сторона быта занимала обитателей дома, лишь бы было удобно...

Немало народа видел этот дом. Здесь всегда было многолюдно и шумно. И учащиеся приходили, и писатели, и художники, и рабочие. Пришел — стало быть, очень нужно. Чем бы ни был занят хозяин, выходил к гостю. И тогда, когда учителем был, и когда редактором стал, и когда в Свердловском отделении Союза писателей работал, и когда депутатом Верховного Совета СССР выбрали. Так что писать книги приходилось ночью. В одном из писем признавался: «Знаете ведь, у меня ночной режим работы. Сижу подолгу, просыпаюсь поздно. Сегодня мне не дали доспать. Пришел какой-то дядя огромного роста, держится очень тихо, даже как будто с опаской: потревожил, дескать. Оказалось, грузчик одного завода, гвардеец, три ранения, орден, медали. История такова. Сам он из Курска. Семья эвакуировалась «куда-то». Он воевал до последнего дня. Ранен третий раз в Берлине накануне капитуляции. Выздоровел. Поехал на Урал искать семью. Нашел в Ревде двоюродного брата. Остановился у него. Все-таки свой человек. Чтобы без дела не сидеть, поступил грузчиком, а через неделю узнал, что его семья в Новосибирске. Уже три месяца бьется, чтоб семью перевезти, а толку никакого.

Вот и скажите, можно ли такому человеку сказать: приходите в следующий четверг?»

Любили в доме гостей. Только гость на порог, а уже в столовой на столе кипит самовар, стоят пельмени, пирожки разные, грибы, капуста, картошка... Овощи со своего огорода — он тут же, под окнами, как и старый-престарый сарай. А еще сад сохранился — всей семьей сажали: липа, сирень, черемуха, ирга, березы, уральская рябинушка с любимой писателем скамейкой под ней, даже яблони. В этом саду летом 1936 года Павел Петрович прочитал вслух семье написанный втайне от домашних сказ «Медной горы хозяйка», в числе прочих положивший начало «Малахитовой шкатулке» (рукописи сказов хранятся в Свердловском литературном музее: простые ученические тетради, исписанные аккуратным учительским почерком). По свидетельству дочери писателя А. П. Бажовой-Гайдар, даже когда пришла известность, «ни в его привычках, ни в укладе нашего дома ничего не изменилось. Это был все тот же дом учителя начала двадцатого века, в котором жили люди скромного достатка и скромных потребностей».

Скромный в потребностях, но безудержный в труде — таков писатель Бажов. Многие знают про его картотеку, эту «писательскую кладовую», в которую каждодневно заносилось все услышанное и заинтересовавшее его — слова, фразы, с «полной выкладкой» — подробным объяснением. Для себя, впрок, для большей точности и отточенности слова. Кропотливая работа над словом сама собой разумелась: «Сказы ложатся на бумагу, конечно, по-разному. Иногда почти сразу, но чаще с многократным переписыванием. Главная трудность найти подходящее слово». И искал, и находил, и подарил людям добрую и мудрую книгу «Малахитовая шкатулка». Как справедливо заметил он в сказе «Чугунная бабушка»: «Работа — она штука долговекая. Человек умрет, а дело его останется».

...Мне же все кажется, что он и не покидал этого дома. Висит его пальто на вешалке, лежит шапка меховая, стоят белые валенки с галошами, притулилась палка, с которой он, по стародавней привычке, на работу все тринадцать кварталов пешком до центра проходил. И кажется, что он, в сапогах, голубой домашней рубашке, где-то в сарае работает...

Дом-музей недавно отреставрировали. Стараниями директора Свердловского литературного музея И. И. Куликовой, сотрудников музея А. И. Рязановой, И. И. Степановой, председателя ученого совета литературного музея И. А. Дергачева, знатока творчества П. Бажова — М. А. Батина экспозиция пополнена, обновлена. Первозданное тепло и уют дома поддерживает смотритель Е. А. Колотовкина.

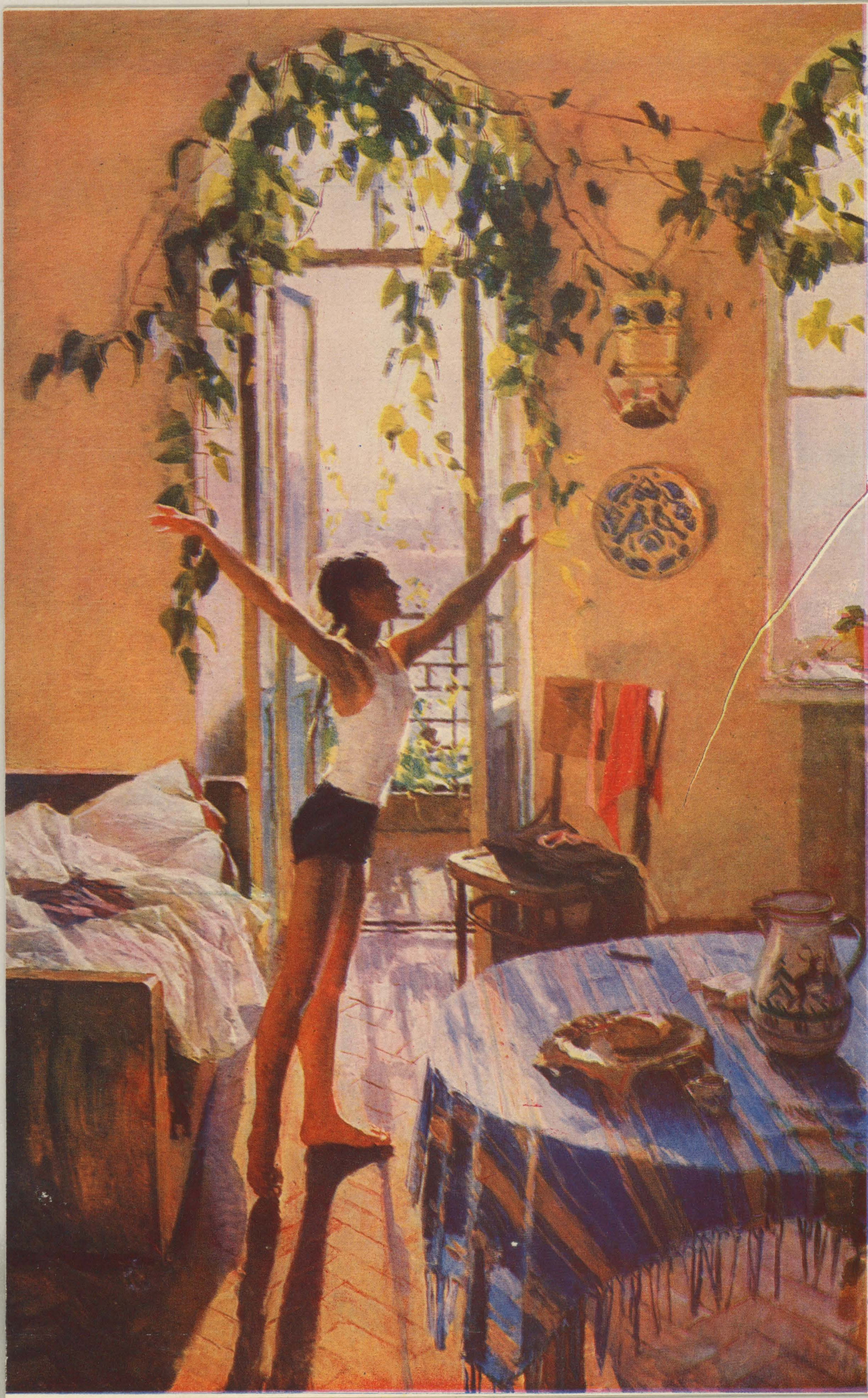
Есть решение сделать здесь заповедный уголок, присоединив к уже существующему музею два тоже деревянных дома ближайших соседей.

Гостеприимно открыты двери дома Бажова.

Л. НАТОЧАННАЯ

В. Хитриков. Род. 1922. ЛИТЕЙЩИКИ.

Т. Яблонская. Род. 1917. УТРО.

Ю. ЛУШИН

Фото автора

НА ЛЕДЯНОМ ОВАЛЕ

Гонка кончилась, болельщики разошлись. Мотодром опустел, и вздыбленный лед теперь отдыхал. Странно было видеть пустой этот лед. В ушах еще стоял рев и треск моторов, а в воздухе не истаял тот неповторимый, сладковатый запах выхлопных газов, сопровождающий все гонки.

«А вираж как перепахали!—подумал я.— Вон рытвины какие, выбоины. Как только гонщики в седлах удерживались...»

Ах, этот вираж! Впервые он открылся мне так. Я опоздал и карабкался на трибуны с тылу, скользя по заснеженной насыпи. На скамейках плотными рядами стояли зрители, перетаптывались, отмечали что-то в программках, пили чаек из термосов, пускали изо рта пар. За их спинами, в котле мотодрома, что-то ужасно трещало, и треск этот то приближался и удалялся, то сливался и распадался. Я привстал на цыпочки и увидел, как из-за поворота прямо на нас вылетели со страшной скоростью четверо на мотоциклах. Казалось, они так и влетят с разгону на трибуны. Но, почти плашмя положив машины влево, почти лежа на льду, они лихо вписались в вираж. Ледяной дождь хлестанул из-под шипов, а через секунду один из четырех каким-то чудом оторвался от остальных метров на семь и пытался уйти дальше.

— Кто это? — спрашивал я соседей.

— Ты откуда такой взялся, что ничего о Тарабанько не знаешь? — недовольно буркнул в ответ мужичок в крепком полушубке и валенках.— Это же Серега, гений колеса, можно сказать...

Треск мотоциклов снова накрыл нас. Снова та же четверка входила, нет, влетала в вираж, но двое уже явно отставали, а впереди был тот самый «гений колеса», Сергей Тарабанько — теперь я знал его фамилию. Шедший вторым еще как-то пытался достать его, но безнадежно. Впервые в жизни я видел, что можно передвигаться по льду быстрее, чем на коньках, и это поразило меня.

— Сергей! Сережа! Серега! — ревел стадион.

Где еще можно так фамильярно обратиться к гению, к кумиру, где? А он? Конечно, он ничего этого не слышал. Он слышал только песню своего мотора, видел перед собой поверхность несущегося навстречу льда и бровку трека...

Потом я увидел Сергея Тарабанько в тесном боксе, где стояли два мотоцикла, сидел тренер Валерий Хайкин, техники и еще какие-то люди. Он поразил меня своей хрупкостью — ни широких плеч, ни мощных бицепсов. Длинные, тонкие пальцы были перепачканы машинным маслом. В узких кожаных, плотно облегающих штанах с красно-белой полосой, в красной кожаной куртке, худощавый, с лицом аскета, он казался моложе своих 28 лет. Он только что вернулся из ФРГ, где вновь стал чемпионом мира. Я смотрел на него и гадал: чем он взял? Что в нем есть такого, чего нет в других? Почему именно он — первый? Что главное — мастерство? Смелость? Настойчивость? Решительность? Везение? Но вряд ли и последний в заезде труслив или не стремился к победе. Значит, есть еще что-то, что выделило его из других. Наверное, это «что-то» — талант, но только вряд ли он скажет об этом, если начать его расспрашивать...

Чемпионат в Инцеле в 1977 году складывался для наших неудачно. Главные соперники — чехословацкие спортсмены и шведские гонщики — приехали в ФРГ с новыми, более мощными мотоциклами, оснащенными четырехклапанными моторами. Сергей знал об этом и сразу рванулся вперед, обойдя шведа Самуэльсона, которого перед стартами прочили в победители. Он не видел, что отрыв стал значительным и можно особенно не рисковать. На полном газу он вошел в вираж и сразу понял, что не вписывается в более узкий, чем на наших стадионах, поворот. Отчаянным усилием он положил мотоцикл плашмя и в ту же секунду почувствовал, что шипы уже не держат и машина опрокидывается на него. В следующий миг швед молнией пролетел мимо... К счастью, обошлось без травмы, но соперник далеко ушел вперед, получив три очка — солидную фору в таких соревнованиях.

Сергей Тарабанько — четырехкратный чемпион мира.

На вираже.

Следующий заезд Тарабанько выиграл легко и элегантно, а Самуэльссон уступил Александру Щербакову. Борьба достигла высочайшего накала. Одна маленькая оплошность могла привести к срыву. К тому же с Тарабанько сражались с особенным упорством — кому не лестно обставить чемпиона мира. Но чемпион в тот день не проиграл больше ни одного заезда. Когда кончился последний заезд, к нему подошел лидер Кони Самуэльссон, пожимая руку, устало сказал:

— Я знаю, Сережа, чемпионом будешь ты...

Может быть, то был психологический трюк, желание усыпить бдительность соперника. Или действительно швед исчерпал себя в первый день? Трудно сказать, но во второй день борьбы и на самом деле не получилось. Тарабанько обошел Самуэльссона и стал первым в мире — третий раз подряд.

— Что важнее для мотогонщика,— спросил я его,— отличная техника и ее знание или твердость характера, решительность, смелость?

— Никаких «или»,— ответил он,— все важно.

— В равной степени?

— А где весы, на которых измерить то и другое, чтобы сравнить?

— Видимо, гонка—главные весы...

И он лишь улыбнулся своей неожиданно широкой и доброй улыбкой.

Я шел к ледяной дорожке и думал о том, что не так уж много чемпионов мира было у нас в этом виде спорта, хотя известен он давно. Шведы еще в начале века начали ездить на мотоциклах по замерзшим озерам. Советские спортсмены вышли на ледяную дорожку только в 1958 году, и сразу обнаружилось, что обычные мотоциклы не годятся, что нужна специальная ледовая машина — без тормозов и с шипами на колесах. За ее создание взялись гонщики и конструкторы разных стран. В конце концов пришли к выводу, что более всего для ледяного спидвея подходят мотоциклы чехословацкого производства, а самые прочные шипы стоит позаимствовать у советских спортсменов.

В 1964 году по предложению Федерации мотоспорта СССР был проведен первый чемпионат Европы, который уже через год перерос в первенство мира. И сразу же на этих крупнейших состязаниях лидерство захватили советские гонщики. Первым, кто поднялся на высшую ступеньку, был легендарный Габдрахман Кадыров — единственный спортсмен, носящий титул шестикратного чемпиона мира, однажды «золото» досталось его учителю и одноклубнику Борису Самородову, а затем четырежды Сергею Тарабанько — он выиграл мировой чемпионат и в прошлом году в Нидерландах.

Любопытное постоянство. Оно вновь навело меня на мысль об умении быть первым. Впрочем, существует ли такое умение, а вернее, что под ним понимать?

Сергей Тарабанько, заслуженный мастер спорта, как-то сказал о себе:

— Я из тех, о ком говорят: «Родился с бензином в крови».

Но сколько же людей до него родились «с бензином в крови», а чемпионами не стали.

Вот он прирожденный мотогонщик, а мать и отец настолько далеки от мотоспорта, что слышать о нем ничего не хотят. Но однажды школьный товарищ дал Сереже прокатиться на велосипеде с моторчиком, и он вдруг ощутил какое-то небывалое чувство скорости, свободы, почти полета. Все желания исчезли, осталась только мечта — мотор. Родители полагали, что это блажь, которая со временем пройдет, но эта блажь не прошла. В 14 лет Сергей стал посещать автомотоклуб ДОСААФ. Ему доверили мыть машины. Вскоре он попробовал прокатиться на кроссовом «Ковровце». Взрослые похвалили: неплохо получается. В шестнадцать, когда можно было получать мотоциклетные права, Тарабанько уже считался заправским гонщиком... Гонки стали страстью и делом его жизни, но и институт от него не ушел, окончил Читинский педагогический.

...Ледовая дорожка блестела под солнцем, и влетавшие на вираж гонщики, слившиеся воедино с мотоциклами, казались особенно эффектными. Все ждали появления Тарабанько, и вот он вылетел пулей на прямую и финишировал первым, а когда его окружили болельщики, он, еще не отдышавшись, сдвинул очки на лоб и сказал, улыбаясь:

— Мотоцикл не сломайте, он мне еще пригодится.

Новосибирск.

И ВОТ Я ПР

Людмила УВАРОВА

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Очень хорошо все складывалось, поистине веселая удача шла рядом.

Когда начались съемки, Игорь сразу же понял: актер на роль главного героя, которого он так долго, придирчиво выбирал и наконец-то выбрал, именно то, что нужно.

Мешковатый, неулыбчивый, с будничным, словно бы стертым лицом, на лице этом, пожалуй, самыми выразительными были очки в тонкой, орехового цвета оправе,— он, как никто иной, подходил к роли следователя: с первого же взгляда казался очень дотошным, вдумчиво изучал все обстоятельства дела, внешне медлительно беседовал с людьми и долго не высказывал своего мнения.

Но уже по всему ходу следствия можно было предположить, что этот не будет судить поспешно, этот умеет сомневаться, размышлять и, если понадобится, честно признаться в собственных сомнениях, а то и в ошибках.

Автор сценария казался, может быть, несколько излишне суетливым, но, в сущности, следовало и его понять: самый первый в жизни сценарий.

Он смотрел на Игоря снизу вверх, ловил, словно студент-первокурсник, каждое его слово, хотя был уже немолод, что-то сильно за сорок; должно быть, ему не очень везло раньше, и он никак не мог опомниться от неожиданно нагрянувшего на него везения.

По слухам, у него было нездоровое сердце, он задыхался, часто бледнел, но старался не показывать виду и говорил с извиняющейся, какой-то напряженно-униженной улыбкой:

— У меня, как видите, покладистый характер, со мной всегда можно договориться...

С оператором фильма с первого же дня у Игоря начались стычки. Оператор был, что называется, типичное не то: норовил все сделать по-своему, вмешивался в разработку режиссерского сценария, то и дело указывал актерам, как следует играть,— Игорь понимал: им двоим не сработаться. Он решил заполучить другого оператора и после долгих стараний добился: новый оператор, товарищ Игоря по ВГИКу, веселый острослов и балагур Паша Крутиков, сразу же нашел с Игорем общий язык.

Несколько безалаберный, но очень способный и щедрый, как и все подлинно талантливые люди, Паша пригоршнями рассыпал предложения, одно другого красочнее, охотно отказываясь от хороших ради лучших, к тому же был искренне влюблен в сценарий, увлечен съемками и порой даже ночью (в гостинице они жили вместе, в одной комнате) будил Игоря:

— Старик, я придумал великолепный поворот: что, если крупным планом показать поле, над полем ворона, понимаешь, одинокая ворона с тоскливым взглядом, поле под дождем — вот тебе осень как она есть, верно?

Но спустя короткое время Паша предлагал уже совсем новый вариант:

— Я вижу так: волны набегают на кромку берега и, отхлынув назад, обнажают камни. Камни блестят холодным блеском. И тучи низко-низко над морем...

Игорь, выслушав Пашу, тут же немедленно отвергал один вариант за другим, но Паша не обижался, у него наготове было множество других, самых различных и, на его взгляд, примечательных.

Фильм снимали в Угличе, уютном, зеленом городе на Волге, в котором, как писал автор сценария, «седая старина своеобразно сочеталась с приметами современности».

И вправду, неподалеку от древней церкви, построенной в память об убиенном царевиче Дмитрии, возвышалось здание ГЭС легких и чистых очертаний; на окраине города, там, где в ряд стояли хилые домики, окруженные палисадниками, бежали одна за другой мачты высоковольтной линии.

На съемки, происходившие то на берегу, то в поле, то в лесу, обычно собирался народ, разумеется, особенно много было мальчишек.

Помреж, Сережа Сушко, рыжий парень, обладавший необыкновенной силы басом, исступленно вопил в рупор:

— Граждане, поймите, мы работаем! Если хотите, чтобы картина удалась, пройдите все на одну сторону!

Граждане хотели, но проходили неохотно. Сережа срывал свой роскошный бас, по нескольку раз с досадой бросал рупор, пока в конце концов не добивался желанного результата.

Уже было отснято около тысячи метров пленки, когда Игорь получил открытку. Писала Валя Черткова, близкая его приятельница.

Валя ездила по ярославским селам, собирала и записывала старинные песни.

Она была музыковед, предпочитала исключительно серьезную музыку, а Игорь и не пытался скрыть, что любит только джаз и легкие песенки. Однако Валя водила его на симфонические концерты в консерваторию, и он старался слушать органную и симфоническую музыку, сохраняя истовое, почти благоговейное выражение лица, надеясь тем самым угодить Вале.

Она нравилась ему, за те два года, что они были знакомы, он не на шутку привязался к ней и порой всерьез думал о совместной жизни с Валей, подходившей ему, как он говорил, по многим статьям и параметрам.

Валя писала, что находится в селе, километрах в шестидесяти от Ярославля, и было бы, право, чудесно, если бы он подъехал повидаться хотя бы на денек, в конце концов они так близко находятся друг от друга — грех не увидеться...

Село называлось Бочинино, Игорь вспомнил, всего тридцать или примерно тридцать пять километров отделяют Бочинино от его родного села, где он так давно не был...

«А что, если?..— подумал он.— Если убить сразу двух зайцев: заглянуть домой, а потом навестить Вальку, заехать на несколько часов в это самое Бочинино?»

Как нарочно, погода закапризничала, с утра сплошные тучи покрывали небо, моросил мелкий, хотя и теплый дождь.

— Поезжай,— посоветовал Паша.— Послезавтра вернешься, ведь пароходом до Ярославля всего ничего...

— Тем более, что навещу своих, я их давненько, признаться, не видел,— сказал Игорь.

Он мало спал все это время и рассчитывал хорошенько отоспаться в каюте парохода.

Но когда он вышел на палубу, увидел медленно сменявшие друг друга туманные от дождя берега, когда увидел волны, вскипавшие под дождем серыми, продолговатыми, словно виноградины, пузырьками, когда вдохнул в себя острый и свежий речной воздух, ему расхотелось спать, он сел на скамейку, долго, не отрываясь, смотрел на волны, на берега, на птиц, низко летевших над водой.

Ему казалось, сейчас он раскроет широко глаза и чувство радости исчезнет, как исчезает все, виденное во сне.

Но то был не сон, а явь, действительность, все то, что так радовало и в то же время тревожило его: волны, вдруг меняющие свой цвет — то серо-свинцовые, то сиреневые, то иссиня-темные, почти черные, зеленые берега, которые курились теплым, тающим туманом, ощущение своей молодости, силы, удачливости, своего мастерства, которое, он знал, было незаурядным, предвкушение будущего, наверняка интересного, значительного...

Он представлял себе, как будет дома рассказывать матери и сестре о своей жизни, о работе, об этом фильме, который, по всему видно, должен получиться хорошим, а мать и сестра будут упоенно слушать его и после, когда он уедет, вспоминать о его рассказах и думать о нем...

Он не был у своих уже четыре года. Но в течение всех этих лет довольно часто писал домой и получал письма от сестры.

Сестра работала учительницей в сельской школе.

Писала она ему аккуратно, хотя и коротко. Последнее письмо от нее он получил еще в Москве, до начала съемок. Сестра писала по своему обыкновению немногословно:

«У нас все в порядке. Часто вспоминаем тебя. Ждем твоих писем».

При мысли о сестре у Игоря потеплели глаза. Вдруг, как живую, увидел ее перед собой, всегда с тетрадками, исписанными одинаково крупным, одинаково неровным и в то же время разным у всех учеников почерком.

Ему показалось, что он услышал ее голос, ровный, хорошо поставленный, такой голос, который, наверное, присущ каждому педагогу со стажем.

Сестра, увлекаясь, могла бесконечно говорить о своих учениках. Порой Игорь думал, что он уже наизусть выучил эти постоянные рассказы об Алеше, Васе и Коле, какие это необычайно способные, интеллигентные, все понимающие дети...

Пароход прибыл в Ярославль что-то около одиннадцати часов утра. Дождь перестал, тучи медленно таяли, обнажая голубые островки неба, но едва лишь горячее солнце попадало на чистый кусочек неба, как снова наплывали тучи и солнце бледным шаром катилось за тучами, будто выжидая, когда они кончатся, растают...

Возле пристани стояли «Волги» в шашечках. Игорь сел в первую машину, рядом с шофером, высунул голову в раскрытое окно.

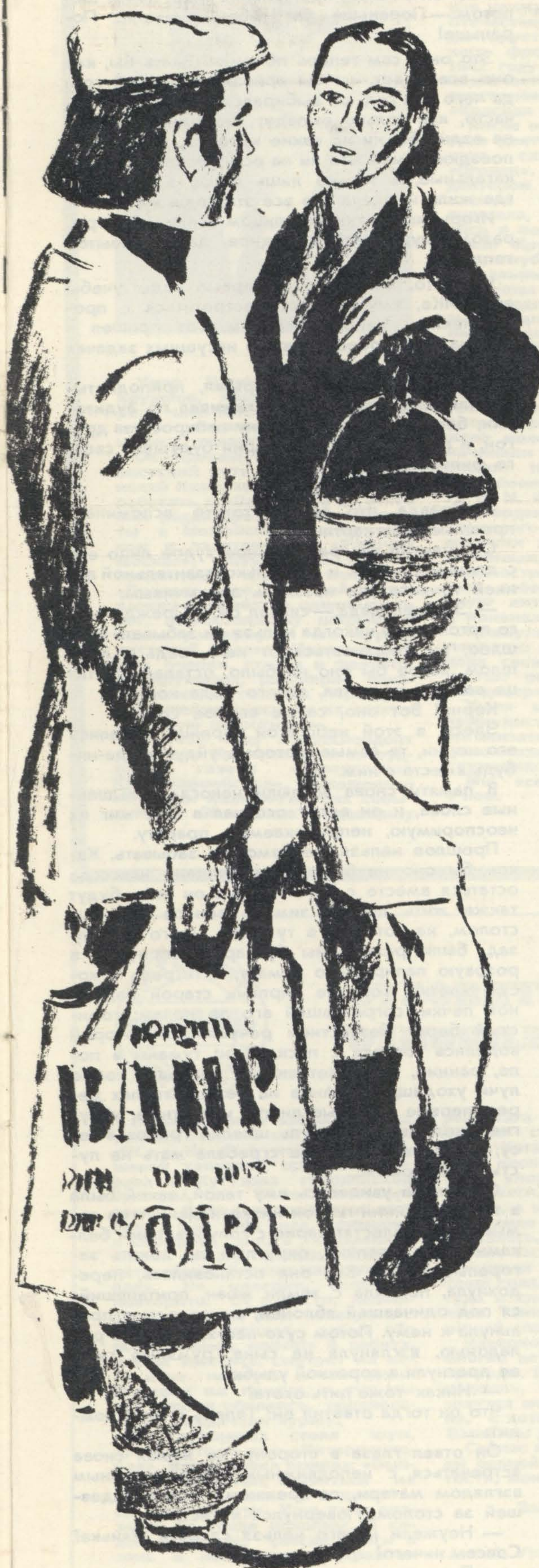
В институте его все считали везунчиком, и сам он тоже считал себя счастливым, умевшим избегать острых углов и всякого рода неприятностей.

«Хорошо, если бы всегда так было»,— подумал Игорь и затянул было какой-то веселенький мотив, но глянул на хмурое лицо водителя, оборвал пение, стал думать о том, что-то ждет его дома.

Он не помнил отца. Отец погиб на фронте в последние дни войны, когда Игорю было всего два с половиной года.

Сестра, значительно старше Игоря, в ту по-

ИЕХАЛ...

ру училась в педагогическом техникуме. Игорь вспомнил, как она привозила ему куски сахара, сливовое повидло, лепешки, обсыпанные маком, которые по невероятно высокой цене продавались на рынке в Ярославле.

Он как бы снова ощутил вкус этих темных, испеченных из ржаной муки лепешек...

Потом он стал думать о матери. Она была волевой, с сильным характером, очень деятельная, работящая, так о ней говорили в селе.

Ее считали исключительно умной, она и в самом деле была умной, к ней приходили за советом, и она никому не отказывала, только любила, чтобы поступали так, как она советует, иначе в другой раз не желала даже выслушать.

Директор школы, в которой учился Игорь, называл ее женщиной с мужским складом ума.

Она и с Игорем была всегда строгой, неговорливой, неснисходительной, но он-то знал, как она любит его.

Вспомнился тот, теперь уже далекий июльский день, когда он уезжал в Москву сдавать экзамены в институт.

Мать сказала:

— Сядем напоследок.

Они сели — он, мать и сестра.

Мать первая встала.

— Пора...

За окном виднелся грузовик, колхозный шофер Вася Ватрушкин, дальний родственник матери, приехал довезти Игоря до Ярославля, там уже Игорь должен был сесть на московский поезд.

— Пошли,— сказала сестра.

— Пиши,— сказала мать. На миг прижалась твердой щекой к его щеке, потом оттолкнула от себя.

Когда он ехал в машине вместе с Васей, тот сказал:

— Жрать охота. А ну, пошарь в своем заветном, фибровом. Нет ли там чего пожевать?

Игорь открыл чемодан.

Пирог с вареньем, кусок сала, завернутый в марлю, соленые огурцы, вареная картошка, банка меда, крупные полосатые луковицы...

— Вот это харч!— восторженно воскликнул Вася, а Игорь не переставал удивляться, ведь мать сама же давеча сказала:

— Кроме огурцов и творога, не знаю, чего бы тебе дать...

Выходит, мать не сказала ему ни слова, а положила все это добро в чемодан, понимая, что когда-нибудь он откроет чемодан и увидит то, что следует увидеть.

Вася Ватрушкин со вкусом разгрызал луковицы и хвалил сало за отменный вкус и аромат, а он, Игорь, не мог есть, кажется, взять бы да и, забыв об институте, ринуться обратно, домой, к матери, обнять ее, не признающую ни поцелуев, ни нежных слов, прижаться к ее твердой, чуть шероховатой на ощупь щеке...

И теперь, когда с каждым километром родное село становилось все ближе, Игорь с любовью думал о матери, предвкушая, как он войдет в дом, увидит ее, что она скажет, как глянет, как улыбнется...

«Что же это я,— спохватился он,— домой еду с пустыми руками?»

Он попросил шофера остановиться возле магазина сельпо, мимо которого они проезжали.

Выбор там был, как Игорь и ожидал, небогатый: консервы, повидло в жестяных банках, черносмородиновая наливка, водка, черствый сыр.

Он купил сыру, наливку, несколько банок консервов и коробку конфет.

«Ладно,— подумал Игорь не без раскаяния.— Ничего не поделаешь. Сойдет...»

Он ехал все дальше, все ближе к дому и уже узнавал лес, в который некогда ходил по грибы, картофельное поле, заброшенную ветряную мельницу...

Окраина села была раскопана.

— Дальше не проедем,— сказал шофер.

— Пусть будет так,— согласился Игорь, вылезая из машины.

Солнце окончательно выкатилось на чистое, прояснившееся небо и светило ровно и жарко.

Дул легкий ветер, поодаль, в березовой роще, шумели деревья.

Какая-то женщина шла впереди Игоря по деревенской улице, неся ведра на коромысле. На ней была васильково-синяя кофточка и узкая юбка.

Игорь бегло глянул ей в спину, профессионально отметив про себя: «Красиво, словно небо отразилось синевой в кофточке...»

Женщина обернулась. Это была его сестра. Остановилась, вглядываясь в него, спросила негромко:

— Игорь? Ну, да, Игорь, кто же еще...

Он подошел ближе, обнял ее. Ни с чем не сравнимая радость охватила его. И казалось таким странным, удивительным, что он жил, учился, работал, печалился и радовался где-то далеко отсюда, в большом, шумном городе, позабыв о том, что в родном селе, в доме под красной крышей по-прежнему живут те, кто любит его больше всего на свете, кто помнит его таким, каким он был в детстве, и до конца дней будет любить и помнить его...

Сестре Игоря было уже сорок пять лет. Когда-то была красивой, с горячими карими глазами, чуть скуластая, на смуглых щеках румянец, большой яркий рот и улыбка ослепительная...

Он с горечью заметил, что сестра не то чтобы состарилась, а как-то поблекла, и, странное дело, лицо ее уже не было смуглым, скорее мучнисто-бледным, и глаза словно бы стали меньше.

— Нянька,— сказал Игорь, с удовольствием называя сестру так, как привык называть с детства.— А я тебя сзади и не узнал...

— Я тоже тебя не сразу узнала,— ответила сестра.— Такой большой стал...

— Старый,— добавил Игорь, но сестра сдвинула красивые, изогнутые брови.

— Какой ты старый, что с тобой?

Он спросил:

— Как мама?

— Ты надолго?— спросила сестра.

— До завтра. Целая вечность.

Она усмехнулась, как ему показалось, невесело.

— Целая вечность? Всего-то навсего...

Он хотел взять у нее коромысло, она не дала.

— Не надо, ты непривычный...

Однако он снял с нее коромысло, надел и почувствовал тяжесть.

— Как это ты носишь?

— Привыкла.

Он несколько раз останавливался, прежде чем дошел до дома.

Сестра, улыбаясь, поглядывала на него.

— Я же тебя предупредила, без привычки трудно...

— Теперь уж недолго осталось.

— Что ж, давай, неси,— сказала она.

— Представляю, как мама обрадуется,— начал он.— Ты ничего не говори ей, я войду, стану на пороге и ни слова, подожду, что-то она скажет...

— По-моему, не стоит,— ответила сестра.

— Нет, стоит,— сказал он.— Войду и стану без слов, буду смотреть на нее, а она, наверно, не сразу разглядит, зато потом...

И засмеялся от души.

— Потом увидит меня...

— Не надо,— повторила сестра.

Остановилась, сняла коромысло с его шеи, надела на себя.

— Почему не надо?

— Мама не очень здорова.

— Больна? Что с ней?

— Да нет, она не лежит, просто не очень здорова.

Игорь сразу успокоился.

— Не очень здорова? А кто из нас уж так уж очень здоров? Что, верно, нянька?

Она не ответила на его улыбку, сказала, глядя куда-то в сторону:

— В общем, сам все поймешь...

Он взглянул на нее, но она упорно избегала встретиться с ним глазами. Внезапно он понял: слова сестры скрывали что-то еще неведомое ему, но страшное, то, что вскоре доведется узнать и увидеть...

Он обогнал ее, вбежал на крыльцо, рывком открыл дверь.

И сразу же увидел мать.

Она сидела за столом, положив на стол руки.

Его прежде всего поразили ее руки, какие-то бессильные, вялые, а он помнил, руки матери были всегда в движении, в работе.

— Мама,— сказал Игорь,— мамочка, это я! Здравствуй!

Она подняла на него глаза. Она похудела, но, пожалуй, не очень постарела. Волосы остались прежними, почти без седины, и щеки были розовые, туго натянутые.

Она молча глядела на него, а сестра, войдя в дом, стояла позади него и тоже молчала.

— Ку-ку,— сказала мать, по-прежнему равнодушно и отрешенно глядя на Игоря,— ку-ку...

Игорь почувствовал, как глухо, тяжко забилось сердце и словно бы огнем опалило голову, шею, затылок...

Он обернулся к сестре.

— Скоро год,— сказала сестра.

— Почему же ты ничего не писала? Я же ничего не знал.

— Если бы даже я и написала, что бы было?— спросила сестра.— Ты бы ничем не помог все равно, а печалить тебя не хотелось...

— Печалить,— грустно повторил он,— разве дело во мне, печалить меня или скрывать правду?

— Ку-ку,— сказала мать и засмеялась.

Игорь рванулся к ней, схватил за плечи.

— Мама, это я, твой сын, родная моя, слышишь? Я твой Игорь!

— Она никого не узнает,— сказала сестра.

— А тебя?— спросил Игорь.

— Меня тоже. Я уже привыкла.

«Я уже привыкла». Эти слова, произнесенные ею с безнадежностью отчаяния, ставшего будничным, как бы раскрыли перед ним терпеливое и постоянное страдание ее жизни.

— Нянька,— закричал Игорь,— нянька, да что же это такое?

— Все это накапливалось исподволь,— сказала сестра,— постепенно, а потом вдруг вот так вот, как видишь.

— Вижу,— сказал Игорь.

Он сел за стол напротив матери, пристально, жадно вглядываясь в нее, стараясь отыскать в ее лице, должно быть, уже прочно погасшую искру разума.

И она бездумно глядела на него, а сестра между тем собирала на стол, звенели тарелки, миски, стаканы, вся эта уютная домашняя суета казалась обнадеживающей, обладающей спасительным, глубоким смыслом.

Но нет! Лицо матери по-прежнему было равнодушным, лишенным какого бы то ни было выражения. И он смотрел на нее и никак не мог привыкнуть видеть ее такой, какой она стала, никак не мог...

Сестра налила молока в глубокую тарелку с гречневой кашей, подвинула тарелку матери, вложила в ее ладонь ложку.

Мать заученным движением, механически опускала ложку в тарелку, зачерпывала молоко с кашей и подносила ко рту.

Молоко лилось на подбородок, она ничего не видела, ничего не чувствовала.

— Ах ты, замарашка,— сказала сестра, полотенцем вытирая подбородок матери.

Игорь отвел глаза в сторону. Как это все ужасно!

Мать всегда была опрятной, чистехой, он был еще совсем маленький, и уже тогда она учила его есть не торопясь, чинно, не жадно и так, чтобы людям не противно было глядеть на него. И сама всегда ела красиво, глянешь на нее — и невольно захочется есть даже самому сытому человеку.

А теперь, теперь...

Снова вспомнилось: когда он учился в институте, мать зимой приехала навестить его. Сидела в комнате общежития, румяная с мороза, опустив платок на плечи, с тихой улыбкой глядя, как Игорь и его друзья, соседи по комнате, поглощают все то, что она привезла с собой,— пампушки, домашний творог, моченые яблоки, жареную свинину, шпигованную чесноком...

Кто-то, кажется, это был Паша Крутиков, сказал:

— А вы-то что же, тетя Ксюша?

Тогда она как бы нехотя взяла моченое яблоко, стала откусывать по кусочку, все так же с улыбкой поглядывая на Игоря и его друзей.

—...Я читала, что ты снимаешь новый фильм,— сказала сестра, подвигая ему тарелку с тонко нарезанной ветчиной.

— Да. Ты где читала?

— В «Советском экране».

Игорь подцепил вилкой ломтик ветчины, сунул в рот.

— Вкусно?— спросила сестра.— На рождество зарезали кабанчика, я сама коптила и солила, все делала так, как ты любишь...

— Вкусно,— сознался Игорь. Сам себе дивился, думал, не полезет кусок в горло, и вдруг, нате вам, ест да еще с таким аппетитом, и ветчину, и огурцы, и кашу с молоком...

И сестра смотрела на него, чуть улыбаясь, совсем так, как некогда смотрела на него мать.

Он встал, прошелся по горнице. Сестра убирала посуду со стола, а мать по-прежнему бессмысленно глядела перед собой, положив руки на стол.

И все то, о чем еще недавно думал Игорь, радость, которую он ощущал, мечты о том, каким будет фильм,— все это показалось никчемной тратой сил и времени...

Даже Валя с ее менторским тоном и замысловатыми словами, которыми она засыпала его, когда они уходили с концерта: «Блестящее было адажио. А здесь несколько затянуто аллегро...»

Даже Валя казалась ему сейчас ненатуральной, словно бы даже нереальной.

Реальным было одно: мать, которая не узнает его. Ни его, ни кого другого. Вот это было реально и зримо.

Уже не было ощущения радости бытия. Оно начисто исчезло, как не было его вовсе, оставив вместо себя неистощимую, непреходящую печаль.

— Что делать? Что же делать?

Он не заметил, как произнес эти слова вслух.

— Ничего нельзя сделать,— ответила сестра.— Надо только привыкнуть.

Игорь всегда относился к сестре чуть снисходительно, словно не она, а он был старше. Он любил ее, слов нет, любил и помнил ее с тех самых пор, как помнил самого себя, она была многие годы рядом, «нянька» его детства, заботливая, в то же время справедливая, умная, но все-таки неудачливая.

Он-то оказался удачливым, а она — ни то ни се.

Замуж не вышла, несмотря на свою красоту, любила женатого, а он не захотел уйти от семьи, и она на всю жизнь осталась жить с матерью, все ее сверстницы давно уже обзавелись семьями, а ее звали старой девой и смеялись исподтишка над ней, он знал, что смеялись...

В прошлые годы Игорь, случалось, подшучивал над тетрадками, которыми постоянно был набит старенький, весь в трещинах ее портфель, над спектаклями школьной самодеятельности,— сестра говорила о них с придыханием: ведь она была многие годы бессменным руководителем школьного драмкружка; над контрольными, зачетами, экзаменами, к ним сестра относилась с необычайным уважением, даже, как ему казалось, с известным страхом за своих питомцев...

Когда Игорь ехал сюда, домой, он представлял себе, как сестра начнет, по своему обыкновению, рассказывать об этих неведомых ему мальчишках и девчонках, он будет рассеянно слушать ее, а сам думать о каких-либо серьезных, важных проблемах, неизвестных ей.

Самому себе Игорь казался умным, много знающим, умеющим решать самые сложные проблемы. Он подумал о том, как много он знал, читал и видел такого, чего ей никогда не узнать, не увидеть, и неожиданно чувство любви, жалости к ней и в то же время ощущение ее превосходства захлестнуло его.

Впервые за эти годы он показался себе маленьким, неразумным, слабым.

Внезапно он осознал суетность, хилость придуманных им самим проблем, и все его дела, помыслы, надежды, честолюбивые мечты показались не стоящими и капли внимания.

Вспомнились недавно сказанные им Паше Крутикову слова:

— Я запрограммирован на удачу, на непременное достижение своей цели...

И Паша, милый соглашатель, который всегда умеет вовремя поддакнуть, кивнул:

— Как же иначе, само собой...

Какие же они все маленькие, и он сам, и Паша, и Валя с ее пониманием музыки и холеными белыми пальцами, такие маленькие, невидные перед ней, его «нянькой»...

Совсем, как бывало, когда приходил из школы с плохими отметками в дневнике, первым делом бросался к сестре: — Нянька, только маме не говори, заругает, —так и теперь он приблизился к ней, взял ее руку, провел ею по своим глазам...

— Мама ждала тебя, когда была здорова,— сказала сестра, по-своему объяснив себе этот его жест.— Каждый день ждала, когда ты приедешь...

— И вот я приехал,— сказал Игорь, все еще не выпуская ее руки из своих рук.

Сестра глянула на него, Игорю показалось, что она хочет что-то сказать и не решается.

— Говори,— сказал он.— Не бойся...

Она медленно покачала головой.

— Я не боюсь, чего мне тебя бояться...— Помолчала, потом промолвила тихо, почти шепотом:— Пораньше бы тебе приехать... Пораньше!

Это он и сам теперь понимал. Знать бы, как оно все будет, он бы приезжал каждый год, да чего там год, он выбирался бы часто, очень часто, как только выпадет свободная минута, не ездил бы ни на какие курорты, ни в какие поездки, самые что ни на есть веселые и увлекательные, а только лишь сюда, в деревню, где жила и ждала его все эти годы мать...

Игорь молча ткнулся лицом в плечо сестры, разом окунувшись в родное, давно забытое тепло.

Когда-то, было это в первые годы учебы во ВГИКе, ему довелось встретиться с прославленным кинорежиссером. Тот пришел к ним на курс побеседовать о насущных задачах искусства.

Немного сутулый, с острыми, приподнятыми плечами, режиссер расхаживал по аудитории, беспрестанно куря одну папиросу за другой, и рассказывал о сценарии будущего своего фильма.

Кто-то задал вопрос:

— Правда, что вы не хотите вспоминать прошлые свои картины?

Он ответил не сразу. Умное худое лицо его с длинным носом и несколько язвительной линией тонкого рта казалось задумчивым.

— Это неправда,— сказал он.— Прежде всего потому, что никогда нельзя ни забывать прошлое, ни отказываться от него, ведь в прошлом, какое бы оно ни было, осталась частица вашего существа, своего рода корни...

Корни! Вот оно, самое верное слово!

Здесь, в этой небогатой горнице, остались его корни, те самые, которые уйдут когда-нибудь вместе с ним.

В памяти снова всплыли некогда услышанные слова, и он вдруг осознал в этот миг их неоспоримую, непререкаемую правоту.

Прошлое нельзя, невозможно забывать. Какое бы оно ни было, ему суждено навсегда остаться вместе с ним. И пока он жив, будут также жить долгие зимние вечера за этим столом, на котором в ту пору, много лет назад, были разложены букварь, обернутый в розовую папиросную бумагу, и тетради в косую клетку; горячие кирпичи старой надежной печки, согревавшей его по ночам; гористый берег безвестной речушки, в которой водились голавли с пескарями; туманы в поле, ранние, тихо светлеющие восходы, косые лучи уходящего солнца на белых стволах берез, первые молодые листья и плотные, упругие, скользкие на ощупь шляпки грибов в лесу; запах сена, которое сгребала мать на пустыре, за домом...

Она снова увиделась ему такой, какой была в ту пору: синий платок низко надвинут по самые брови, блестят карие с голубоватыми белками глаза, крепкие, округлые, по локоть загорелые руки... Вот она остановилась, передохнула, подняла с земли жбан, притаившийся под одичавшей яблоней, с жадностью прильнула к нему. Потом сухо-насухо вытерла рот ладонью, взглянула на сына, румяные губы ее дрогнули в короткой улыбке.

— Никак тоже пить охота?

Что он тогда ответил ей? Теперь и не вспомнить...

Он отвел глаза в сторону, не желая снова встречаться с неподвижным, бессмысленным взглядом матери, по-прежнему молча сидевшей за столом. Повернулся к сестре.

— Неужели ничего нельзя сделать, нянька? Совсем ничего?

— Поздно,— сказала сестра.— Все уже поздно...

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Умер Николай Николаевич Кружков, наш старший товарищ, член КПСС с 1925 года, ветеран «Огонька», боевой журналист, талантливый писатель.

Он прошел большой журналистский путь. В 1930 году Николай Николаевич Кружков стал работать в «Правде», а до этого был редактором районной газеты в Можайске, литсотрудником и завотделом в «Рабочей Москве», разъездным корреспондентом в «Гудке». Именно в «Правде», где Николай Николаевич проработал одиннадцать лет, по-настоящему широко и полно развернулся его журналистский талант. Многочисленные очерки, статьи и фельетоны Кружкова, регулярно печатавшиеся на полосах «Правды», заслуженно снискали их автору широкую известность.

В 1939 году корреспондент «Правды» Кружков стал сотрудником газеты «Героическая Красноармейская», выходившей во время Халхин-Голских событий. В 30-летнюю годовщину победы на Халхин-Голе Н. Н. Кружков был удостоен монгольского ордена «Полярная звезда». Боевой путь журналиста продолжался во время финской кампании, а 23 июня 1941 года вместе с большой группой литераторов Н. Н. Кружков уезжает на фронт Великой Отечественной войны. Он редактирует газету Северо-Западного фронта «За Родину». В 1942 году полковник Кружков назначается заместителем ответственного редактора газеты «Красная звезда».

После войны жизнь и творческая деятельность Н. Н. Кружкова связаны с журналом «Огонек». Много лет он был редактором отдела литературы, членом редколлегии нашего журнала. Читателям запомнились очерки Николая Кружкова, принципиальные, глубокие статьи на самые актуальные темы. Произведения Кружкова вошли в его книги — «Моя родная сторона», «Рассказы о художниках», «Литературные этюды».

Николай Николаевич был тонким, внимательным редактором, он неустанно открывал новые литературные имена, был другом многих видных деятелей литературы и искусства. И немало молодых тогда писателей начинали свой путь под доброй опекой Николая Николаевича.

За боевые и трудовые заслуги Н. Н. Кружков был награжден орденами Красной Звезды, Трудового Красного Знамени и многими медалями. Он был отзывчивым, искренним человеком, остроумным, эрудированным собеседником, любил русскую литературу и искусство и прививал любовь к ним.

Коммунисты «Огонька» неоднократно избирали Н. Н. Кружкова своим парторгом, и он с честью оправдывал это высокое доверие.

Ушел из жизни литератор-коммунист, публицист, видный организатор партийной печати, свою жизнь и талант отдавший служению Родине.

Мы всем сердцем скорбим о нем.

ОГОНЬКОВЦЫ

ОТЗОВИТЕСЬ, ОДНОПОЛЧАНЕ!

В самом конце войны бои на улицах Берлина вел и наш танк «ИС» — из 11-й отдельной тяжелой танковой орденов Суворова и Кутузова гвардейской бригады, из 99-го танкового полка. Я был командиром орудия. 2 мая 1945 года, примерно в середине дня, в наушниках шлема слышу приказ: «Прекратить огонь, Берлин капитулировал». Не поверив, попросил повторить. От радости, неожиданности я не смог совладать с собой и закричал, забыв обо всем: «Конец, конец!» А ребята, члены экипажа, смотрят на меня и не поймут, в чем дело. Объявил им приказ, и тут мы все втроем обнялись, поцеловались, закричали «ура!».

В наушниках стоял шум, треск, кто-то пел «Интернационал». Вдруг снова приказ: «Выйти из укрытия, строиться на площади в колонну и двигаться к рейхстагу». Наш танк оказался во главе колонны. Я сидел на броне, свесив ноги в люк. В нескольких метрах от рейхстага высилась чудом уцелевшая стена многоэтажного дома. Когда мы с ней поравнялись, неожиданно по танку почти в упор выстрелили. Он остановился, пламя охватило броню, а меня взрывной волной отбросило на несколько метров. Оказалось, это фашистский лейтенант засел за стеной с единственным «фаустом» в руках. Наши солдаты выволокли его оттуда и сполна с ним рассчитались. Танк сгорел, моих товарищей спасти не удалось.

Наверно, этот эпизод помнят многие ветераны 11-й танковой бригады. Рассказываю о нем и надеюсь, что, может быть, отзовутся мои дорогие однополчане, с которыми я прошел от Варшавы до Берлина.

Сейчас живу и работаю в своей родной области. Жду вас в гости, мои боевые друзья!

Зайнулла ДЖАДРАБАЕВ

Аксай, Уральская область.

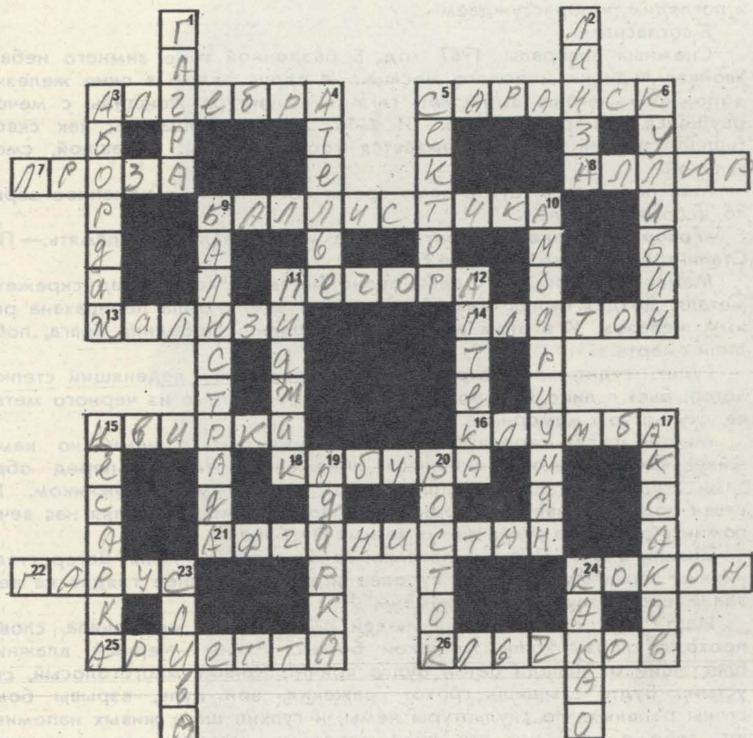
По горизонтали: 3. Часть математики. 5. Столица АССР. 7. Речь, не организованная ритмически. 8. Ход лошади. 9. Наука о движении артиллерийских снарядов, ракет. 11. Река на севере РСФСР. 13. Вид оконных штор. 14. Древнегреческий философ. 15. Литовский советский писатель. 16. Цветник. 18. Футляр для пистолета. 21. Государство в Азии. 22. Шерстяная пряжа для вышивания. 24. Оболочка куколки шелкопряда. 25. Небольшое вокальное произведение. 26. Персонаж повести Д. А. Фурманова «Чапаев».

По вертикали: 1. Курорт в Абхазии. 2. Оптическое стекло. 3. Старинный способ ведения морского боя. 4. Мастерская для шитья одежды. 5. Часть круга. 6. Русский механик, изобретатель. 9. Ограждение лестниц, террас. 10. Советский астроном, академик. 11. Мужская одежда. 12. Учреждение для приготовления лекарств. 15. Птица отряда куриных. 17. Автор книги «Семейная хроника». 19. Действующее лицо оперы С. С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». 20. Город в ГДР. 23. Фруктовое дерево. 24. Питательный напиток.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали: 7. Камерун. 8. Портрет. 9. Продавец. 10. Умбриель. 11. Коло. 13. «Динамо». 15. Ланцет. 17. Манитоба. 18. «Болеро». 19. Огурец. 22. Плавание. 24. Кромка. 25. «Ванька». 26. Стык. 27. Спаниель. 29. Мегаватт. 31. Вологда. 32. Писарев.

По вертикали: 1. Сфера. 2. Ротор. 3. Катовице. 4. «Бурелом». 5. Формула. 6. Перемена. 11. Консонанс. 12. «Огородник». 14. Агроном. 16. Нефелин. 20. Варламов. 21. Цикламен. 22. Паллада. 23. Евгений. 28. Ижора. 30. Амаду.

КРОССВОРД

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Монумент в честь Великой Октябрьской социалистической революции в Киеве. Авторы — скульпторы: В. З. Бородай, В. И. Зноба, И. С. Зноба; архитекторы: А. И. Малиновский, Н. М. Скибицкий.

Фото Н. Козловского

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Дом-музей П. П. Бажова в Свердловске. Письменный стол в кабинете писателя * Столовая в доме П. П. Бажова * Коллекция минералов — подарок уральских рабочих * Первое издание «Малахитовой шкатулки» * Палехская роспись по мотивам «Малахитовой шкатулки». Художник В. Федотов.

(См. в номере материал «В доме Бажова».)

Фото Г. Копосова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 08.01.79. Подп. к печати 23.01.79. А 00611. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 304. Заказ № 16.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Вучетич

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

«Как ты можешь судить о монументе, не видев его? — сказал мне Вучетич.— Мамаев курган надо видеть! Давай съездим в Волгоград, и поглядим, и порассуждаем»...

Я согласился.

Снежный февраль. 1967 год. В бездонной тьме зимнего неба — звонкая льдинка молодого месяца... И вдруг рядом в окне железнодорожного вагона вырастает гигантская фигура женщины с мечом, рвущейся навстречу вьюге... И вмиг мне послышалось, как сквозь тишину зимней ночи прорывается грохот битвы... Страшной, смертельной.

Мне показалось, будто само время посмотрело в каменное зеркало, вспоминая былое.

«Говорит Москва! Говорит Москва! — диктовала мне память.— Под Сталинградом идут жестокие бои...»

Мамаев курган. Это здесь ровно четверть века назад скрежетал металл. Воздух пылал. Казалось, что вся земля была перепахана рваным железом. И в этом аду люди выстояли и победили врага, победили смерть.

Гудит, гудит на бескрайних просторах Волги леденящий степной ветер, бьет в лицо изморозь, блестят, как кованные из черного металла, скульптуры мемориала.

Многих тысяч героев былых боев уже нет с нами, но камни живут вечно, и люди склоняют обнаженные головы перед образами героев Сталинградской битвы, изваянными художником. Так слава подвига живет и сегодня выпукло и зримо, заставляя нас вечно помнить о тех, кто отдал жизнь во имя Победы!

Зимно, зябко. Порывы поземки гонят снежную пыль. Ветер стелит низкие серые тучи, и тем суровее и величественнее глядят на тебя глаза героев, закованных в камень.

Идут, идут сотни, тысячи людей по ступеням мемориала, словно проходя сквозь этапы жестокой битвы... Руины — черный, влажный, блестящий от наледи бетон будто кричит. Кричит многоголосый, стоустый... Будто слышишь грохот сражения, вой пуль, взрывы бомб, стоны раненых. Но скульптуры немы, и гулкие шаги живых напоминают тебе о том, что это лишь творение мастера, его пылающего сердца...

И в эту минуту я вспомнил длинные московские споры о надобности таких вот монументов, о непреоборимой силе документализма и о многом прочем...

И вновь я вернулся на эту священную землю, где решались судьбы России, Европы, а пожалуй, и всей планеты. Быть или не быть им под фашистским сапогом? И в какой-то момент мне стал ясен замысел автора — создать масштабное, многоплановое, полифоническое творение, способное хоть на какое-то мгновение заставить современника в мирное, спокойное время увидеть, услышать, и... вспомнить, и навсегда запомнить зрительно героев битвы на Волге.

«Помни» — вот лейтмотив мемориала.

Словно живые капли крови, блестят на темных камнях алые гвоздики. В озябших руках сотен и сотен людей — живые цветы. Они подходят мерным шагом к изваяниям и бережно кладут у подножия свои сердца — взволнованные и потрясенные, воплощенные в живых цветах.

Всмотритесь в лица людей, в их глаза, и вы поймете силу созданного ансамбля на Мамаевом кургане.

И вновь передо мною возникают лица скептиков, и вновь и вновь я мысленно отвечаю им: «Миллионы говорят — да!!!» Они, люди, посетившие монумент, славят ратный подвиг солдат и подвиг ваятеля, поднявшего эту махину из тьмы эскизов, споров, из бездны нервотрепок и пересчетов. Вучетич оставил гражданам всего мира грандиозное слово на вечную память. Слово, изваянное из нестареющего камня, звенящее всеми трубами и фанфарами маршей и поющее голосами людей, утверждающих одну лишь святую мысль: «Во имя жизни, во имя Родины — Победа!»

Вереница тысяч людей с трепетными факелами живых цветов. Старые женщины в черных платках, бережно несущие в руках горящие свечи. Шествие торжественное и величественное. Не по чьей-то указке, не по календарю или расписанию — лишь по зову сердца приехали сюда они со всех концов необъятной земли нашей.

Реквием... Он звучит, гудит гудом февральского степного ветра, немолчным стоном вьюги, шорохом шагов, вздохами тысяч. Невероятно притягательна мощь ожившей памяти душ людских. Казалось, какая сила привлекла бы их в этот неуютный, жесткий, ветреный зимний день на берега Волги, на обледенелые каменные ступени мемориала. Ожившая память душ людских! Ведь нет ни одной семьи в нашей Отчизне — в далекой Сибири или Туркмении, Украине или Белоруссии, Грузии или на Алтае,— где бы не было потерь, где не рыдали бы матери, потерявшие мужей и детей, не плакали бы сестры, тоскующие о павших братьях, или не скорбели бы жены, ставшие вдовами.

Двадцать миллионов жизней унесла война. И никакие «историки» и компьютеры не сотрут эту грозную, зловещую цифру. Никакие запоздалые мемуары битых генералов или злобствующих специалистов-«советологов» не сотрут, не затемнят роль нашей великой страны во всемирной битве с фашизмом.

Помни!

Звучит скорбная музыка Шумана. Одиноким огоньком высоко, высоко на обломках руин горит букет пунцовых роз, вознесенных туда смелой рукой... и память немедля переносит меня в Болгарию, на Шипку, и я вижу, вижу: розы на мраморе, сотни живых сердец, пылающих любовью к русским братьям, освободившим их страну от иноземного ига...

И я не могу заставить себя вглядываться в какие-то детали мемориала, искать в них какие-то огрехи пластики. Нет, нет, я охвачен потоком чувств всех людей, и я иду, смущенный и взволнованный до слез океаном человеческих страданий и радостей, заключенных в понятии «Победа на Волге», и когда, пройдя величественную фигуру гранатометчика, «Руины», «Пьету» и шеренгу фигур бойцов, я поднимаюсь к постаменту Матери-Родины, то вижу в бездонном небе гордую русскую Нику, победно зовущую солдат в атаку, зрю меч, словно рассекающий пополам небосвод, вижу буревые складки бетона, сверкающего в серебряной наледи,—меня охватывает ни с чем не сравнимое ощущение полета, гордой Славы жизни, победившей смерть.

Время словно остановилось, и только мчащиеся тучи напоминали о быстротечности мгновений, отмеренных нам судьбой.

Монументальная скульптура... Века толпятся у твоих подножий. Льется плазма вечности по вздутым мраморным венам «Давида» Микеланджело Буонарроти. Пульсирует горячая бронзовая кровь по жилам творений Верроккьо, Донателло. Пристально, загадочно глядят на нас из тьмы столетий глаза старого сфинкса.

Монументы, памятники — без них не проходила ни одна эпоха. Беда в том, что беспощадный рок разрушал их, и мы не можем видеть сегодня творения гениальных Фидия, Леонардо да Винчи... Но велика сила их воздействия — их, даже не существующих на Земле. Неотразима мощь легенд, рождаемых ими. Легенд о красоте, о правде жизни, о мере подвига, о цене Победы. И дело не в том, насколько кому-то нравится масштаб, ракурс или силуэт того или иного памятника. Смысл любого художественно исполненного монумента в том, что он оставляет след, борозду в памяти грядущих поколений, которым, даст бог, никогда не доведется участвовать в битвах и пережить ужасы и страдания, которые приносит людям война.

Да, мемориал Мамаева кургана надо видеть, надо побывать среди тысяч людей, пройти с ними весь путь... и ты тогда поймешь меру усилий художника, создавшего это уникальное творение.

Вспомни.

Гарь. Зловещая гойевская пляска пожарищ. Лязг оружия. Визг и вой снарядов, смертный дождь пепла... Руины... Руины... Волга. Смерч взрывов. Истерзанные бомбежкой берега. Дымное марево войны... и человек, солдат, офицер, генерал, маршал... Люди, победившие смерть... Все это ты ощущаешь, восходя по ступеням мемориала...

Так, видя простертую длань фальконетовского «Петра», можно многое помыслить о старом Санкт-Петербурге. Так черные пасти химер Нотр-Дам де Пари раскрывают нам образ средневекового Парижа.

Юноши и девушки у бронзовых сфинксов на берегах Невы, около Медного Всадника, и мерцающий свет бессонных зорь белых ночей — как все это заставляет сильнее биться человеческие сердца, как это поистине прекрасно!

Такова сила монументальной скульптуры и архитектуры, этой каменной летописи веков.

Как можно забыть завораживающие своей прелестью летние вечера, когда москвичи и гости столицы приходят на Красную площадь, где их встречают бронзовые Минин и Пожарский, древний Кремль, собор Василия Блаженного. Они проходят около гранитных трибун и смотрят на величественный и простой ленинский Мавзолей.

Так зримо встречаются вчера и сегодня. Памятники старины и монументы истории и сегодняшний день. И в этой связи есть глубокий смысл.

Зажигаются первые звезды в темном синем небе, ярко блестят рубиновые звезды Кремля, и люди, освещенные светом вечернего города, любуются панорамой главной площади Страны Советов.

Монументальная пропаганда. Сколько внимания уделил ей в свое время Владимир Ильич Ленин.

Мы по праву гордимся «Ленинианой» Андреева. Нас покоряет мощь «Рабочего и колхозницы» Мухиной. Бессмертен «Киров» скульптора Томского. Замечательны творения Шадра, Голубкиной, Коненкова, Матвеева, Иокубониса, Николадзе, Кибальникова, Белашовой. Талантливы и современны произведения Аникушина, Кербеля, Владимира Цигаля.

Конечно, создано немало, но еще больше предстоит совершить, и к этому есть и силы, и таланты, и время. Много надо нам сделать в области истинных произведений монументальной скульптуры, так необходимой для наших быстро растущих городов, для воспитания нашей молодежи.

Огромное волжское небо с несущимися свинцовыми тучами. Река-богатырь, закованная в лед, одетая в белые снега. Дали неоглядные. И над всем этим поистине русским неохватным простором высится мемориал Мамаева кургана с его темными от мокрого снега и наледи скульптурами.

На меня зорко глядели светлые, острые глаза Вучетича.

— Время,— промолвил он,— хотим мы этого или не хотим, стремительно уносится в невозвратное, поэтому я не раз задаю себе вопрос, что я сделал сам и чем поделился с людьми... Какой след оставил во времени?

Молча я смотрел на сотни людей, тихо идущих вверх по ступеням монумента к подножию Матери-Родины.

Смеркалось... Все четче и суровее выступал силуэт женщины, поднявшей меч и зовущей бойцов в атаку.

Сильный порыв ветра поднял вихрь снега, и казалось, что фигура ожила и пошла вперед на встречу с вечностью.

Пролетели годы... Утихли страсти, иногда суетные, а порою деформированно пристрастные, обусловленные любовью либо нелюбовью к искусству Вучетича... Ушел от нас и сам мастер.

И вот в дни, когда отмечается семидесятилетие со дня рождения художника, мы можем, используя магическую силу дистанции времени, осмыслить: «Какой след в истории нашего искусства оставил автор десятков скульптурных портретов, памятников, монументов?»

Вспомним некоторые произведения из наследия ваятеля.

Портрет И. Д. Черняховского... Открытое, волевое лицо молодого талантливого полководца. Весь образ проникнут необычайной энергией и обаянием. Сведя брови, пристально вглядывается вдаль генерал армии. Будто порыв ветра уложил бурные складки брошенной на богатырские плечи солдатской плащ-палатки... Ключом бьет жизнь, запечатленная в бронзе.

Высоко поднят указующий перст генерал-лейтенанта Ефремова — умирающего, но не сдающегося врагу. Ужас объял солдат противника, не выполнивших приказ фюрера взять героя живым... Не вышло. До последней пули сражался патриот.

Трагедия... Рубеж жизни и смерти. Горстка воинов окружена зловещим, гибельным кольцом. Но неприступным бастионом встали перед врагом мужество, героизм, святая преданность Отчизне наших бойцов, руководимых Ефремовым. И так опаляюще светла была его отвага и кончина, что гитлеровцы принуждены были похоронить генерала и отдать ему высокие воинские почести.

Памятник Ефремову в Вязьме... Собрав последние силы, генерал показывает соратникам путь к Славе. Он видит, ясно видит эту единственную и неповторимую радость полной и окончательной Победы. Пусть их осталось всего пятеро. Пусть их ждет гибель. Да, они умрут, но останутся жить вечно. Такова убедительность и мощь резца Ваятеля, изобразившего подвиг.

...Берлин. Трептов-парк. Шелестят кроны деревьев. Среди них вздымается фигура советского солдата — памятник воинам Советской Армии, павшим в боях с фашизмом. Молодой боец с простым, добрым и светлым лицом обращен к Солнцу Победы. Он счастлив, что наступил мир. В его могучей руке булатный меч, рассекший попранную свастику.

Крепко прижался к груди бойца спасенный от ужасов войны ребенок.

Образ-символ, изваянный в то время, когда опыта создания памятников-мемориалов было мало в нашей стране и это был первенец — произведение новаторское и смелое. Монумент был создан в содружестве с архитектором Яковом Белопольским, с которым был спроектирован ряд скульптурных ансамблей.

Мне довелось видеть памятник в натуре, и я не забуду нескончаемую очередь молодых и старых людей, груды цветов и венков у подножия скульптуры. Я ощутил ту торжественность, которая рождается лишь истинным пластическим образом, найденным и решенным. Доходящим до сознания и душ тысяч и тысяч людей. Художнику, создавшему этот монумент, присуща масштабность мышления, раздражающая иных, но ведь известно, что не создано еще искусство, которое бы нравилось абсолютно всем, тем более в нашем сегодняшнем бесконечно сложном мире.

Но вернемся к скульптуре.

Нью-Йорк. Словно вычерченный гигантом, вытянутый прямоугольник из бетона и стекла. ООН. У самого здания Организации Объединенных Наций титанического сложения человек взметнул ввысь тяжкий молот. Еще миг, и застонет, зазвенит меч под ударами молота.

«Перекуем мечи на орала!» — говорит бронза людям всей Земли... Этот призыв особенно громко звучит в наши дни, когда советский народ призывает всех граждан нашей планеты жить в мире, преградить путь войне, сделать опасность ядерной катастрофы невозможной. Каждый здравомыслящий человек понимает, что третья мировая война означает конец нашей цивилизации.

Гудит, гудит как набат на весь мир этот призыв, воплощенный в вечный металл... Во имя мира, во имя жизни.

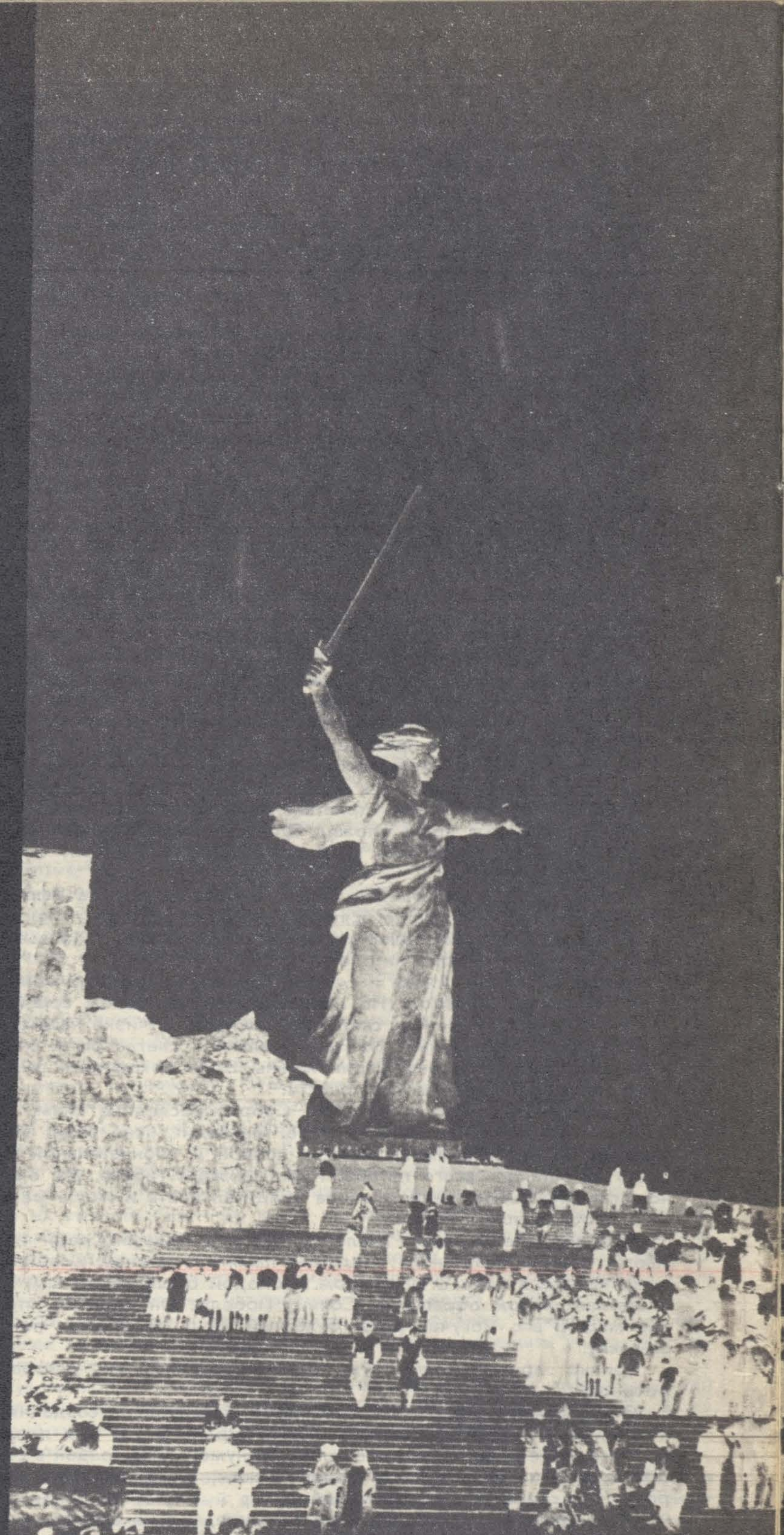
Нет возможности даже пунктирно перечислить все работы, созданные в многотрудной творческой деятельности скульптора. Это прежде всего «Лениниана», где образ вождя революции особенно монумента-

Памятник воинам Советской Армии, павшим в боях с фашизмом, в Берлине.

Памятник-ансамбль героям Сталинградской битвы.

Скульптор Е. Вучетич — руководитель авторского коллектива, архитектор Я. Белопольский и другие.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и И. ТУНКЕЛЯ

лен, и огромная галерея портретов современников—рабочих и полководцев, поэтов и ученых, композиторов и солдат — героев созидания и героев Великой Отечественной войны.

Образ Вучетича, человека и художника, сложен, как, впрочем, сложны творческие биографии любых крупных мастеров.

Главное в жизни скульптора коммуниста Евгения Викторовича Вучетича — это труд, труд и еще раз труд, целиком отданный творчеству, искусству во имя желания создать произведения гражданственные, патриотические, достойные своего времени.

Что же касается той круговерти мнений и вкусов, которая так обычна для жизни творцов, то стоит вспомнить замечательные строки Есенина:

Лицом к лицу
Лица не увидать.
Большое видится на расстоянье.

Индекс 70663

Цена номера 35 коп.